

10-

Цена 50 коп.

КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭЛЬБРУС»

● НАЛЬЧИК
1970

63.4(2р37-6к-5)4-4
М586
1251662

И. М. МИЗИЕВ

**СРЕДНЕ-
ВЕКОВЫЕ
БАШНИ
И СКЛЕПЫ
БАЛКАРИИ
И КАРАЧАЯ**

И. М. МИЗИЕВ

**СРЕДНЕВЕКОВЫЕ
БАШНИ И СКЛЕПЫ
БАЛКАРИИ И КАРАЧА**

[XIII—XVIII вв.]

ЭЛЕКТРОННАЯ
ВЕРСИЯ

Под редакцией проф. *Е. И. Крупнова*

10157662

КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС»
НАЛЬЧИК · 1970

ГОСУДАРСТВЕННА

63.4 (арх. 27-РК. Л) 4-4
М 586

1-6-2
БЗ-70М

ПРЕДИСЛОВИЕ

Общепризнано, что для восстановления всех сторон истории и культуры любого народа, изучение эпохи позднего средневековья имеет принципиально важное значение. Справедливость этого признания кажется особенно верной применительно к многонациональному Северному Кавказу. Но, к сожалению, несмотря на действительно актуальную значимость для истории всех народов этого края эпохи, наиболее близкой современности, она по ряду причин оказывается наименее изученной в историко-археологическом отношении.

Своей письменности средневековые народы Северного Кавказа не имели. В исторических документах других народов, и в первую очередь своих соседей, скажем, Грузии, а позднее и России, они отражены очень слабо. Отсюда возникает первостепенная задача сбора, накопления и систематизации всевозможных средневековых исторических источников для решения основных вопросов местной истории, например, этногенеза, т. е. происхождения народов или формирования национальной культуры.

И хотя для столь позднего времени показания археологических материалов, на первый взгляд, кажутся не так уж убедительными, в действительности, при выяснении таких кардинальных исторических вопросов, как экономика, техника ремесла, характер быта, внешние связи, особенности духовной культуры и даже происхождение народов, роль вещественных источников оказывается исключительно важной, в особенности при характеристике хозяйства и ремесла.

Уже существующий опыт по написанию средневековых разделов в сводных трудах по истории отдельных национальных республик и народов Советского Союза служит тому отличным доказательством.

Указанный недостаток в исследовании средневековой истории многих народов Северного Кавказа, пока полностью еще не преодоленный, особо остро и ощутимо чувствуется применительно к той небольшой горной полосе центральной части Северного Кавказа, которую населяют балкарцы и чарчаевцы. Два малых родственных народа, говорящие на одном тюркском языке, по всем данным, имеют общее происхождение и взаимосвязанную историю.

Оба эти народа, общая численность которых в настоящее время приближается к цифре в 150 тысяч человек, в разные периоды своей истории имели, как общие, так и разные судьбы, полностью остающиеся еще не выясненными. Так, требуют серьезного уточнения и социально-экономические вопросы из средневековой истории этих народов, их культура и особенно этногенез. Лучшей иллюстрацией современного состояния изученности этих вопросов служит содержа-

тельная, не бесспорная во всех частях, но интересная работа Л. И. Лаврова «Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века», опубликованная в «Кавказском этнографическом сборнике», IV, М., 1969 г.

Всем этим и объясняется то печальное обстоятельство, что до сих пор не может еще быть написана полная научная история балкарцев и карачаевцев. Такая задача как первоочередная поставлена самой жизнью перед определенным кругом кавказоведов. Она требует мобилизации всех видов исторических источников, в том числе и археологических, сбор и накопление которых в Балкарии и Карачае очень задержались в военные и даже в послевоенные годы. Положение осложняется еще и тем обстоятельством, что в последние времена, в связи с размахом социалистического строительства и переустройством сельского быта, археологические объекты, и в первую очередь наземные памятники архитектуры (жилища, оборонительные и культовые), подвергаются массовому разрушению и навсегда теряются для науки.

В свете всех этих данных особое значение приобретает предлагаемая читателю книга старшего научного сотрудника Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, кандидата исторических наук И. М. Мизиева «Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая».

Основным содержанием книги является обстоятельное освещение и научный анализ всех сохранившихся и известных по литературе монументальных архитектурных памятников в виде разного рода оборонительных сооружений (многоэтажных боевых башен и замков), а также разнообразных погребальных объектов (склепов и мавзолеев).

Все они получили блестящее развитие именно в период позднего средневековья, после татаро-монгольского нашествия на Кавказ, созданы балкарцами и карачаевцами до существу, еще в доисламский период своих религиозных верований. В них нашли отражение и своеобразие социально-экономической истории местных племен, и этнографические особенности балкарцев и карачаевцев.

Создание многочисленных образцов средневекового монументального бытового и погребального зодчества является крупным вкладом этих народов в общую сокровищницу материальной культуры народов всего Кавказа. К сожалению, еще в дореволюционный период многие башни были разрушены, а средневековые коллективные склепы и мавзолеи, содержащие мумифицированные трупы, нередко с богатым могильным инвентарем, подвергались варварскому разхищению. Почти ни одна крупная группа склеповых захоронений не была научно исследована. Да и сохранившихся подобных объектов на территории Балкарии осталось уже не так много, а в Карачае — буквально единицы.

Все это многократно увеличивает значимость книги И. М. Мизиева, содержащей первую попытку научного обобщения материальных источников по средневековой истории балкарцев и карачаевцев.

Две основные главы книги знакомят читателя с типологией и классификацией всех оборонительных и погребальных сооружений Балкарии и Карачая, представленной автором на широком сравнительном фоне башенного и склепового строительства в горной зоне Центрального Кавказа. Те же главы содержат

предварительную периодизацию рассматриваемых памятников, разработанную в строгом соответствии с основными вехами истории балкарцев и карачаевцев, особенно в период возникновения феодализма в изучаемых обществах. Одновременно автор сумел показать как общие черты местных памятников с архитектурными образцами соседних народов Северного Кавказа, так и отличительные признаки, присущие только Балкарии и Карачаю.

Не со всеми положениями автора можно согласиться безоговорочно. Кое-что из его утверждений кажется еще спорным и дискуссионным. Так, например, сама периодизация памятников как исторических источников требует уточнения и более обоснованной аргументации историческими фактами, в том числе и временем первого появления огнестрельного оружия на Кавказе. Хотя справедливости ради следует сказать, что эта задача, в силу все еще недостаточной изученности всех комплексов башенной архитектуры на Кавказе, является важнейшей, но пока окончательно не решенной задачей современного кавказоведения.

Предлагаемая вниманию читателей книга И. М. Мизиева «Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая» подводит первые итоги научному изучению замечательных памятников архитектуры этих областей. Одновременно она должна явиться действенным стимулом для углубленного изучения (пока не поздно) этих важнейших исторических источников для всестороннего освещения средневековой истории, быта и культуры балкарцев и карачаевцев.

Можно не сомневаться в том, что книга И. М. Мизиева найдет самого широкого читателя не только на Кавказе, но и в любом районе нашей многонациональной Родины, где живо интересуются судьбой ее больших и малых народов.

Заслуженный деятель науки КБАССР и
ЦИАССР, профессор **Е. И. Круиков**.

ВВЕДЕНИЕ.

Чрезвычайная этническая пестрота издревле присуща населению обоих склонов Кавказского хребта. Большое сосредоточение разноразличных народов на Северном Кавказе привело к тому, что материальная, а отчасти и духовная культура их тесно переплетена, взаимообогащена и взаимосвязана. Произошло это в силу однородных физико-географических условий проживания, экономических и культурных связей и контактов на протяжении многих столетий. Тесные взаимосвязи и зачастую одинаковые условия жизни привели к тому, что народности, далекие друг от друга по происхождению и языку, создали очень близкую между собой материальную и духовную культуру. На примере башенных сооружений эту же мысль высказывал Г. А. Кокиев¹.

Подчас трудно уловить специфические особенности культуры того или иного народа и на примере ее развития воссоздать историческую картину. Это обстоятельство усугубляется еще и тем, что нет письменных источников, освещающих исторические пути развития отдельных народов, с которыми можно было бы сопоставить данные археологии, этнографии и фольклора. При таком положении основным источником, могущим осветить местный исторический процесс, являются источники археологические — разнообразные памятники материальной культуры. При всей важности привлечения к историческому исследованию лингвистических, этнографических и фольклорных данных, все же основные опорные вехи и хронологию пройденных этапов исторического развития, говоря словами А. А. Мессена, мы скорее всего и наиболее надежным способом можем получить только путем исследования археологических памятников.

Этим и объясняется громадное значение данных вещественных источников, которые доходят до нас не через вторые и третьи руки, как в большинстве случаев письменные документы, а непосредственно, в процессе раскопок.

¹ Г. А. Кокиев. Босвые башни и заградительные стены горной Осетии. ИЮОННИК, вып. 2. Сталинград, 1935, стр. 217—218.

Многие вопросы, связанные с формированием материальной и духовной культуры народов Центрального Кавказа, от монголо-татарского времени до XVIII века, до сих пор не подвергнуты еще должному историческому анализу. Применительно к отдельным народам можно сказать, что такие важные вопросы, как, например, этногенез, формирование культуры, вообще не решены. К числу таких народов относятся балкарцы и карачаевцы.

В настоящее время по территориально-административному делению балкарцы входят в состав Кабардино-Балкарской АССР, а карачаевцы — в Карачаево-Черкесскую Автономную область Ставропольского края.

В последние годы (начиная с 1957 г.), вышло в свет несколько серьезных работ, освещающих некоторые вопросы истории и культуры балкарцев и карачаевцев XIX века. Издан ряд архивных документов², опубликованы монографии по общественному строю балкарцев и карачаевцев того же периода³ и «Очерки истории балкарского народа»⁴. Особенно следует отметить работу Х. О. Лайпанова — «К истории карачаевцев и балкарцев», содержащую публикацию результатов археологических работ 1939—1940 гг.⁵ Наконец, нельзя не отметить недавно вышедшую работу Л. И. Лаврова⁶, в которой впервые введен в научный оборот свежий материал и ценный альбом Д. А. Вырубова с зарисовками архитектурно-археологических памятников Балкарии. Многие башни, зарисованные Д. А. Вырубовым, не сохранились.

Среди неизученных вопросов истории Балкарии и Карачая ведущее место занимают такие проблемы, как развитие феодальных отношений, экономической основы, особенностей духовного мира балкарцев и карачаевцев в период их формирования как народностей, что хронологически падает на рассматриваемое время — XIII—XVIII века.

Наличие таких существенных пробелов в изучении балкарцев и карачаевцев по самым кардинальным вопросам их истории можно объяснить следующими причинами:

1. Все, что мы находим в дореволюционной литературе по интересующим нас вопросам, составлено в виде путевых заметок,

² Е. О. Крикунова. Документы по истории балкарского народа. Нальчик, 1959, 1962.

³ В. П. Невская. Социально-экономическое развитие Карачая в пореформенный период. Черкесск, 1960; *то же*. Карачай в пореформенный период. Черкесск, 1964; К. Азаматов. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX в. Нальчик, 1968.

⁴ «Очерки истории балкарского народа». Нальчик, 1961.

⁵ Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957.

⁶ Л. И. Лавров. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. «Кавказский этнографический сборник», вып. IV, М., 1969, стр. 57—119.

очерков, статистических описаний балкарцев и карачаевцев, причем это описание охватывает в основном XVIII—XIX вв.; весь предшествующий период не освещен.

2. После Великой Октябрьской социалистической революции в разработку научных вопросов, связанных с изучением отдельных народов, повсеместно стали втягиваться национальные кадры и местная интеллигенция. Организованные на местах институты краеведения и национальные музеи совместно и под руководством головных институтов АН СССР приступили к планомерному и всестороннему изучению прошлого северокавказских народов. В те годы был подготовлен и издан один из первых томов МИА СССР, посвященный Кабардино-Балкарии⁷. Научное значение его до сих пор трудно переоценить. Но эти плодотворные начинания были прерваны Великой Отечественной войной.

Балкарцам и карачаевцам война вдвойне нанесла духовный и физический ущерб, вызвав громадный застой в подготовке национальных научных кадров для исследования исторического прошлого своих народов.

Этими общими причинами и объясняется то печальное положение, в котором оказалось дело с восстановлением истории балкарского и карачаевского народов. История этих народов до последних лет оставалась почти вне внимания советской научной общественности.

И только после восстановления автономных прав этих народов (1956 г.) начинаются серьезные, планомерные исследования по истории и культуре балкарцев и карачаевцев. Центрами этих исследований становятся Кабардино-Балкарский и Карачаево-Черкесский научно-исследовательские институты в Нальчике и в Черкесске.

Первым шагом в изучении прошлого балкарцев и карачаевцев можно считать подготовку и проведение научной сессии по проблеме происхождения этих народов (1959 г.)⁸.

Сессия пришла к правильному выводу о том, что эти народы являются древними обитателями Северного Кавказа, что их история уходит в глубь веков, их предки на протяжении многих столетий прошли общий путь развития с другими северокавказскими народами. В формировании их этнического облика и культуры решающую роль сыграло смещение местных северокавказских племен с ираноязычными и тюркоязычными племенами⁹.

⁷ «Материалы и исследования по археологии СССР», № 3 (Кабардино-Балкарская АССР). М.—Л., 1941.

⁸ «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1960.

⁹ Там же, стр. 310.

Этот вывод сессии в настоящее время считается наиболее убедительным и прочно вошел в историческую литературу¹⁰.

Однако показания археологического материала и соответствующие выводы археологов на сессии были представлены слабо¹¹, так как целенаправленное и систематическое изучение археологических памятников в Карачае было начато только с 1958, в Балкарии с 1959 года. Вполне естественно — за один год эти памятники не могли быть охвачены целиком, а тем более изучены в должной мере, чтобы служить историческим источником для решения одного из сложных исторических вопросов — этногенеза народов.

Таково общее состояние основной проблематики, одного из важнейших периодов истории балкарского и карачаевского народов.

Основным источником для воссоздания истории позднесредневекового периода являются башенные и склеповые памятники. Но они очень слабо изучены. И это обстоятельство отрицательно сказалось на создании сводных трудов — двухтомной «Истории Кабардино-Балкарии» и «Очерков по истории Карачаево-Черкесии»¹².

Например, в I томе истории КБАССР, изданной к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, важнейшему периоду XIII—XVII вв. посвящено всего несколько страниц, а архитектурно-археологическим памятникам не уделено должного внимания. А ведь они относятся именно к эпохе, когда в Кабардино-Балкарии и на всем Северном Кавказе закладываются основы современной этнической карты, протекает процесс самого формирования балкарского народа.

Еще в 1941 году А. А. Иессен писал, что «Совершенно не освещенным можно считать как раз наиболее интересный в историческом отношении период позднего средневековья, к концу которого мы по письменным источникам застаем ту этническую группировку местного населения (Кабардино-Балкарии — И. М.), которая существовала вплоть до последнего времени»¹³. Почти то же са-

¹⁰ «Очерки по истории балкарского народа», стр. 25; Е. П. Алексеева. Балкарцы и карачаевцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963, стр. 5.

¹¹ Е. П. Алексеева. Некоторые замечания по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев по данным археологии (Сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев...», стр. 96—107); Выступление П. Ф. Акритаса (в этом же сборнике, стр. 276—279).

¹² «История Кабардино-Балкарской АССР», т. I, М., 1967; «Очерки по истории Карачаево-Черкесии», т. I, Ставрополь, 1967.

¹³ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3, стр. 27—28.

мое вынужден был отметить в 1948 году и Е. И. Крупнов¹⁴. К сожалению, к этим заключениям и сейчас добавить нечего — эпоха позднего средневековья и по настоящее время остается одной из наименее изученных страниц истории народов Северного Кавказа¹⁵. Этот факт признается всеми археологами-кавказоведами.

Разумеется, при нынешнем уровне изученности позднесредневековых памятников наивно было бы ожидать в предлагаемой читателю работе освещение всех основных вопросов истории Балкарии и Карачая, о которых говорилось выше. Она представляет собой первую попытку научной характеристики определенного круга ведущих археологических объектов — башен и склепов, балкарцев и карачаевцев. Опыт анализа этих памятников и исторических обобщений, на наш взгляд, сыграет определенную роль в воссоздании средневековой истории балкарского и карачаевского народов.

Поскольку специально изучением башен и склепов Балкарии и Карачая никто не занимался, отмечу лишь, что историографические очерки изучения археологических памятников этих областей были составлены в свое время А. А. Иессеном, Д. М. Павловым и Т. М. Минаевой¹⁶. Анализируемые нами памятники, вместе с имеющимися о них сведениями, отмечены в недавно вышедшей археологической карте Кабардино-Балкарии, составленной И. М. Чеченовым¹⁷. Все это освобождает меня от специального историографического очерка. Имеющиеся литературные и архивные сведения о каждом из рассматриваемых памятников будут даны по ходу их описания.

Предлагаемая читателям работа состоит из двух основных разделов и посвящена историческому освещению позднесредневековых оборонительных и синхронных им склеповых сооружений, некогда созданных балкарцами и карачаевцами. В каждом из этих разделов приводятся общие сведения, география размещения и описание памятников.

Основная задача этой работы заключается в обобщении всего имеющегося материала, в анализе архитектурных памятников как исторических источников, в попытке типологической и хроно-

¹⁴ Е. И. Крупнов. Краткий очерк археологии Кабарды. Нальчик, 1948, стр. 42—46.

¹⁵ В. А. Кузнецов. Основные проблемы археологии Северной Осетии. («Известия СОНИИ», т. XXV, Орджоникидзе, 1966, стр. 206).

¹⁶ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 8—14; Д. М. Павлов. Искусство и старина Карачая. СМОМПК, вып. 45, Махачкала, 1926, стр. 233—264; Т. М. Минаева. Из истории археологических исследований верховья р. Кубани. УЗСГПИ, т. VII, Ставрополь, 1951, стр. 211—236.

¹⁷ И. М. Чеченов. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, стр. 74—100.

логической классификации и в посильном объяснении причин появления подобных сооружений в Балкарии и Карачае. Все это дается в сравнении с аналогичными и синхронными памятниками соседних областей Северного Кавказа.

В отдельных случаях автором высказываются предварительного характера суждения и замечания о возможности использования этих памятников при раскрытии экономического положения и социальных отношений в средневековой Балкарии и Карачае. Детальное изучение этих проблем — дело будущего.

Г Л А В А I

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БАЛКАРИИ И КАРАЧАЯ

1. Общие сведения

Одним из интереснейших памятников Балкарии и Карачая эпохи позднего средневековья (XIII—XVIII вв.) являются оборонительные сооружения — башни, крепости, замки.

Уже ко времени татаро-монгольского нашествия на Кавказ (1-я пол. XIII века), многие средневековые поселения представляли собой сложные оборонительные комплексы (Хумара, Верхний и Нижний Архыз, Верхний Чегем). Оборонительные сооружения XIII—XVIII веков являются дальнейшей ступенью развития раннесредневекового строительства и выступают как венчающие эволюцию местной фортификационной архитектуры населения Балкарии и Карачая. Эти памятники появляются не спонтанно для местной материальной культуры, а имеют глубокую преемственную традицию развития.

Башни и склепы Балкарии и Карачая упоминали почти все до-революционные исследователи и путешественники, побывавшие на Северном Кавказе. Но, к сожалению, ни один из них не попытался дать подробное описание и историческую интерпретацию этих памятников, ограничиваясь лишь фиксацией их. Вот почему живой интерес к себе привлекают они и в советское время.

В последние годы описанию ряда подобных памятников на территории Балкарии была посвящена лишь небольшая статья¹⁸, а

¹⁸ П. Г. Акритас, Т. Б. Шаханов, О. П. Медведева. Архитектурно-археологические памятники горной зоны КБАССР, УЗКБНИИ, т. XVII, Нальчик, 1960, стр. 67—92.

типологическая и хронологическая классификация их была предложена автором этих строк¹⁹.

По выявленным литературным и архивным свидетельствам, а также на основании полевых изысканий, в настоящее время на территории Балкарии и Карачая насчитывается три с половиной десятка оборонительных сооружений — башен, крепостей и замков (см. карту)²⁰. Но это, к сожалению, далеко не все сооружения, которые некогда существовали на территории Балкарии и Карачая. Большинство из них нигде не отражено, ибо уничтожено временем, людьми и природой края. Примером этого может быть группа у Верхнего Чегема, где из 13 башенных сооружений лишь башня Балкаруковых имеет удовлетворительную сохранность, а от остальных остались лишь незначительные следы, либо одни фундаменты. Последние в основном были выявлены с помощью старожилов лишь в 1960—1961 гг.²¹

В этой связи нельзя не вспомнить, что даже братья Нарышкины в 1867 году уже не застали многих памятников, отмеченных в 1849 году А. Фирковичем²².

По фрагментарным остаткам большинства башен трудно судить об их размерах и конструкции. К последним относятся башни у наскальной лестницы Битикле в Верхнем Чегеме — Трам-Кала, Хырджаят-Кала, Личиу-Кала, Ассы-Кала, Тотур-Кала, Хусгос-Кала и др.²³. Сюда же относятся совершенно разрушившиеся укрепления у пос. Былым-Кала, башня Гошайх-Кала у г. Тырныауза, у с. Верхний Баксан — Ференк-Кала, Кала-Кой у с. Карт-Джурт в Карачае, одна из башен Абаевых в Верхней Балкарии у аула Шканты, башня Шахановых — там же у Мухольской ГЭС, башни Баксанук-Кала и Тотур-Кала у с. Безенги и др. Многие из них неоднократно отмечались в литературе²⁴.

Следует отметить, что район Верхнего Чегема отличается наличием остатков четырех круглоплановых башен — две на горе

¹⁹ И. М. Мизиев. Средневековая материальная культура Балкарии и Карачая. М., 1967. (Автореферат кандидатской диссертации); *его же*. О некоторых оборонительных сооружениях средневековой Балкарии. КСИИ, вып. 13, М., 1963, стр. 63—66.

²⁰ Нумерация памятников на карте сквозная, независимо от типов и групп.
²¹ Г. И. Ионе. Верхне-Чегемские памятники VI—XIV вв. УЗКБНИИ, т. XIX, Нальчик, 1963, стр. 183—194; И. М. Чеченов. Указ. соч., стр. 80—84.

²² А. Фиркович. Археологические разведки на Кавказе. ТВОИРАО, ч. III, СПб., 1858, стр. 104—137; Этот же труд опубликован в ЗИРАО, т. IX, вып. 2, СПб., 1857; Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью летом 1867 г. ИИРАО, т. VIII, вып. 3, СПб., 1877, стр. 325—367.

²³ И. М. Чеченов. Указ. соч., стр. 80—84.

²⁴ Там же, стр. 80—82.

РАЗМЕЩЕНИЕ БАШЕН И СКЛЕПОВ БАЛКАРИИ И КАРАЧАЯ

Условные обозначения:

	границы ССР		полуподземные склепы
	границы АССР и АО		наземные прямоугольные склепы
	башни группы А		наземные круглые склепы
	башни группы Б		наземные многогранные склепы
	несохранившиеся башни		несохранившиеся склепы
			несохранившиеся склепы

Донгат, две — в ущелье р. Жылгы-Су. Наличие круглых в плане башен является спецификой верховьев Чегема.

Большой научный интерес представляют различные оборонительные сооружения удивительной сохранности, которые поддаются определению типа и классификации по своим конструктивным особенностям. Анализ и исследованию именно этих памятников посвящен указанный выше раздел предлагаемой работы.

Для освещения экономических и социальных изменений в развитии балкарского и карачаевского народов они являются одним из основных источников. Этим объясняется огромный научный интерес к архитектурно-археологическим памятникам, представленным отдельными башнями, сооружениями крепостного типа, замками и целыми оборонительными системами. Анализ и историческая интерпретация указанных памятников с точки зрения выявления их роли в жизни общества, того, как они освещают социально-экономические изменения, когда и почему возникли — составляют главную цель нашей работы. Задача осложняется тем, что мы до сих пор не имеем ни типологической, ни хронологической их классификации. Правда, для башенных сооружений Чечено-Ингушетии, которые лучше изучены по сравнению с другими районами Северного Кавказа, профессор Л. П. Семенов предложил деление на жилые и боевые башни²⁵, из них более древними он считал жилые. Предложенная им классификация до сих пор никем не пересмотрена, хотя вопрос о том, насколько жилые башни древнее боевых, когда и почему они возникли, остается еще окончательно не решенным.

Исходя из всего этого попытаемся проанализировать архитектурно-археологические памятники балкарцев и карачаевцев и высказать ряд суждений по связанным с ними вопросам.

Интерпретация этих памятников пока не может претендовать на окончательность выводов, а является в какой-то степени лишь итогом первого этапа их научного исследования. При дальнейшем изучении балкарских и карачаевских сооружений, безусловно, возможны какие-то уточнения, дополнения или изменения; исследование же подобных памятников на всем Центральном Кавказе может внести и определенные коррективы в наши выводы и заключения.

²⁵ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963.

2. О географии размещения башенных сооружений Балкарии и Карачая

Исследователям, касающимся истории и археологии кавказских народов, достоверно известно множество оборонительных сооружений на территории Центрального Кавказа — в Ингушетии, Северной и Южной Осетии, Хевсуретии, Сванетии, Балкарии и Карачае. Повсюду эти памятники охватывают высокогорные районы Кавказа по обе стороны хребта²⁶.

В предгорной и равнинной зоне Предкавказья подобные сооружения не встречаются, исключение составляет башня Адиух на Кубани, построенная в XVIII веке²⁷.

Все известные башенные сооружения Балкарии и Карачая находятся в высокогорных районах между Боковым и Скалистым хребтами Кавказа — в зоне Северной депрессии. Как правило, они располагались на труднодоступных скальных участках и вершинах, окаймляющих горные котловины, в которых размещались балкарские и карачаевские аулы. Реже они сооружались в аулах и вблизи от них. Занимая в стратегическом отношении выгодные точки, башенные сооружения в отдельных районах представляли собой достаточно продуманную оборонительную систему населенных пунктов. Примером таких систем могут быть районы Верхней Балкарии, Безенги и Верхнего Чегема, в которых наблюдается особенное скопление рассматриваемых сооружений. (См. карту).

При этом наблюдается определенная закономерность: количество башенных сооружений постепенно убывает с востока на запад²⁸ — от Верхней Балкарии к Баксанскому ущелью и Кара-

²⁶ Наиболее ценные сведения о них см.: МАК, вып. I, М., 1888; МАК, вып. X, М., 1904; ВЕ, вып. IV, 1884, стр. 548 и сл.; ВЕ, вып. IV, 1888, стр. 185—187; Л. П. Семенов. Указ. соч.; Г. А. Кокиев. Указ. соч., стр. 217—234; Ф. Байерн. О древних сооружениях на Кавказе. ССК, т. I, / Тифлис, 1871 (о башнях см. стр. 298—301); И. П. Щерблякин. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. ИИНИИ, т. I, Владикавказ, 1928; Касраули Н. Хевсуретия. Тифлис, 1929; С. И. Макалатия. Хевсуретия, Тбилиси, 1940; Л. П. Семенов. Отчет об археологических работах в Северной Осетии в 1926 году (Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. I, 1925/210); М. Х. Ошаев. Рекогносцировочное описание памятников средневековья реки Терлой-Ахк (горная Чечня). Археолого-этнографический сборник, Грозный 1966, стр. 152—162; П. Г. Акригас, Т. Б. Шахманов, О. П. Медведева. Архитектурно-археологические памятники...; А. И. Робакидзе. Жилища и поселения горных ингушей. «Кавказский этнографический сборник», вып. II, Тбилиси, 1968, стр. 41—117; В. И. Марковин. В стране вайнахов. М., 1969; Р. Г. Джадгидиев. Средневековые бытовые памятники верховьев р. Большой Лиахвы. Изв. ЮОНИИ, вып. XV, Цхинвали, 1968, стр. 155—176.

²⁷ Л. И. Лавров. Кто и когда построил башню Адиух. Газ. «Красная Черкесия», № 289, 1940; его же. ЭПСК, ч. II, М., 1968, стр. 143.

²⁸ И. М. Чеченов. Указ. соч., стр. 118.

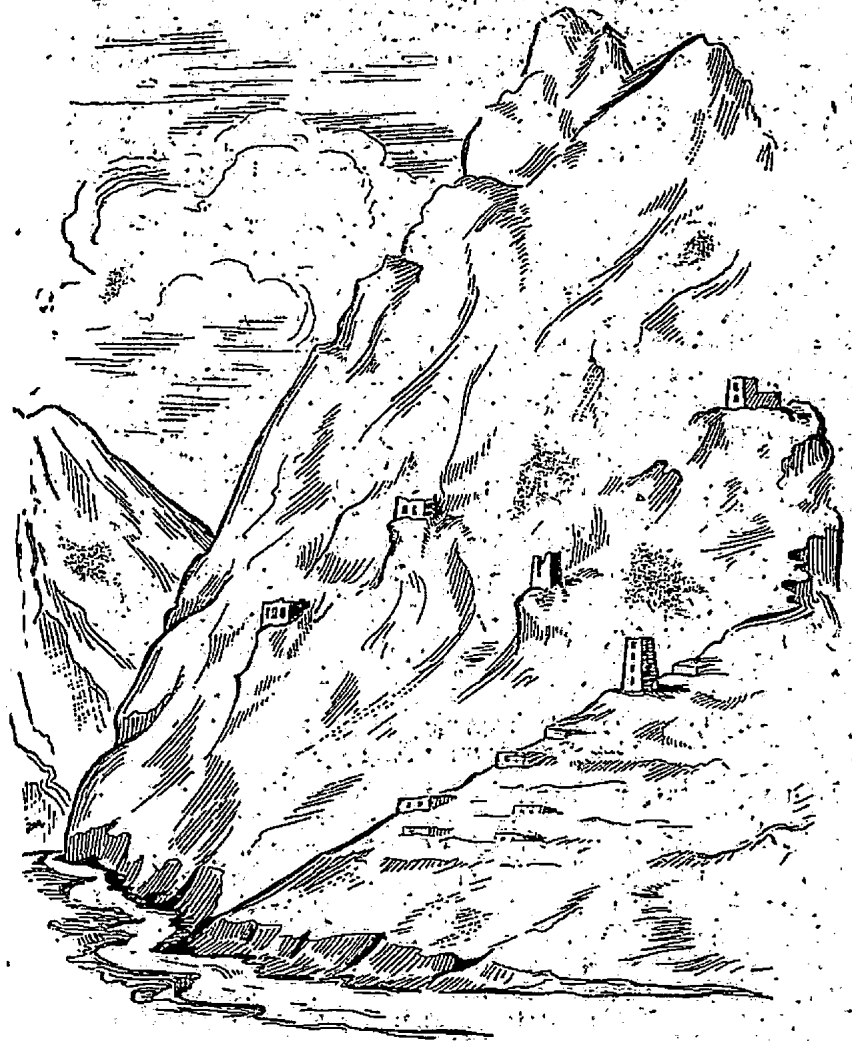

Рис. 1. — Схема расположения оборонительных сооружений в районе аула Кюллом (В. Балкария).

чаю. В Верхней Балкарии, по литературным данным, было десять башенных сооружений, сейчас сохранились остатки девяти (рис. 1), а в Безенгийской котловине их насчитывается шесть. В Верхнем Чегеме было 14 башен, но от большинства из них почти ничего не

сохранилось, кроме самых незначительных следов и народной памяти о них, которая привязывает их к определенному пункту. Сейчас здесь сохранилось четыре памятника рассматриваемого времени²⁹

В верховьях Баксана подобных сооружений — 3, от двух из них сохранились лишь следы; это — укрепление Кала-Кол у пос. Былым, Гошаях-Кала у г. Тырыауза и так называемая Ференк-Кала у сел. Верхний Баксан.

На территории Карачая известно четыре башенных сооружений — два у селений Хурзук и Карт-Джурт на Кубани, одно — у сел. Архыз на Б. Зеленчуке и одно в верховьях р. Джегуты.

С другой стороны, следует отметить, что башни и крепости Балкарии и Карачая по своему местоположению разделяются на сооружения, расположенные на недоступных уступах скал и вершинах, и на сооружения, расположенные непосредственно в самих аулах, вблизи от них или же в местах, более доступных, чем первые.

Такова краткая характеристика географического размещения башенных сооружений Балкарии и Карачая, которая показывает довольно любопытную картину — убывание числа сооружений от верховьев р. Черек к Кубани, с промежуточным скоплением в В. Чегеме и разницу в месторасположении сооружений в отдельных районах.

Причины наблюдаемой картины пока трудно объяснить, но, безусловно, требуют к себе пристального внимания.

3. Описание и типология башенных сооружений Балкарии и Карачая

При изучении рассматриваемых памятников серьезное внимание привлекает одно важное обстоятельство — это их месторасположение и обусловленные этим особенности.

По занимаемому месту — скажем, на вершинах, уступах и крутых склонах гор или же в долинах и аулах — башенные сооружения Балкарии и Карачая делятся на две большие группы. Разделение их по топографическому признаку облегчает задачу выделения нескольких типов по конструктивным особенностям. Выявленные подобным образом группы и типы довольно хорошо выделяются хронологически и по функциональному назначению.

Поэтому мы и выбрали именно этот, наиболее эффективный метод для разработки типологии башенных сооружений рассматриваемых областей.

В группу А мы объединяем сооружения, построенные на не-

²⁹ Три из них являются составными частями Верхне-Чегемского городища, поэтому целесообразно рассматривать их в отрыве от него.

доступных скалах и площадках, а в группу Б — сооружения, расположенные в долинах ущелий непосредственно в аулах или вблизи от них. Каждая из этих групп в свою очередь объединяет несколько типов сооружений. В группе А — можно выделить четыре типа.

К первому типу относятся башни и крепости, сооруженные на очень труднодоступных скальных участках. В плане они не всегда имеют определенную форму — от четырехугольных, почти квадратных до продолговатых, трапециевидных. (Табл. 1.) Все эти формы зависят от естественной конфигурации скальных площадок. К башням этого типа относятся три памятника: башня над старым аулом Хулам в Хуламо-Безенгийском ущелье, башня над старым аулом Кюндюм в Черекском ущелье и башня над а. Хурзук в Карачае. (См. карту).

1. Башня над аулом Кюндюм. Расположена в 400 м юго-западнее а. Кюндюм, на очень крутом склоне горы. В основании прямоугольная, со сторонами: северо-восточная — 8,3 м, северо-западная (сохранилась частично) — 9,6 м, юго-восточная — 6,5 м, юго-западная — 7,7 м. Для того чтобы башня была более прочной, строители выложили перед ней (со стороны склона) две ступенчатые каменные выкладки шириной 1,5 м, высотой 2,3 м. На первой из них и была воздвигнута передняя стена.

Эта башня самая верхняя из всех оборонительных сооружений, расположенных на скальных склонах гор у аула Кюндюм. Литературных сведений о ней нет, впервые она была описана экспедицией КБНИИ в 1965 году.³⁰

2. Хуламская башня³¹ находится на левой стороне Черек Безенгийского, над старым аулом Хулам на западной окраине скалистого кряжа. Расположена башня на крайне труднодоступных террасах скал, доступ возможен только с западной стороны по очень опасной тропе. Метрах в 15 при подходе к ней тропу преграждает мощная оборонительная стена, замкнутая между скалами. Длина стены — 14,6 м, толщина — 0,65 м, высота — 1,6—2,15 м.

Миновав эту стену, к башне можно пробраться по вырубленным в скалах ступенькам. (См. табл. 1.)

В плане она имеет форму трапеции с боковыми сторонами — 5 и 5,1 м, две другие стороны (основания трапеции) — 4,4 и 2,07 м. Высота сохранившихся стен доходит до 3,43 м, толщина стен — 0,9 м. Сложена башня из красноватого камня на прочном известковом растворе.

³⁰ И. М. Мизиев. Отчет археологической экспедиции КБНИИ 1965 г. (Архив ИА АН СССР, Р-1 № 3127; Архив КБНИИ, д. 1746), стр. 14—15.

³¹ Там же, стр. 26—27; П. Г. Акригас, О. П. Медведева, Т. В. Шаханов. Дневник археологических разведок в 1958 г. (Архив КБНИИ, д. 1760, стр. 12).

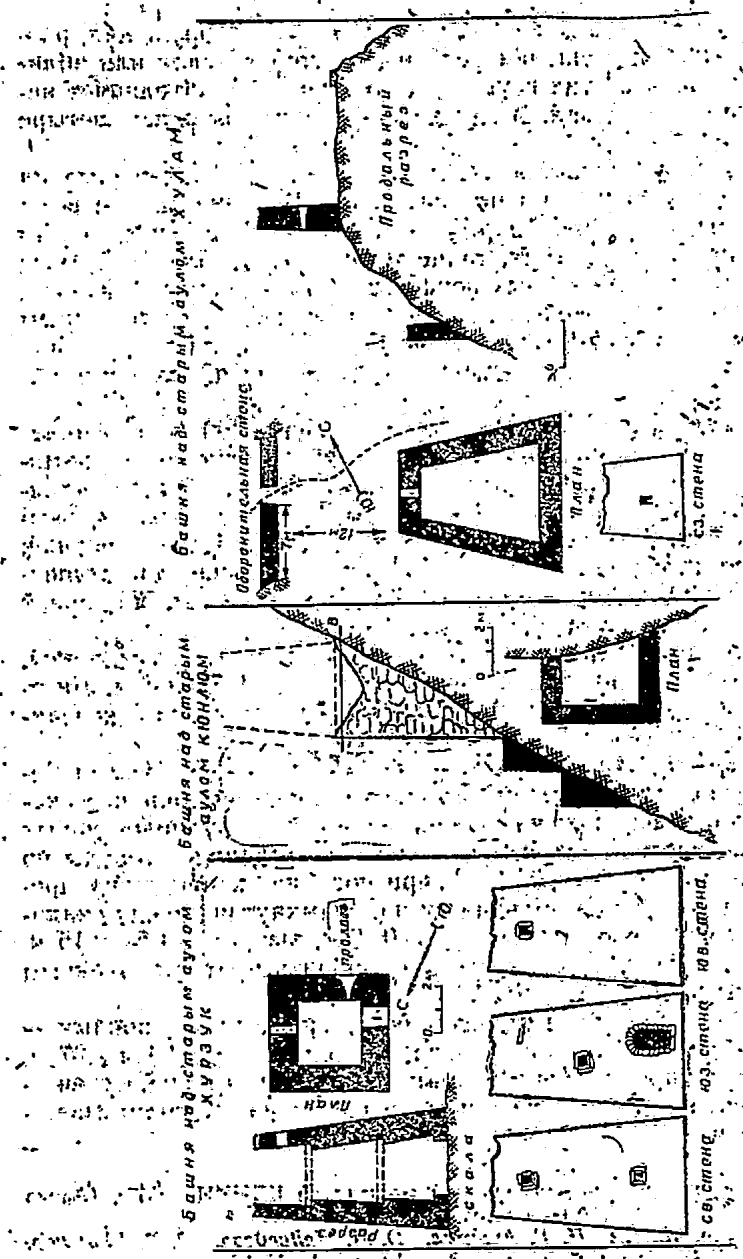

Табл. 1. Оборонительные сооружения Балкарши и Карачай (группа «А», тип 1)

3. Хурзукская башня известна в дореволюционной литературе как Мамия-Кала³². Она находится на вершине едва доступной горы Кала-Баши, на небольшой скальной площадке над аулом, выгодно господствуя над всей котловиной рр. Хурзук и Учкулан. (См. фото 1.) У подножья этой горы сохранились старые жилища карачаевского аула XVIII—XIX вв., ныне он заброшен.

Башня в основании квадратная со сторонами внутри — 2,80 × 2,73 м. Сооружена из сравнительно небольших обтесанных камней. У оснований толщина стен — 1,15 м. Кладка производилась на известковом растворе, стены не штукатурились. Лицевые стороны камней хорошо обтесаны. Умелая подгонка их придает стенам почти гладкую поверхность, такую нам не приходилось встречать среди нештукатуренных памятников Балкарши и Карачая. Видимо, она строилась не спешно. Башня была трехэтажной, о чем свидетельствуют ниши в стенах для укрепления межэтажных балок. Высота I этажа — 2,2 м, II этажа — 2,8 м, III этажа — 2,4 м.

Общая высота ее — 7,4 м, не считая фундамента (высотой 0,55 м, толщиной 1,2 м). Башня кверху суживается таким образом, что на уровне каждого этажа в стенах имеются небольшие уступы (см. табл. 1). Юго-западная стена (со входом) немного разрушена. Вверху дверной проем сведен в полукруглую арку. На первом этаже в восточной стене имеется трапециевидное окно. Ширина окна внутри — 0,35 м, снаружи — 0,20 м, высота — 0,45 м. На втором этаже такое же окно в западной стене. На третьем этаже окна имеются в южной и восточной стенах. Этажи перекрывались деревянными балками. Внутри башни, в 1,5 м от южного угла, имеется выбитый в скале и облицованный камнем колодец для хранения запасов.

Единственный подход к башне возможен с юго-западной стороны, т. е. со стороны ныне заброшенного аула. Но этот доступ такой сложный, что оборонять его могли бы 2—3 человека, сбрасывая камни и вызывая камнепад.

Размеры рассмотренных сооружений различны и по очертаниям плана. (См. табл. 1.) Стороны их имеют от 2,8—6 м до 7—9 м. Все они однокамерные, большей частью 3—4-этажные. Кверху суживаются. О форме перекрытия судить невозможно из-за их разрушенности. В стенах на уровне 2—3 этажей имеются оконные проемы, бойницы и ниши. Дверные проемы в башнях оставлены на уровне первых этажей.

Все памятники этого типа не оштукатурены ни с внешней, ни с внутренней стороны. Камни для кладки грубо обтесывались и

³² В. М. Сысоев, Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. СМОМПК, вып. 43, 1913, стр. 112.

умело подгонялись друг к другу. Углы оснований сооружались из крупных глыб, кладка их производилась связкой смежных стен. Подготовка ровной площади для сооружения башни достигалась наращиванием склона и забутовкой трещин скал. Такая площадка затем служила полом помещения. В полу, в одном из углов внутреннего пространства первого этажа, устраивались облицованные камнем ямы для запасов пищи и воды. Иногда для того, чтобы башня была более прочной, строители со стороны склона или скальных отвесов, впереди и по бокам башни сооружали гигантские каменные выкладки несколькими ступенями, шириной в 1,5—2 м и высотой 2—3 м. (Башня над аулом Кюнлюм в Верхней Балкарии. — Черекское ущелье, см. табл. 1.)

Тип 2 гр. А. К. сооружениям крепостного типа относятся три памятника — Малкар-Кала, Болат-Кала в Черекском ущелье (с. Верхняя Балкария) и Карча-Кала в Карачае у городища В. Архыз. В отличие от башен они намного больше по размерам, имеют различные жилые и хозяйственные пристройки, оборонительные стены. Отличаются мощностью отдельных сооружений и общей грандиозностью всего комплекса. Внутреннее пространство их часто разделено на несколько помещений, у стен иногда сооружены лежанки, хозяйственные ямы и пр.

4. Крепость Малкар-Кала³³ находится в Черекском ущелье, на скалистом уступе горы над старым балкарским аулом Кюнлюм, в котором находится известная в литературе башня Абаевых³⁴.

Малкар-Кала является одной из самых труднодоступных крепостей в районе Верхней Балкарии. Она была известна лишь жителям этих районов и не подвергалась обследованию. Этот памятник представляет собой сильно укрепленное и сложное оборонительное сооружение с прилегающими к нему жилыми и фортификационными пристройками.

Весь комплекс крепостных построек тянется с северо-запада на юго-восток. Основное сооружение — цитадель представляет собой в плане неправильный четырехугольник, передние углы (со стороны склона) которого немного закруглены. Длина ее — 14,8 м, ширина юго-восточной стороны — 6,9 м, ширина северо-западной стороны — 4 м. Как и во многих памятниках, от западной стены, возведенной в срезе склона (задняя стена) остались лишь нижние два-три ряда кладки. Высота сохранившейся части передней стены — 5,05 м, толщина стен — 0,62 м.

Крепость разделена на три камеры, среднее помещение шири-

³³ «Балкарская крепость», И. М. Мизиев, Отчет... за 1965 г., стр. 18—19.

³⁴ В. Ф. Миллер, Археологические экскурсии в горские общества Кабарды. МАК, вып. I, М., 1888, стр. 77—80.

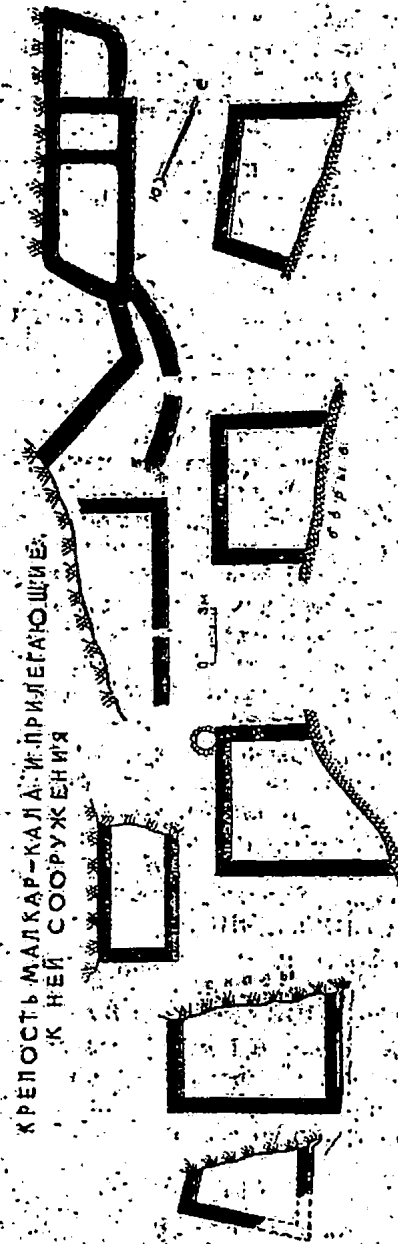

Рис. 2. Оборонительные сооружения Балкарии и Карачая (группа «А», тип 2).

ной 2 м, а два крайних почти равны друг другу. (Рис. 2.) Северо-западная камера была пристроена позже, о чем свидетельствуют следы пристройки. Эта камера не связана в кладке с остальной частью стены, а пристроена к ней впритык, в настоящее время хорошо виден шов этой пристройки.

Все сооружение построено из тесаного красноватого камня, кладка произведена на известковом растворе, стены не оштукатурены.

От Юго-восточного угла цитадели отходят две оборонительные стены, одна из которых идет полукругом длиной 14,3 м, шириной 1,1 м, другая — по прямой на 7,15 м, затем сворачивает к югу и тянется на 4,6 м. Расстояние между ними в начале (у угла крепости) 0,5 м, а в средней части — 3 м.

Непосредственно не соприкасаясь с основным сооружением, к юго-востоку от него тянутся жилые постройки, из которых многие имеют ямы-хранилища, облицованные камнем. Некоторые из них расположены террасой на скальных выступах и укреплены оградительной стеной от обвалов сверху. Остатков подобных построек насчитывается более десятка, и все они расположены компактно с весьма опасными проходами между ними. Нам кажется, что это остатки небольшого родового аула, прижатого к своей оборонительной крепости. При необходимости население могло укрыться в ней и обороняться от неприятеля. Как пример небольшого средневекового родового аула горцев этот комплекс представляет большой этнографический интерес.

5. **Болат-Кала**³⁶ — расположена на крутом склоне той же горы, что и Малкар-Кала, и является самой последней (к юго-западу) по склону горы над аулом Кюндюм. Она как бы завершает всю оборонительную систему этого района. (Рис. 3.) Крепость находится на почти неприступной скале. Доступ возможен только с северо-восточной стороны. Стены сохранились частично. Ориентировано сооружение с СВВ на ЮВВ.

Первоначально крепость имела следующие размеры (внутренние): длина СВВ стены — 8 м; длина ЮЗЗ стены — 7 м; длина СЗЗ стены — 8,8 м; длина ЮВВ стены — 8,8 м.

Толщина передней стены 0,9 м, остальных — 0,65 м. Затем к первоначальному сооружению была пристроена спереди другая половина крепости шириной 2,9 м, толщина стен пристройки — 0,4 м. Внутреннее пространство ее разделено на две равные поло-

³⁶ «Крепость Болата». Краткое описание под названием «Карча-кала» дано в статье П. Г. Акритаса, Т. Б. Шаханова, О. П. Медведевой, стр. 87—88.

ины. Таким образом, крепость стала трехкамерной. Общие размеры крепости теперь следующие: ширина — 8,9 м, длина — 11,7 м (т. е. к первоначальной длине 8,8 м прибавляется ширина пристройки 2,9 м).

О том, что крепость достраивалась, свидетельствует разница в толщине стен. Кроме того, хорошо виден строительный шов пристройки. Об этом же говорит тот факт, что от переднего угла первоначальной камеры в сторону уходит мощная каменная стена, которая обороняла единственно возможный доступ к крепости с северо-восточной стороны. Длина этой стены — более 20 м при сохранившейся высоте от 1,5 до 3 м. В этой же связи можно отметить, что уровень пола основной камеры выше пола пристроенной части на 0,8—0,9 м. (См. рис. 3.)

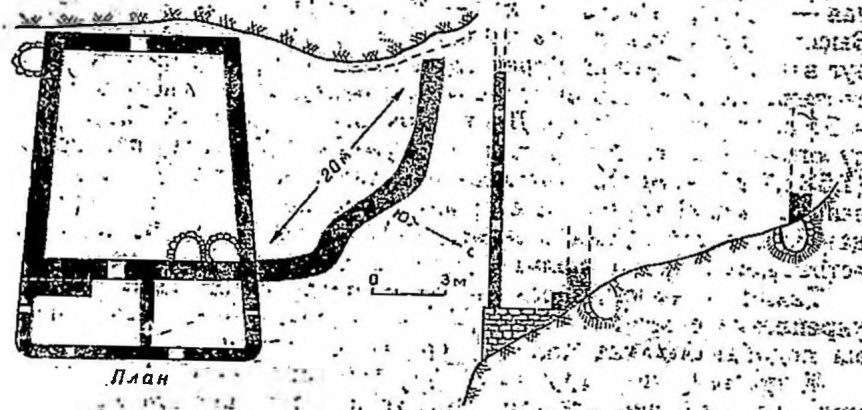

Рис. 3. Оборонительные сооружения Балкарии и Карачая (группа «А», тип 2). Крепость Болат-Кала.

Внутри основной камеры имеются (в северо-восточном углу) две ямы-колодца для запасов провизии; диаметр их 1,1×1,2 м, глубина 1,2—1,3 м. В западном углу ее, с внешней стороны, имеется еще одна яма. Тут же, внутри здания, прослеживается небольшая лежанка шириной 0,5 м, длиной 1,2 м. Подобная лежанка выявлена в одной из комнат пристроенной части крепости.

Высота сохранившихся стен, как и во всех других сооружениях, неодинакова. Здесь более сохранились передняя и боковые. В передней стене, сохранившейся в высоту до 12 м, имеются три

окна стрельчатой формы и семь бойниц. Из них отлично просматривается вся долина р. Черек и аулы, расположенные в ней. Бойницы, находящиеся на высоте 8—10 м, свидетельствуют о том, что крепость имела несколько этажей. Со стороны гор во избежание разрушения крепости лавиной была сооружена ограждающая стена на расстоянии 3 м от задней стены. В настоящее время от нее остались лишь нижние ряды кладки. Эта крепость является самой мощной во всей группе сооружений, окаймляющих старый аул Кюнлюм.

6. Карча-Кала³⁶. У слияния рр. Кизгич и Архыз возвышается высокая гора, на вершине которой находится это укрепление. От него остались лишь фундаментальные ряды кладки стен. Это укрепление, видимо, защищало вход в ущелье р. Кизгич, вверх по течению которого находятся различные остатки строений.

Укрепление представляет собой большое четырехугольное сооружение со сторонами: юго-западная — 11 м, северо-восточная — 10,5 м, юго-восточная — 15 м, северо-западная — 15,7 м. Высота стен сохранилась местами до 0,6 м; толщина до 1 м. Вокруг этого сооружения с трех сторон идет каменная ограда на расстоянии 4,4 м от юго-восточной, 4,7 м от северо-восточной и 5,5 м от юго-западной. Длина стен этой ограды 20—25 м. Между оградой и южным углом сооружения имеется полукруглая (1,5×1,7 м) каменная выкладка — возможно здесь была хозяйственная яма. С восточной стороны к укреплению примыкают фундаменты жилищ. Прослеживаются они от 3,5 до 5,7 м; иногда встречаются просто прямые стены, иногда углы жилищ.

Таким образом, здесь мы имеем дело с остатками большого укрепления с прилегающими к нему сооружениями и жилищами, на подобие Малкар-Кала в Верхней Балкарии.

К третьему типу группы А относятся оборонительные сооружения, составляющие систему укреплений с сильно защищенной, а в некоторых случаях, практически недоступной цитаделью, венчающей весь комплекс. Строительная техника и планировка сооружений почти такие же, как и первого типа, но отличаются тем, что здесь выступает перед нами строго продуманная и взаимосвязанная оборонительная система. Таковы укрепления Зылги в Черекском ущелье и Усхур в Хуламо-Безенгийском.

7. Укрепление Зылги (Замок Бозиных) — наиболее популярная и интересная система оборонительных сооружений Балкарии. (См. карту.) Этот памятник привлекал к себе внимание каждого путешественника и исследователя, побывавшего в этом рай-

³⁶ И. М. Мизиса. Отчет об археологических работах в Каранаево-Черкесской АО в 1956 г. (Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 3747).

оне³⁷. Укрепление построено у самого входа из глубокой теснины реки Черек в горную долину Верхней Балкарии, на левом берегу Черека, на скалистом выступе горного склона. Оно представляет собой первый оборонительный форпост в общей цепи укреплений района Верхней Балкарии. Расположено в три яруса соответственно на террасах скал. (См. фото 2.)

Первый ярус, разумеется, самый ответственный, который первым принимал удары неприятеля. Это — мощная, мастерски сложенная стена на прочном известковом растворе желтоватого цвета. Толщина стены — 0,6 м. Стена идет дугой с северо-востока на юго-запад; она сохранилась на протяжении около 12 м. (Рис. 4.) Затем под прямым углом стена сворачивает к северо-западу, тянется на 4,7 м и примыкает к громадной скале. Через 0,8 м находится еще одна скала, и от нее прослеживается стена длиной 1,7 м. Пространство 0,8 м между скалами, видимо, служило дверным проемом. Таким образом, общая длина этой прямой стены — более 7 м.

В общем плане эта часть укрепления представляет форму дуги со свернутой почти под 90° стеной. Собственно, эта форма была продиктована строителям очертаниями естественной площадки скалы. Трещины в скалах забутованы камнем. Наибольшая высота сохранившихся стен — 3,68 м.

С внутренней стороны, в углу между дугообразной и прямой стенами, сделана ниша длиной 2 м, шириной 1,2 м, глубиной 1 м. (См. рис. 4.) В передней (дугообразной) стене имеются два окна на расстоянии 2 м друг от друга. Одно из них 0,4×0,4 м, другое 0,62×0,9 м. Кроме того, имеется несколько отверстий бойниц. Эти окна и бойницы прорезают стены конусом так, что снаружи они намного меньше, чем изнутри. Из них отлично просматривается весь выход из теснины ущелья вверх в долину реки, где располагались аулы.

Второй ярус — наиболее сложная часть всего укрепления и по конструкции, и по планировке. Именно этот ярус был основой и центром всего комплекса, и его возможно рассматривать как цитадель укрепления. Он был основным объектом обороны и центральным звеном. Расстояние между первым и вторым ярусом 10—11 м. В настоящее время он состоит из двух больших прямоугольных в основании помещений с несколькими перегородками

³⁷ В. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 78 и табл. VIII (6); Н. Харузин. Указ. соч., стр. 186—187; Б. Далгат. Поездка к Чегемским ледникам. Владикавказ, 1898, стр. 7; П. Г. Акритас, Т. Б. Шаханов, О. П. Медведова. Указ. соч., стр. 76—82, рис. 4—7; Д. Н. Лауров. Карачай и Балкария, до 30-х годов XIX в., стр. 99 (рис. на альбоме Д. А. Вырубова); С. П. Савчук. Путеводитель по Кабардинской АССР. Нальчик, 1948, стр. 41.

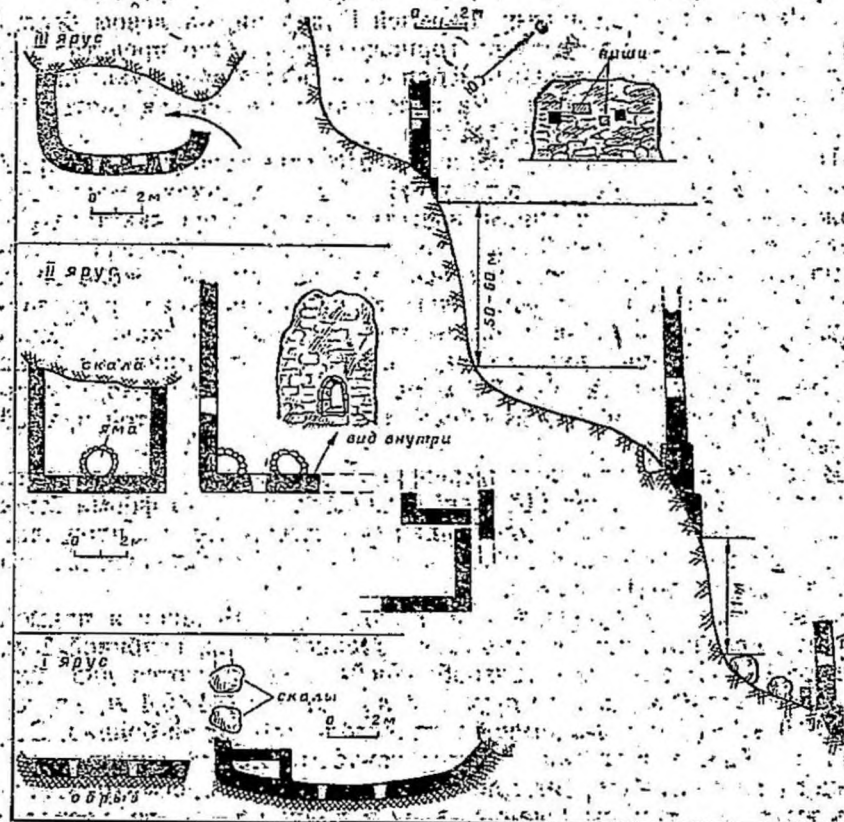

Рис. 4. Оборонительные сооружения Балкарии и Карачая (группа «А», тип 3).
Укрепление Зылги.

внутри каждой. В конце XIX века В. Ф. Миллер и З. П. Тулинцев отмечали во втором ярусе четыре сооружения³⁸.

Между сохранившимися сооружениями имеется узенький проход в 1,4 м. Каждое из помещений имеет хозяйственные ямы-колодцы, ниши и окна в стенах. Возведены они на громадных скалах и террасах, дополненных выкладками, на забутованных для удобства площадках. Высота сохранившихся стен — 5,6—6 м.

От первого помещения (северо-восточного) сохранились ос-

³⁸ В. Ф. Миллер. Указ. соч., табл. XVIII (нижний рисунок).

татки трех стен; четвертая, верхняя, не прослеживается. Боковые стены примыкают к скалам. Длина здания — 13,4 м, ширина — 3,3 м, толщина стен — 0,55—0,6 м. Третья стена (северо-восточная) короче противоположной — 5,5 м.

К передней стене было пристроено небольшое сооружение у самого обрыва скалы. От нее остались две стены — 3 м и 3,65 м. Видимо, это была боковая башня. (См. рис. 4.)

В передней стене этого помещения имеется окно арочной формы, высотой 1,18 м, шириной 0,7 м. Оно пробито на высоте 0,56 м от уровня пола. Внутри здания к передней стене примыкают два колоколовидных колодца, облицованных камнем на известковом растворе. Одна яма находится в углу, размеры ее 1×1,15 м, глубина — 1,15 м. Другая расположена северо-восточнее первой — 1×1,15 м, глубина — 1 м. В боковой (юго-западной) стене, видимо, была дверь в соседнее здание, но из-за разрушенности стены от нее остались лишь следы верхней части.

Второе помещение также примыкает к скале, от нее сохранились остатки трех стен. Длина здания — 6,4 м, ширина — 5 м; другая боковая стена — 4,3 м. В передней стене имеется два окна, приближающие ее конусом. Первое окно 0,4×0,8 м, второе — 0,6×0,8 м. Между ними, в полу помещения, расположена яма-колодец глубиной 1 м и диаметром 1,1 м. Толщина стен здания — 0,6 м.

В обоих сооружениях имеются бойницы в передних и боковых стенах. Из бойниц и окон хорошо просматриваются постройки первого яруса и все подступы к нему.

Третий ярус представляет собой самую верхнюю башню, сооруженную на огромной скале, впритык к отвесной стене обрыва. Это — последний оборонительный рубеж всего укрепления, и потому она сооружена на очень труднодоступной скале на расстоянии 50 м от второго яруса. Одновременно эта башня могла служить и дозорной, потому что с нее обзор окрестностей намного шире, чем из первых двух ярусов. Для сооружения ее очень умело использованы все выступы горы. Вход шириной 1,1 м оставлен между скалой и передней стеной. Две стены сооружения представляет скала, к которой пристроены две другие. Передняя стена идет дугой, а боковая прямо на стык со скалой. (См. рис. 4.) Длина передней стены — 6,4 м по окружности и 5,4 м по прямой. Длина боковой — 3 м, толщина их — 0,65 м. В передней стене имеются два окна — первое шириной 0,38 м, высотой 0,48 м, второе 0,37×0,37 м. Здесь же имеется несколько бойниц и две ниши — одна 0,3×0,3 м, другая 0,67×0,3 м. Высота сохранившихся стен — 1,3 м.

Описанные укрепления дают определенное представление о высокогорных оборонительных сооружениях средневековой Балкарии.

До сих пор речь в основном шла о памятниках верховьев реки Черек (Верхняя Балкария). Оборонительные сооружения этого района представляют собою строго продуманную и законченную систему укреплений, а не случайно разрозненные башни, как это может показаться на первый взгляд. Умелое размещение их делало аулы долины хорошо защищенными, а сами башни и крепости почти недоступными.

8. Укрепление Усхур находится в Безенгийском ущелье северо-западнее бывшего а. Усхур, на юго-западной окраине скалистого кряжа, возвышающегося над аулом. (См. карту.) Этот памятник был зафиксирован как Тотур-Кала³⁹, а в народе он известен как Усхур-Кала. Горный кряж, на котором стоит укрепление, называется Усхур-Башы⁴⁰. Что же касается крепости Тотура или Тотур-Кала, то она расположена в центре с. Безенги, и от нее сохранился лишь небольшой фрагмент стены.

Система укреплений Усхур-Кала состоит из четырех отдельно стоящих, но действительно связанных между собой сооружений (Рис. 5).

Сооружение первое находится на северо-восточном склоне горы, на крутой террасе, забутованной камнем. В плане оно прямоугольное: северная стена — 10,7 м, южная — 11,25 м, восточная — 10 м, западная — 12,5 м. (См. фото 3.) Толщина их — 1,22 м. Высота сохранившихся стен доходит до 3 м. Вход в сооружение с западной стороны, шириной 0,87 м, закреплен громадными плитами в кладке. Восточная стена выходит дальше угла здания на 1 м — видимо, здесь была небольшая пристройка. С северной стороны, на высоте 1,7 м, имеется бойница, пробивающая стену конусом. Высота отверстия внутри — 0,3 м, ширина — 0,4 м, наружные размеры его намного меньше — 0,15×0,2 м. Восточнее бойницы, на уровне с ней, имеется ниша глубиной 0,4 м.

Сооружение второе находится юго-западнее первого, метрах в 27 выше по склону и представляет собой прямоугольное сооружение, от которого имеются остатки двух стен. (См. рис. 5.) Северо-западная стена длиной 4 м улирается прямо в скалу; северо-восточная прослеживается на 7,56 м, а сохранилась на 5 м. Толщина стен — 0,54 м, высота — 2,15 м. В южном углу помещения, в скале, вырублен колодец, который наполовину облицован камнями на известковом растворе. Диаметр колодца — 1,1 м, глубина — 1,3 м. Западнее колодца, внутри здания, на расстоянии 2,9 м вы-

³⁹ А. Фиркович. Указ. соч., ЗРАО, стр. 400—401; В. Миллер, М. Ковалевский. В горских обществах Кабарды. ВЕ; кн. IV, 1884, стр. 548; В. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 77; П. Г. Акритас, Т. Б. Шаханов, О. П. Медведева. Указ. соч., стр. 70—74.

⁴⁰ И. М. Мизиев. Отчет... за 1965 г., стр. 27—31.

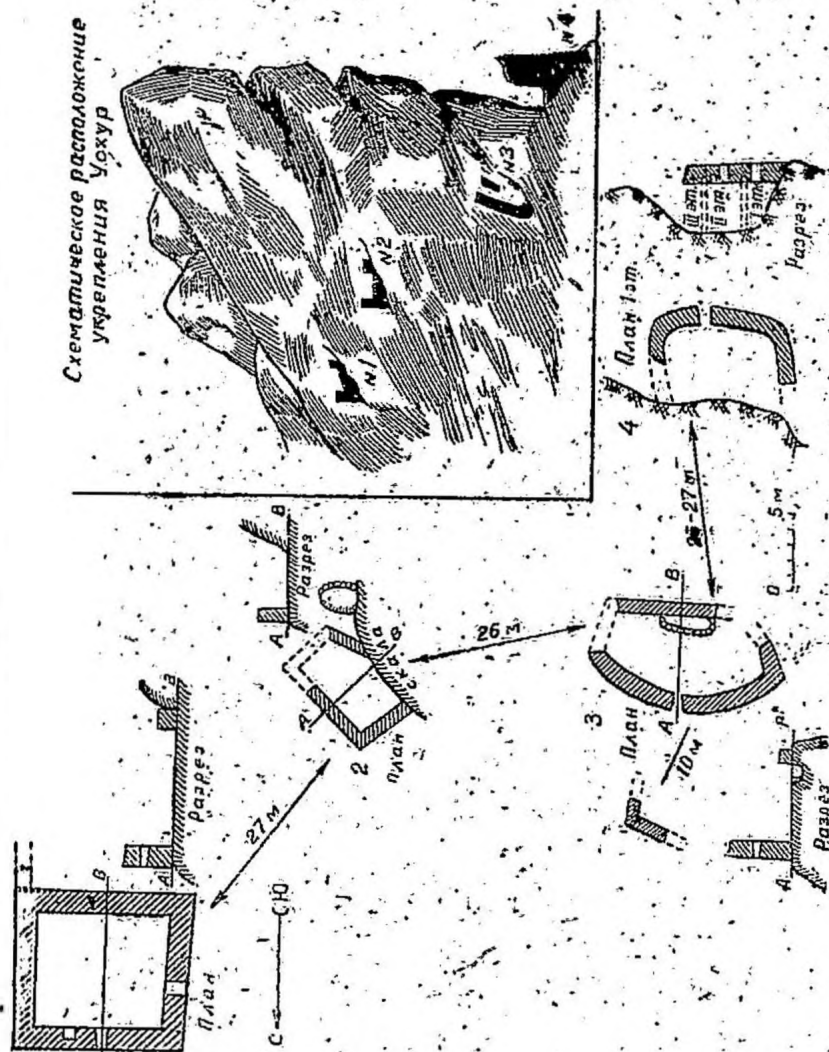

Рис. 5. Оборонительные сооружения Балкарии и Карачая (группа «А», тип 9).

явлена стена, идущая от северо-восточного угла внутрь сооружения.

Сооружение третье находится западнее второго, метрах в 50 от северного обрыва горы, т. е. на самом подступе ко всей системе. С северо-запада к востоку тянется мощная полукруглая стена длиной 15 м. Затем с обоих концов ее к центру идут две прямые стены. Длина западной — 1,7 м, а юго-западной — 2,8 м. Со стороны обрыва идет четвертая, тоже прямая, стена длиной 5,7 м. У этой стены, внутри сооружения, имеется яма-хранилище, продолговатая в плане, длиной 3 м, шириной 0,6 м и глубиной 0,8 м. В передней полукруглой стене, в центре, имеется пробоина в 1,8 м шириной. На высоте 1,6 м рядом с нею имеется бойница шириной 0,2 м и высотой 0,15 м.

Перед этим сооружением, на расстоянии 10 м видны остатки еще одного здания.

Надо отметить, что все три сооружения построены на северо-западном склоне горы Усхур-Баши, т. е. со стороны входа в ущелье, откуда единственно возможен подход к цитадели, так как все другие склоны горы представляют вертикальные обрывы.

Цитадель системы расположена на южной отвесной стене, на небольшом выступе скалы. (См. фото 4.) Доступ в нее возможен лишь опытным альпинистам. Все исследователи, видевшие это сооружение, описывали лишь свои зрительные впечатления и в некоторых случаях допускали неточности⁴¹.

Поэтому необходимо дать более подробное описание этого памятника.

Башня буквально «прилеплена» к отвесной стене обрыва на высоте около 200 м. Добраться до нее можно лишь на веревке сверху или сбоку. Соответственно небольшой площадке покатога выступа скалы башня эта имеет в плане неправильную форму. Углы здания с внешней стороны прямые, а внутри закруглены и сглажены. (См. рис. 5.) Три стены примыкают к скале, которая заменяет четвертую. Южная сохранилась полностью — ее длина 6,7 м, а высота — лишь 5,4 м. От юго-восточной стены осталось 1,7 м, от северо-западной — 2,65 м. Между скалой и северо-западной стеной оставлен вход шириной 0,9 м.

Видимо, к входу вели вырубленные в скале ступени, иначе немислимо попасть в башню без веревки или очень высокой приставной лестницы (не менее 20 м). В передней стене (южной) башни хорошо видны ниши для укрепления балок в два ряда (по три балки в каждом). Это свидетельствует о том, что башня име-

⁴¹ В. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 78—80, табл. XVIII; П. Г. Акритас, Т. Б. Шаханов, О. П. Медведева. Указ. соч., стр. 76—80.

ли три этажа. Высота первого — 1,6 м, второго — 2,4 м. Третий сохранился на высоту 1,6 м. На первом этаже в стене пробито окно прочной формы шириной 0,7 м в основании и 0,5 м вверху; высота окна 0,5 м. На втором этаже в этой же (южной) стене тоже имеется окно — 0,53×0,6 м. Из этих окон хорошо просматривается долина реки Черек с бывшими аулами. Выше второго этажа имеется ниша — 0,4×0,4 м. Толщина стен в основании — 0,59 м. Башня кверху суживается. Сооружена она из красноватого камня на желтом известковом растворе.

Весь комплекс Усхур-Кала — хорошо продуманная и очень сложная оборонительная система, почти недоступная неприятелю.

К четвертому типу группы А относятся два интересных и своеобразных памятника — это грандиозный замок Джабоевых, расположенный в 5 км к северо-востоку от сел. Безенги, и замок над пулом Курнаят в Черекском ущелье.

9. Замок Джабоевых хорошо виден из укрепления Усхур. Находится он на самой вершине труднодоступной горы. Представляет собой мощный средневековый феодальный замок, давно привлекавший внимание исследователей⁴². Ориентирован с юго-запада на северо-восток. Внутреннее пространство замка разделено на четыре помещения. Планировка диктовалась конфигурацией площадки, и потому форма его плана несколько необычна — удлинённая, с прямыми стенами, соединёнными под разными углами. Два крайних отделения сооружения, являлись башнями, как и в классических замках. Вход в него общий; внутри же имеются дверные проемы в отдельные помещения. В стенах много бойниц и окон, откуда просматриваются окрестности, они направлены в разные стороны для обстрела подступов. Стены замка сложены из тесаных камней на известковом растворе. Толщина их 0,7—1—1,5 м. Внутри здания, в двух больших помещениях, предназначавшихся для жилья, имелись ямы-хранилища, лежанки у стен и различные ниши. (См. фото 5, рис. 6.)

На подступах к замку, в нескольких метрах западнее, сохранились остатки длинной каменной стены с несколькими бойницами. Высота ее — 2,3 м, длина — 12,4 м, толщина — 0,9 м в основании и 0,7 м вверху. У стены прослеживаются различные пристройки небольших размеров, от которых сохранились лишь фрагменты. Это, видимо, оборонительное сооружение, защищавшее

⁴² А. Фиркович. Указ. соч., стр. 401; В. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 77—78; ИАК, прибавление к вып. 2: СПб, 1902, стр. 33; П. Г. Акритас, Т. Б. Шаханов, О. П. Медведева. Указ. соч., стр. 74—76; А. И. Робакидзе. Формы поселения в Цакарли, МЭГ, XI, Тбилиси, 1960, стр. 105, таб. XVII (на груз. яз.); И. М. Мишиш. Указ. отчет, стр. 25—26; Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 100 (рис. из альбома Д. А. Вырубова); С. П. Савчук. Указ. соч., стр. 38.

Рис. 6. Оборонительные сооружения Балкарии и Карачая (группа «А», тип 4).
Замок Джабоевых.

подступы к замку. Стены замка оштукатурены, камни в кладке хорошо подогнаны друг к другу. Углы основания скреплены большими обработанными камнями. Как по конструктивным особенностям, строительному мастерству, так и по своему функциональному назначению этот памятник резко отличается от всех перечисленных типов сооружений.

10. Замок Курнаят⁴³. На юго-востоке сел. Верхняя Балкария в ущелье речки Курнаят выступает небольшой скальный мыс, вытянутый с СВ на ЮЗ. Длина его около 80 м, а наибольшая ширина 45—47 м. С трех сторон (СВ, ЮВ, СЗ) он обрывается вертикальными стенами высотой от 30 до 70 м. Доступ на этот мыс возможен лишь с юго-западной стороны, где он плавно соединяется с возвышающейся рядом горой. У юго-восточного основания мыса некогда располагался аул Курнаят. На скалистой поверхности этого участка был сооружен целый комплекс строений, представляющих средневековый феодальный замок. Он состоял из 6 удачно расположенных сооружений. Пространство между ними образовывало двор, куда можно было попасть по неширокому 12—20-метровому перешийку, соединяющему этот мыс с горой. (Фото 6, рис. 7.)

Сооружение 1. Это самое крупное сооружение всего комплекса; охватывает юго-западную окраину мыса по всей его ширине. Юго-восточная сторона целиком приспособлена к самому краю обрыва, а противоположная сторона находится в 9—13 м от обрыва. (См. рис. 7.) Состоит оно из четырех отдельных помещений, или камер.

Камера А представляет собой форму неправильного четырех-

⁴³ П. Г. Акритас, Т. Б. Шаханов, О. П. Медведева. Дневник..., стр. 19—20; И. М. Мизилов. Отчет об археологических работах в Верхней Балкарии и у селения Ташлы-Тала в 1968 г. (Архив ИА АН СССР, Р-1, д. № 3693; Архив КБНИИ, д. 1829).

Рис. 7. План замка Курнаят.

угольника, вытянутого с юго-запада на северо-восток. Длина ее 8,1 м, ширина с ЮЗ стороны — 6,4 м, а с СВ стороны — 4,5 м. Южный угол этого помещения представляет собой отдельную башню. В плане она почти квадратная со сторонами: СВ — 2,15 м, СЗ — 2 м, ЮЗ — 2 м и ЮВ — 2,3 м. Толщина ее внешних стен — 0,9 м, а внутренних — 0,5 м (СВ) и 0,7 м (СЗ). Кладка стен произведена на прочном известковом растворе из рваного камня-плитняка, который использовался очень умело. От внутренних стен остались лишь незначительные следы, а внешние сохранились в высоту от 0,6 до 3 м в южном углу. В юго-восточной стене у самого угла на высоте 1,6 м оставлено окошко — бойница шириной 20 см в основании и 15 см вверху, а высотой 25 см. Стены с внутренней стороны сильно закопчены. Примерно в середине башни выявлены следы очага в небольшой выемке скального пола. К северо-западной стене примыкает яма-хранилище, облицованная камнем на известковом растворе. Ширина ее — 1,12×1,2 м, глубина — 0,8 м, толщина стен — 0,4 м. К этой яме примыкает вторая — глубиной 0,5 м и шириной 0,9—0,72 м. От северо-восточной стены до угловой башни — 4,45 м. Полом для этого помещения служит сравнительно ровная поверхность скалы, в которой, примерно в центре здания, выдолблена ступа глубиной 20 см и шириной 23—25 см. Северо-западная, северо-восточная и часть юго-восточной стен (до угловой башни) сохранились очень плохо, от них осталось лишь по 1—2 ряда кладки.

Камера Б является первым сооружением на подступах к территории замка. Она представляет собой большое прямоугольное здание — башню длиной 14,2 м, шириной 7,9 м, толщина стен — 0,8 м (замеры внешние). СВ стена ее построена по самому краю обрыва, а СЗ не доходит до обрыва примерно на 4 м. В северном углу помещения устроена яма, аналогичная описанной. Размеры ее 1,2×1,3 м, глубина — 0,6 м. На этом же участке выявлена небольшая Г-образная каменная стена размерами 2×2 м. Возможно, здесь был отдельный отсек, как в камере А. Ширина этих стен — 0,6 м. От здания сохранилась лишь часть ЮВ стены, длиной 7,75 м в остальном прослеживается лишь фундамент. Судя по сохранившейся части, они были сооружены из обработанного камня на прочном известковом растворе. Высота сохранившейся стены — 6 м. В ней, на расстоянии 4,2 м от восточного угла, находится прямоугольное окно, шириной — 0,63 м, высотой — 0,7 м; с внешней стороны ширина окна — 0,3 м. В 0,72 м от верхнего угла имеется второе окошко — бойница шириной 0,3 м, высотой 0,2 м. В 1,2 м выше над последним имеется еще окно арочной формы, высотой 0,8 м, шириной в основании 0,6 м. Вдоль этой стены в полу помещения, на расстоянии 7—7,5 м от восточного

угла, имеется яма-хранилище — 0,7×0,7×0,8 м. В 0,37 м от нее вторая — 0,6×0,5×0,7 м.

Камера В представляет собой небольшой двор, заключенный между помещениями А, Б и Г. Длина его 15—16 м и ширина 9—10 м. Северо-западная сторона замыкается стеной.

Камера Г представляет собой углубленное в землю до 2 м помещение. В плане оно имеет форму неправильного четырехугольника длиной 3,9 м, шириной 3,6 м (замеры внутренние). Толщина стен — 0,6 м. Стены высотой до 2 м являются облицовкой ямы, вырытой для сооружения зданий. В восточном углу его выявлен очаг прямоугольной формы, размерами 0,6×0,6 м, обложенный каменными брусками. Вокруг были выложены мелкие плоские плиты. Стены сложены из необработанного камня сухой кладкой, пространство между камнями заполнялось землей.

В восточном углу всего сооружения I выявлен такой же примерно пристенный очаг, как и в помещении Г. Он примыкает к северо-восточной стене с внутренней стороны. Длина очага — 0,82 м, ширина — 0,5 м. Он также обложен камнями и плитами. У этой же стены сооружения имеется небольшая вымостка из плитняка. Она прослежена на пространстве 1,9×1,2 м и сложена из плит. Можно полагать, что здесь была отдельная камера или помещение, связанное с камерой А. Но ее стены проследить не удалось.

Сооружение I представляет собой довольно сильно укрепленную и хорошо спланированную часть всего комплекса замка. Наибольшая длина его по линии помещений Б и Г достигает 29,5 м, а ширина по линии А—В — 23 м. Ширина сооружения с северо-восточной стороны — 11 м. Здесь в 4 м от восточного угла имеется проход шириной 1,05 м. По этому проходу можно было попасть во двор (камера В). Справа находилась камера Г, а слева, видимо, предполагаемая камера.

Сооружение 2 располагается в 10 м к северо-востоку от С-1 и в 12 м к юго-востоку от края площадки. (См. рис. 7.) Оно представляет собой однокамерное прямоугольное помещение, вытянутое с СЗ на ЮВ. Юго-западная стена его почти целиком является облицовкой среза склона. Это делает помещение несколько врытым в землю. В юго-восточной стене оставлен вход шириной 1 м. Длина здания — 8 м, ширина с северо-западной стороны 4 м, а с юго-восточной 4,8 м. По длинным сторонам толщина стен — 0,6—0,7 м, а по коротким — 0,93—0,95 м. Стены здания сооружены посредством сухой кладки из необработанных камней. Обработанными камнями был выделен лишь вход в юго-восточной стене. Пространство между камнями в кладке заполнялось щебнем и землей. От западного угла идет 8-метровая каменная выкладка.

К сожалению, здание не расчищено, и нет возможности судить о его внутренней планировке.

Сооружение 3 располагается в 7,7 м к северу от С-2 и представляет собой однокамерное здание. В плане оно имеет форму неправильной трапеции. Северо-западная стена сооружена у самого обрыва и имеет в длину 7 м, юго-западная — 5,5 м, северо-восточная — 7,7 м, а юго-восточная длиной 8,7 м идет слегка овально. Толщина стен — 0,68—0,78 м. Это здание, так же как и камера Г сооружения 1, слегка врыто в землю. Высота стен сохранилась до 1,5 м. Они почти целиком являются внутренней облицовкой специально вырытой площадки. На поверхность земли немного выступают северо-восточная и юго-восточная стены. Кладка их сухой, углы здания скрепляют хорошо обработанные камни.

Сооружение 4 располагается в 14,6 м к юго-востоку от С-3 и представляет собой здание правильной четырехугольной формы в плане, вытянутое с СЗ на ЮВ. Длина его (внутри) — 7,4 м, ширина — 2,6 м, а толщина стен — 0,77 м. Юго-восточная стена находится на расстоянии 2,5—4 м от обрыва. Они сложены из хорошо обработанных камней на прочном известковом растворе. Здание, так же как С-2, 3, несколько врыто в землю. Установить с какой стороны был вход и внутреннюю планировку пока нельзя, так как оно не расчищено.

Сооружение 5 располагается почти вплотную к С-4 с северо-восточной стороны. Восточный угол здания упирается в самый край обрыва, а юго-восточная стена проходит в 1,3 м от обрыва. Представляет собой трапециевидное в плане сооружение, вытянутое с юго-запада на северо-восток. Длина его (замеры внешние) с СЗ стороны — 5,7 м, с ЮВ — 6,2 м, ширина с СВ — 4,7 м, с ЮЗ — 5,2 м, толщина стен — 0,8 м. Они сооружены на известковом растворе из обработанных камней. Здание, так же как и предыдущие, несколько врыто в землю.

Сооружение 6 располагается в 3—4 м к северо-западу от С-5 и представляет собой завершающее звено всего комплекса. Это крупное трехкамерное в плане сооружение, находящееся у самого СВ края площадки. (См. рис. 7).

Камера А. Это основное помещение, в плане трапециевидное, СВ стена идет вдоль самого обрыва, длина ее 8,59 м (замер внутренний), СЗ стена — 7,05 м (замер внешний), ЮВ — 6,82 м (замер внешний), ЮЗ — 7,5 м (замер внутренний). Толщина ЮЗ и ЮВ стен — 0,8 м, СВ — 0,5 м, СЗ — 0,7 м.

Кладка их произведена на прочном известковом растворе из обработанных камней. Они сохранились не везде одинаково. Почти нет юго-восточной стены, в которой по всем признакам был вход в помещение. Северный угол здания сохранился на высоту

4,6 м, восточный на 2,3 м (внутри) и 4 м (внешний). А от СВ стены осталась часть; западный угол сохранился до 2,7 м, южный — до 1,5 м. Северо-восточная и, возможно, юго-восточная стена сооружены несколько наклонно вовнутрь помещения. По мере возведения стен уменьшалась их толщина до 0,4—0,6 м.

В СВ стене на расстоянии 0,82 м от северного угла и на высоте 0,3 м от основания находится ниша шириной 0,2 м, высотой 0,13 м, глубиной 0,17 м. На расстоянии 5,75 м вправо от него на этом же уровне находится бойница шириной 0,43 м, высотой 0,15 м.

В СВ стене на расстоянии 1,7 м от северного угла и на высоте 0,2 м от основания имеется ниша длиной 0,39 м, высотой 0,31 м, глубиной 0,21 м. Примерно над ней на высоте 2,12 м и в 2,2 м от северного угла расположена вторая — длиной 0,62 м, высотой 0,33 м, глубиной 0,41 м. Почти на этом же уровне, в 2,45 м от западного угла, находится третья (расстояние между этими двумя нишами — 1,4 м). Длина ее — 0,54 м, глубина — 0,30 м и высота — 0,45 м. Три ниши имеются и в ЮЗ стене: первая находится на высоте 1,54 м и в 1,2 м от западного угла. Длина ниши — 0,37 м, высота — 0,33 м и глубина — 0,4 м.

Вторая сооружена на высоте 1,2 м и в 2,65 м влево от первой, длина ее — 0,30 м, высота — 0,27 м и глубина — 0,36 м.

Третья находится в 2 м левее второй и на высоте 0,9 м. Следует заметить, что все ниши и бойницы аккуратно закреплены плоскими каменными плитами. Отметим также, что полом для этого помещения служит скальная площадка, которая примерно посередине здания с СЗ на ЮВ образует пологий уступ (высотой около 1,2 м), спускающийся в направлении к северной части здания.

Камера Б. Пристроена к камере А с ЮЗ стороны. Представляет трапециевидное в плане помещение. Длина его (по внутренним замерам) — 4,3 м, наибольшая ширина здания — 3,2 м (так как юго-западная стена идет слегка овально). Длина СЗ стены — 2,85 м, ЮЗ — 3 м. Толщина их — 0,6 м. Кладка произведена на известковом растворе из обработанных камней. В западном углу помещения при расчистке выявлены следы очага — уголь, зола и пр. Рядом со следами очага лежал фрагмент верхнего жернова ручной каменной мельницы.

Посредине жернова имелось отверстие диаметром около 7 см, диаметр самого жернова около 40 см. Помещение углублено в землю. Юго-западная стена, высотой 1,5—1,8 м, почти целиком находится в земле. От СЗ угла идет каменная выкладка длиной около 3,7 м.

Камера В. Хорошо прослеживается, но она осталась нерасчищенной. От северного угла сооружения 6 на СЗ идет прочная выкладка камней высотой около 2 м, длиной 3 м. Такие выкладки

имеются в различных более опасных местах площадки. Например, у сооружения 3, недалеко от восточного угла сооружения 1 и др.

Такова характеристика сооружений, составляющих комплекс замка Курнаят. Этот замок хорошо дополняет число средневековых фортификационных памятников в Верхней Балкарии. Занимая удобное стратегическое место, он служил одним из опорных пунктов всей системы оборонительных сооружений, окаймляющих высокогорную котловину В. Балкарии. В частности, этот замок охранял сравнительно легкий перевал из ущелья р. Сукав-Су в Черекское. По своему композиционному решению Курнаятский комплекс представляет собой типичный средневековый феодальный замок, очень близкий по функциональному назначению к таким памятникам, как укрепления Зылги, Усхур и особенно к замку Джабоевых.

В основу планировки замка Курнаят положен тот же принцип, что в Зылги и Усхур, которые представляют сложные оборонительные комплексы — крепости из нескольких сооружений с особо охраняемой цитаделью. Но в отличие от них он расположен не ярусами, как Зылги, и не так разрывно, как Усхурская система, а на сравнительно горизонтальной поверхности небольшого мыса, компактно и тесно взаимосвязано. От замка Джабоевых, который представляет собой одно сооружение с оборонительной стеной и угловыми башнями, замок Курнаят отличается наличием шести отдельных сооружений. Это — следствие положений самих скальных площадок, к которым приспособлены памятники, а общий принцип их планировки и конструкции в основном один. Система замка Курнаят была строго продумана. Основными опорными пунктами являются сооружения 1 и 6. Сооружение 1 стоит у единственно возможного подхода к самой площадке мыса. Прежде чем попасть во двор замка, неприятель должен был взять это сложное крепостное сооружение. Камеры А и Б представляют собой оборонительные башни с бойницами и окнами. Сооружение 1 — это опорный жилой и оборонительный комплекс замка Курнаят. Сооружения 2 и 5 являются жилыми помещениями, а сооружение 6, как и С-1, является жилым и оборонительным комплексом. Оно, видимо, являлось основным централизирующим объектом и цитаделью всего замка.

Группа Б. Сюда относятся башни, сооруженные непосредственно в аулах. Они стоят в центре или на окраинах горных сел. В эту группу входят ныне сохранившиеся башня Амирхана, башня Абаевых в Черекском ущелье, башня Ак-Кала в Хуламо-Безенгийском ущелье и башня Балкаруковых в Черемском. Их также можно разделить на два типа:

Первый тип группы Б объединяет одинокие башни без каких-либо пристроек. Здесь можно отметить три памятника — башню Амирхана, башню Ак-Кала и первую башню Абаевых. (Табл. 2.)

11. Башня Абаевых (1). Располагается в 100 м к юго-западу от широкоизвестной сохранившейся башни Абай-Кала над аулом Кюпюм⁴⁴. Сохранилась она частично. (См. фото 7.) В плане прямоугольная, с неравными сторонами. Длина восточной стены — 8,8 м, северной — 6,5 м, южной — 7,85 м и западной — 5,25 м. Толщина стен — 0,65 м. Стены башни кверху скашиваются вовнутрь. Из-за разрушенности сейчас невозможно установить первоначальную высоту, но, судя по покатости склона, на котором она стоит, высота ее стен была неодинакова. Сохранившаяся высота передней стены — 12 м, задней — 7 м. В восточной стене имеется вход со стрельчатой аркой высотой 1,5 м, шириной 0,96 м. В северной стене на высоте 2 м оставлено стрельчатое окно шириной 0,83 м. С внутренней стороны этой стены на высоте 3,2 м расположена ниша шириной 0,5 м и глубиной 0,3 м.

12. Башня Амирхана⁴⁵ находится в Черекском ущелье у ныне пустующего древнего аула Шканты. Отличительной особенностью ее является то обстоятельство, что она сооружена на громадном скальном валуне, высота которого достигает более 5 м. (См. фото 8, табл. 2.) Башня сооружена из тесаного камня на известковом растворе. В плане она прямоугольная, длиной 5,65 м, шириной 1,65 м (размеры внутренние). Кверху она суживается до размеров соответственно 5,3 м, 1,5 м. Толщина стен в основании 0,8 м, вверху 0,5 м. Высота их неодинакова в силу покатости поверхности скалы: в северо-восточной стороне башня достигает 3,95 м, а в противоположной доходит до 5,65 м. В северо-восточной стене на высоте 0,4 м пробита дверь шириной 0,7 м, высотой 1,6 м.

⁴⁴ В. Ф. Миллер. Археологические экскурсии в горские общества Кабарды. МАК, вып. I, стр. 77—79; А. Фиркович. Указ. соч., стр. 397—401; В. И. Долбежев. МАК за 1893 г., СПб, 1895, стр. 102—103; Н. Харузин. По горам Северного Кавказа. ВЕ, 1888, № 11, стр. 189—190; И. Белоконосий. На высотах Кавказа. М., 1906, стр. 41; Б. А. Ланге. Балкария и балкарийцы. «Кавказ», 1903, № 288; М. И. Ермоленко. Путеводитель по Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1923, стр. 74; С. Анисимов. Кавказские Альпы. М.—Л., 1929, стр. 181; Б. В. Лукин. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 году. «Краеведение на Северном Кавказе», 1928, № 1—2, стр. 75; А. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 103—104, табл. XII.

⁴⁵ П. Г. Акритас, Т. Б. Шаханов, О. П. Медведева. Дневник... стр. 18; И. М. Мизиев. Отчет... за 1965 г., стр. 11—12.

Под названием башни Амирхановых или Карча-Кала содержатся сведения об исчезнувшей башне Абаевых в ауле Шканты в следующих работах: Б. А. Ланге. Указ. соч., «Кавказ», № 288; Б. В. Лукин. Указ. соч., стр. 75; Н. Н. Рашевский. Из Алагир в Нальчик. «Ежегодник Русского горного общества», т. II, 1902, стр. 120.

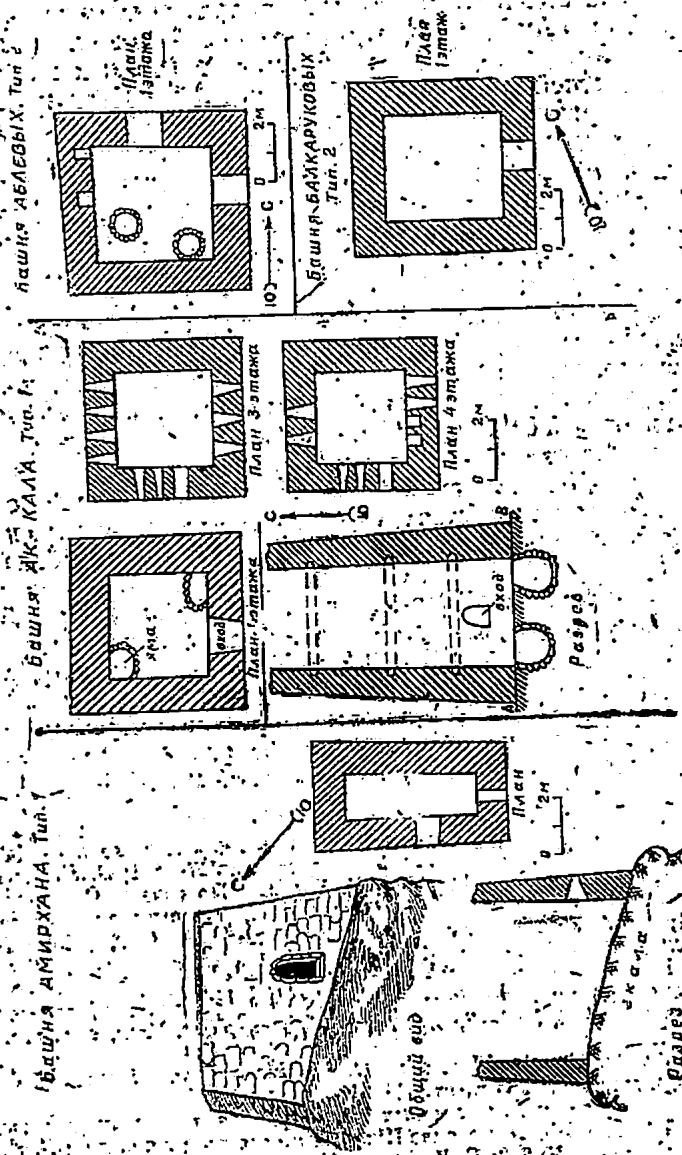

Табл. 2. Оборонительные сооружения Балкарин и Карачаев (группа «Б»).

Ширина двери с внутренней стороны — 0,9 м. В юго-западной стене на высоте 1,3 м пробито окно высотой 0,55 м, шириной 0,4 м, а в юго-восточной имеется бойница, пробитая на высоте 2,5 м.

Башня, вероятно, была двухэтажной, о чем свидетельствуют небольшие ниши, расположенные на боковых длинных стенах, на высоте 1,8 м. В этих нишах укреплялись балки межэтажного перекрытия.

Башня Амирхана сооружена с большим мастерством в использовании участка, в данном случае, поверхности скалы. Из нее хорошо обозревается старый аул Шканти и Кюлюк, расположенный на противоположном берегу Череха. Несмотря на то, что она находится в долине реки и могла быть доступна всякому посетителю, о ней почти нет литературных сведений, за исключением неточных сообщений указанных авторов.

13. Башня Ак-Кала расположена на юго-западной окраине сел. Безенги.⁴⁶ В плане она почти квадратная со сторонами 3,7 × 3,7 м и 3,5 × 3,4 м. (См. фото 9.) С южной стороны на высоте 1 м имеется вход арочной формы. Ширина входа с внутренней стороны — 1,28 м; а снаружи — 0,9 м.

Башня имела четыре этажа, судя по нишам для балок перекрытия. Высота каждого этажа 2—2,5 м. Первый и второй этажи перекрыты на трех, а третий этаж на четырех балках. От четвертого этажа стены сохранились примерно на 1—1,5 м. Ввиду разрушенности этого этажа не удалось выяснить, на скольких балках покоилось общее перекрытие. С южной стороны на 3-м этаже имеются три бойницы, с северной четыре, а с западной одно окно и две бойницы. В этой же стене на 3-м этаже имеется одно окно и на 4-м — две бойницы. На четвертом этаже, с южной стороны устроены две ниши и две бойницы — есть и в северной стене. Интересно то, что бойницы расположены на уровне 3-го и 4-го этажей. Вероятно, последние назначались для обороны.

Внутри башни, в северо-западном и юго-восточном углах, имеются колоколовидные колодцы, тщательно облицованные камнем на известковом растворе. Башня сооружена на прочном известковом растворе и кверху суживается до размеров 2 × 2,5 м.

Второй тип группы Б объединяет башни, близкие первому типу, но имеющие при себе жилые и хозяйственные пристройки. Сю-

⁴⁶ Н. П. Тувльчинский. Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских интар Нальчикского округа Терской области. «Терский сборник», т. VI. Владикавказ, 1903, стр. 289; С. Анисимов. Кавказские Альпы, стр. 161; П. Г. Акритас. В. Шаханов; О. П. Медведева. Указ. соч., в УЗКВНИИ, т. XVII, стр. 82—84; П. Фиркович. Указ. соч., стр. 399; И. М. Мизиев. Отчет... за 1965 г., стр. 24—25.

да относятся хорошо известные в литературе башни Абаевых в ауле Кюндюм Черекского ущелья и башня Балкаруковых в сел. Верхний Чегем Чегемского ущелья. Они являются одними из лучших сохранившихся архитектурных памятников Балкарии. Отличаются тщательностью отделки, правильностью форм и представляют собой как бы завершающий этап в развитии башенной архитектуры этих районов. В плане башни прямоугольные, почти квадратные, имеют 4—5 этажей. В первых этажах имеются ямы-колодцы, ниши в стенах. Оконные и дверные проемы обставлены длинными цельными плитами. Камень в кладке хорошо обработан и сложен на прочном известковом растворе.

Обе башни не раз были отмечены и кратко описаны.⁴⁷

14. Башня Абаевых (2) кверху суживается; на трех стенах пятого этажа видны четырехконечные кресты, образуемые выемкой в стене.⁴⁸ (См. фото 10.) Предание балкарцев приписывает эту башню таубию Али-Мурзе Абаеву, и постройка ее восходит к 300-летней давности⁴⁹ (отсчет от 1883 г. — И. М.). Следовательно, можно предполагать, что она построена в конце XVI — начале XVII века. Во время поездки В. Ф. Миллера первый этаж этой башни был еще обитаем.

15. Башня Балкаруковых в сел. В. Чегем несколько отличается от всех других. По своему архитектурному стилю она полностью повторяет башни Сванетии⁵⁰ и является единственной в таком роде на северном склоне Кавказа. (См. фото 11.)

Она имеет 4 этажа, верх ее увенчан нависающим парапетом. В конце прошлого века она была окружена стеной, в которой были ворота и бойницы.⁵¹ Более подробное описание башни сделано экспедицией КВНИИ в 1959 г.⁵²

⁴⁷ В. Миллер, М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 551—562; В. Миллер. Указ. соч., МАК. I, стр. 77—78; Н. Харузин. Указ. соч., стр. 189—190; В. И. Долбежеев. Извлечение из отчета. ОАК, за 1893 г., стр. 102—103; Б. А. Ланге. Указ. соч.; Б. Далгат. Указ. соч., стр. 17; И. Белокопский. Указ. соч., стр. 41; В. Конопасевич. Безенги-Чегем-Джайлык башни. ЕРГО, X, 1914, стр. 82; С. П. Савчук. Указ. соч., стр. 35; Н. Тульчинский. Указ. соч., стр. 309—312; М. И. Ермоленко. Путеводитель, стр. 74; С. Анисимов. Кавказские Альпы, стр. 148, 181; E. Zichy. Voyages au Caucase et en Asie Centrale. Vol. I. Budapest, 1897, табл. LIX; Б. В. Лукин. Указ. соч., стр. 75; А. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 103—104; табл. XII, стр. 105—107, табл. XIX—XX; его же. Форма поселения в Балкарии МЭГ, XII—XIII, Тбилиси, 1963, стр. 194—197 (на груз. яз.); П. Г. Акритас, Т. Б. Шаханов, О. П. Медведова. Указ. соч., стр. 84—86 и др.

⁴⁸ В. Ф. Миллер. Указ. соч., табл. XVIII (верхний рис.).

⁴⁹ Там же, стр. 78—80.

⁵⁰ П. С. Уварова. Поездка в Пшавию, Хевсуретию и Сванетию. МАК, вып. X, 1904 (табл. XXа; стр. 41, рис. 1; стр. 44, рис. 2).

⁵¹ В. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 77.

⁵² П. Г. Акритас, Т. Б. Шаханов, О. П. Медведова. Указ. соч., стр. 84—86.

В настоящее время сохранилось одно помещение, пристроенное к нему. По словам местного старожилы Эдокова Ибрагима (70 лет), башня имела двускатную крышу, лестницы между этажами были деревянные, приставляемые⁵³. По преданию, записанному В. Ф. Миллером из уст Али-Мурзы Балкарукова, строитель башни Ахтуган вызвал для ее постройки мастеров из Сванетии; этим и объясняется ее отличие от всех прочих. Судя по числу поколений, сменившихся между Ахтуганом и Али-Мурзой, башня Балкаруковых могла быть построена 150 лет тому назад⁵⁴. Но так как сам Миллер относил Ахтугана к 10 поколению от родственника Али-Мурзы, то в последнее время было высказано предложение — считать век в среднем за 4 поколения; тогда строительство ее можно отнести не за 150, а за 250 лет до посещения Миллера⁵⁵. Следовательно, башня могла быть построена где-то во второй половине XVII века.

Таким образом, основные архитектурно-археологические памятники, входящие в число фортификационных сооружений позднего средневековья на территории Балкарии и Карачая. Из всего сказанного следует, что основная масса этих памятников на сегодняшний день находится на территории Балкарии; внутри последней в вершинах Черекского и Хуламо-Безенгийского ущелий. Изобилие таких и других защитных сооружений в этих ущельях говорит о большом значении этих районов в истории балкарского народа. В совокупности с крепостными сооружениями этих ущелий позволяют заключить, что эти районы были великолепно защищены; тщательно оберегались дороги и подступы к глубоким горным котловинам, где размещались горские аулы.

4. Сравнения

Для более глубокого историко-культурного осмысления этих памятников необходимо их рассматривать не в отрыве, а в общей системе подобных сооружений Центрального Кавказа.

Как указывалось выше, высокогорные районы Северного Кавказа очень богаты архитектурно-археологическими памятниками. В настоящее время можно признать, что наиболее изученными являются памятники Ингушетии⁵⁶, хотя исторические и социально-

⁵³ П. Г. Акритас, Т. Б. Шаханов, О. П. Медведова. Указ. соч., стр. 84—86.

⁵⁴ В. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 78.

⁵⁵ П. Г. Акритас, Т. Б. Шаханов, О. П. Медведова. Указ. соч., стр. 86.

⁵⁶ П. П. Семенов. Археолого-этнографические разыскания в Ингушетии в 1932 гг. (Сборник, Грозный, 1963); И. П. Щерблякин. Искусство ингушей в сопоставлении материальной культуры. ИИНИИ краеведения, вып. I, Владикавказ, 1928.

экономические вопросы, связанные с этими памятниками, до сих пор остаются одной из актуальных проблем средневековой истории народов Северного Кавказа.

Сопоставительный анализ памятников интересующих нас районов — Балкарии и Карачая с памятниками других областей Центрального Кавказа выявляет ряд как общих, так и отличительных черт.

Общие черты. Общим почти для всех районов Центрального Кавказа является само месторасположение оборонительных сооружений. Как правило, они строились в труднодоступных местах и в некоторых случаях в долинах ущелий и аулах. К последним относятся башни более позднего времени. Объединяет их и назначение памятников — везде они являются укрепленными родовыми башнями или феодальными замками.

Можно отметить общность строительной техники — почти одинаковая кладка на связующем растворе и без такового; камень используемый в кладке, обрабатывался частично или более тщательно в зависимости от назначения сооружения и возможности строителей.

Общие черты наблюдаются и в отдельных деталях башен. Как правило, они четырёхугольные в основании, кверху немного сужаются. В стенах оставлялись окна, бойницы и ниши. В полу первого этажа имелись колодцы для запасов провизии. На верхних этажах оставались иногда крестообразные просветы в стенах (на пример, в Ингушетии, Осетии, Балкарии). Видимо, одинаково устраивались и межэтажные перекрытия, покоящиеся на толстых деревянных балках. Сообщение между этажами осуществлялось при помощи приставных лестниц или бревен с зарубками.

По всем данным, башни Балкарии и Карачая имели плоское перекрытие, что сближает их с некоторыми башнями Чечено-Ингушетии (жилые), Осетии, Хевсуретии и других областей Центрального Кавказа.

Все перечисленные одинаковые черты наблюдаются лишь по ряду внешних элементов (месторождение, назначение, бойницы, ниши, межэтажные перекрытия и наличие крестообразных просветов, сужение стен кверху). Именно только по этим признакам можно говорить об общности башенной архитектуры районов

⁵⁷ Г. А. Кокиев. Указ. соч., стр. 224.

Центрального Кавказа — Чечено-Ингушетии, Осетии, Хевсуретии, Балкарии и Карачая⁵⁸.

Гораздо ярче прослеживаются отличительные особенности балкарских сооружений при сопоставлении их с памятниками указанных выше районов. Эти отличительные признаки охватывают уже не внешние элементы, а ряд специфических архитектурных особенностей, что для правильного понимания и исторического осмысления фортификационной архитектуры Балкарии и Карачая приобретает научное и культурно-историческое значение.

Отличительные черты. Известно, что чечено-ингушские и осетинские башенные постройки подразделяются на жилые и боевые⁵⁹. И Балкарии и Карачая пока что такое разделение сделать невозможно; очевидно, здесь они одновременно несли функции как жилых, так и боевых.

Можно отметить и несколько других отличительных элементов. Так, чечено-ингушские и осетинские боевые башни отличаются большой высотой — до 25 м; все они — 5—6-этажные⁶⁰.

Изученные нами сооружения вряд ли достигали таких размеров и были, вероятно, максимум 5-этажные.

Особенно башни Чечено-Ингушетии и отчасти осетинские и хевсурские отличаются от наших формой перекрытий. Пирамидально-ступенчатые, плоские с барьерами и зубцами по 4 углам перекрытия, наличие каменных мешков для пленных, деревянных замков, которыми замыкались входы, устройство входов на уровне 2-х этажей — столь характерные для Чечено-Ингушетии⁶¹, некоторых районов Осетии и Хевсуретии⁶², совершенно неизвестны в изучаемом нами районе. Такой же особенностью для башен первых районов является наличие в стенах верхних этажей навесных балкончиков над бойницами (машикули)⁶³. В башнях Балкарии и Карачая они отсутствуют. К числу архитектурных особенностей башен Чечено-Ингушетии и прилегающих к ней районов относятся и опорные столбы, установленные в центре первого этажа для поддержки межэтаж-

⁵⁸ В. Ф. Миллер. Указ. соч., таб. VII, VIII, X, XVIII; Л. П. Семенов. Указ. соч., стр. 22, 38, 54, 135; И. П. Щелыкин. Указ. соч., его же. Отчет об экспедиции Северо-Кавказского института краеведения за 1924—1925 гг. (Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. 1, д. № 1925/210); С. Макалатия. Хевсуретия. Тбилиси, 1940; И. Г. Акрита, Т. Б. Шаханов, О. П. Медведев. Указ. соч., стр. 69, 92.

⁵⁹ Л. П. Семенов. Указ. соч.; И. П. Щелыкин. Указ. соч.

⁶⁰ Л. П. Семенов. Указ. соч., стр. 10; И. П. Щелыкин. Указ. отчет, л. 34.

⁶¹ Л. П. Семенов. Указ. соч., стр. 10.

⁶² Там же, стр. 22; Г. А. Кокиев. Указ. соч., стр. 220—221.

⁶³ Там же; И. П. Щелыкин. Указ. соч., отчет, л. 34; М. Х. Ойсаев. Реконструктивное описание памятников средневековья реки Терлой-Ахк (горная Чечня). «Археолого-этнографический сборник». Грозный, 1966, стр. 159—160.

ных перекрытий. На втором и последующих этажах также имеются опорные столбы подобного же назначения⁶⁴.

В башнях изучаемых нами районов — Балкарии и Карачая эти детали также отсутствуют.

Как видно из всего сказанного, чечено-ингушские башни не ходят более близкие аналогии по архитектурно-конструктивным мотивам с башнями Осетии, Хевсуретии и некоторых районов Грузии⁶⁵ нежели с сооружениями Балкарии и Карачая. На памятниках этих областей мы находим много общих существенных деталей. Объясняется это тем, что для постройки башен очень часто приглашались мастера-ингуши⁶⁶.

Сравнительный анализ башенных сооружений Балкарии и Карачая с таковыми в Чечено-Ингушетии и Осетии не дает оснований говорить о том, что они имеют много общего в конструкции и архитектурном стиле, как это может показаться на первый взгляд⁶⁷. Наоборот, башенные сооружения интересующего нас района несут на себе черты местного, самобытного развития; они во многом отличаются от башен районов, которые мы взяли для сравнения. В противном случае, имелись бы налицо все архитектурные особенности, заимствованные из соседних районов, как это ярко отражено в башне Балкаруковых — башне сванского типа. Вместе с тем нельзя не признать, что, несмотря на то, что башенное и оборонное строительство балкарцев и карачаевцев имеет глубокие местные традиции, идущие от раннесредневековых оборонительных сооружений, зодчество здесь не достигло того расцвета, как это наблюдается в горных районах Чечено-Ингушетии, Хевсуретии и Сванетии.

5. О времени и причинах возникновения башенных сооружений Балкарии и Карачая

Гораздо сложнее обстоит дело с выяснением вопросов о времени и причинах возникновения такого большого количества оборонительных сооружений в горных районах Центрального Кавказа.

⁶⁴ И. П. Щерблякин. Указ. соч., отчет, л. 34 (об.); М. Х. Ошаев. Указ. соч., стр. 161.

⁶⁵ Л. П. Семенов. Указ. соч., стр. 22, 54; М. И. Дзандиери, Г. И. Лежидзе. Архитектура горных районов Грузии. М., 1940; В. И. Марковин, В. А. Кузнецов. Археологические разведки в ущельях рек Ассы и Аргуна в 1956 г. (Изв. Чечено-Ингушского музея краеведения, вып. 10, Грозный, 1961, стр. 106—107); В. Б. Виноградов, А. А. Саламов. Об одной попытке освещения грузино-вейнахских связей. («Археолого-этнографический сборник», Грозный, 1966, стр. 174—175).

⁶⁶ Г. А. Кокцёв. Указ. соч., стр. 219, 221; В. Б. Виноградов, А. А. Саламов. Указ. соч., стр. 174.

⁶⁷ П. Г. Акритас, Т. Б. Шаханов, О. П. Медведева. Указ. соч., стр. 69, 92.

за вообще, в Балкарии и Карачае, в частности. Трудность решения этой задачи обусловлена тем, что их изучение на широком историческом фоне всего Северного Кавказа по существу только начинается. Поэтому всякие категорические заключения могут оказаться преждевременными. Ниже мы попытаемся дать лишь наши предварительные соображения по этим вопросам касательно памятников Балкарии и Карачая.

Прежде всего надо иметь в виду внутренние социально-экономические и внешние политические условия, которые могли стать причиной появления в горной зоне Северного Кавказа башенных сооружений. Вообще при решении этого вопроса надо исходить из анализа всех средневековых источников Кавказа. Изучение памятников раннего средневековья позволяет говорить, что в то время на данной территории существовала самобытная, но имеющая много общего с соседними районами культура⁶⁸. Каменное строительство здесь развивалось издавна. В V—XII вв. уже бытовали отлично сооруженные различные погребальные памятники, жилища, церкви и, возможно, башенное строительство⁶⁹. Исходя из этого можно говорить, что местный характер позднесредневековых памятников, развивавшихся на основе предшествующих архитектурных сооружений, не вызывает особых сомнений.

В настоящее время есть все основания говорить о том, что в раннесредневековый период, начиная с VIII—IX вв., на Северном Кавказе в аланском обществе, куда входили и интересующие нас районы, наблюдаются все признаки возникновения раннефеодальных устоев⁷⁰.

Ко времени X—XIII вв. у алан, являющихся одним из основных этнических слагаемых в формировании балкарцев и карачаевцев, наблюдаются черты уже сформировавшегося раннефеодального общества⁷¹.

Последующая же эпоха XIV—XV вв. признается, если не эпо-

⁶⁸ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962. (См. Западный и Центральный варианты аланской культуры).

⁶⁹ Е. П. Алексеева. Археологические раскопки в районе сел. В. Чегем. («Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии», вып. IX, Нальчик, 1960, стр. 200—201); Г. И. Ионе. Верхнечегемские памятники VI—XIV вв. УЗКБНИИ, т. XIX, Нальчик, 1962, стр. 190—194; В. А. Кузнецов. Указ. соч. (Центр. вариант); И. М. Чеченов. Указ. соч., стр. 48—73.

⁷⁰ Б. Е. Деген-Ковалевский. Работа на строительстве Баксанской гидроэлектростанции. Изв. ГАИМК, вып. 148, стр. 15; Е. П. Алексеева. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1960, стр. 24.

⁷¹ Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 24—27; В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, стр. 130; его же. К вопросу о позднеаланской культуре. СА, 1959, № 2, стр. 117—118; его же. Аланы. В энциклопедическом сборн. «Искусство стран и народов мира», т. I, М., 1962, стр. 68.

хой развитого феодализма,⁷² то во всяком случае временем дальнейшего развития феодальных отношений в Балкарии по сравнению с предшествующим периодом⁷³.

Подобные крупные социально-экономические изменения не могли не отразиться на археологических памятниках. В VIII—IX вв. планировка городищ — на равнине и предгорьях Северного Кавказа отличается особенными чертами — возникают рвы и валы вокруг поселений. В этих укрепленных поселениях к X—XII вв. возникают вторые, внутренние укрепления — резиденции выделяющейся знати⁷⁴.

К этому времени средневековые городища Балкарии и Карачая (В. Чегем, В. Архыз, Хумара, Гияя и др.) становятся центрами ремесла, торговли, культурной и религиозной жизни. В них размещаются ремесленные мастерские, торговые площади, церкви и пр.

Именно к этому времени усиливается распространение христианства, которое обычно протекало пропорционально социально-экономическому уровню общества и развитию феодальных отношений и служило мощным оружием в становлении и укреплении феодального строя⁷⁵.

Вторым крупным этническим слагаемым в формировании балкарского и карачаевского народов были половцы. В связи с этим, при рассмотрении возникновения феодальных отношений в Балкарии и Карачае, надо учитывать тот факт, что половцы, как и аланы, являющиеся одним из этнических компонентов в сложении балкарцев и карачаевцев, ко времени монгольского завоевания уже находились на стадии развитых феодальных отношений с зачатками государственности⁷⁶.

Все это сыграло определенную роль в становлении феодальных устоев в балкарско-карачаевской среде.

Если ко времени монгольского нашествия у алан и половцев — составных частей предков балкарцев и карачаевцев — наблюдаются все элементы выделившейся феодальной знати и раннефеодального государственного объединения, то, естественно, попав в горные условия, они вместе с родоплеменной верхушкой горцев возводят укрепленные резиденции — башни и крепости для своей безопасности как от внутренних, так и от внешних врагов.

⁷² Б. Е. Деген-Ковалевский. Указ. соч., стр. 15.

⁷³ «История Кабардино-Балкарской АССР», т. I, М., 1967, стр. 82—83.

⁷⁴ И. М. Чеченов. Указ. соч., стр. 66.

⁷⁵ Ш. И. Амаранцивили. Грузинское искусство. Тбилиси, 1968, стр. 8—9.

⁷⁶ С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, 62, М., 1958, стр. 192—193; Г. А. Федорова-Давыдова. Кочевники Восточной Европы под властью Золотой Орды. М., 1967, стр. 218—219; Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 77, 85.

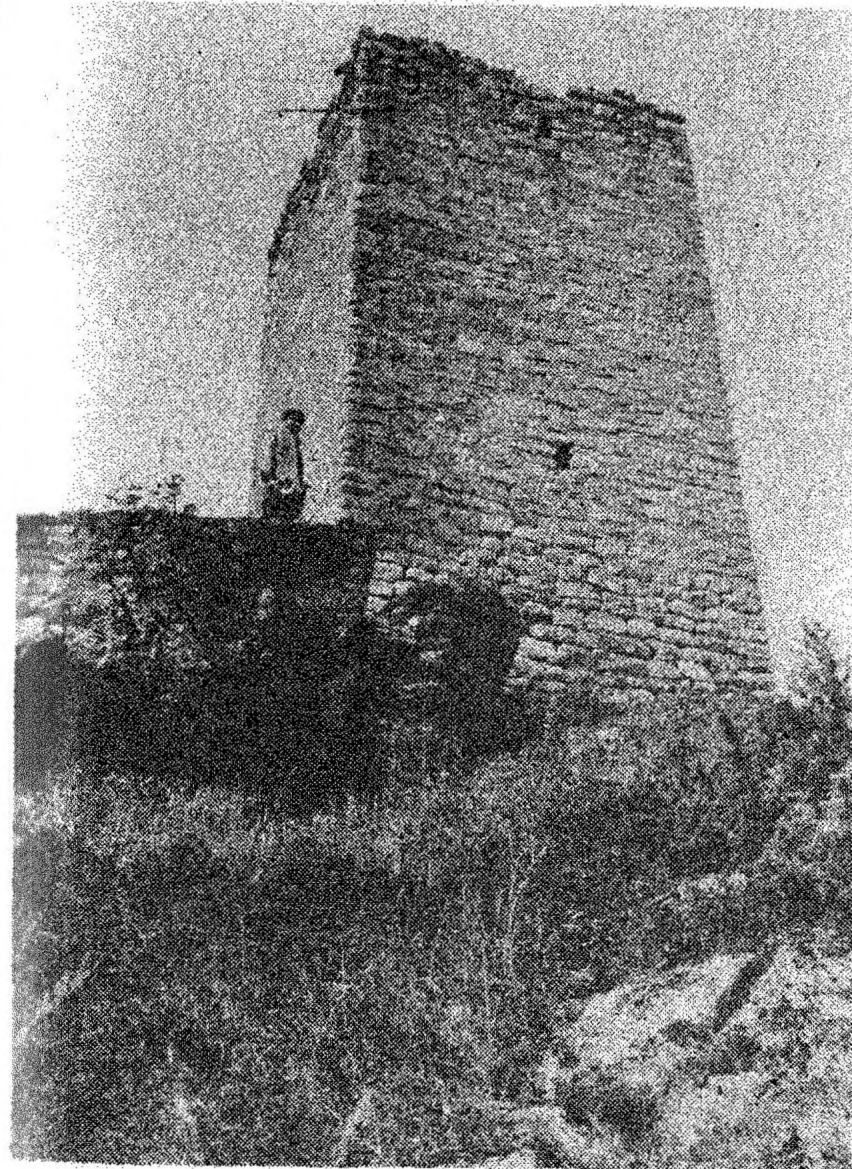

Фото 1. Хурзукская башня.

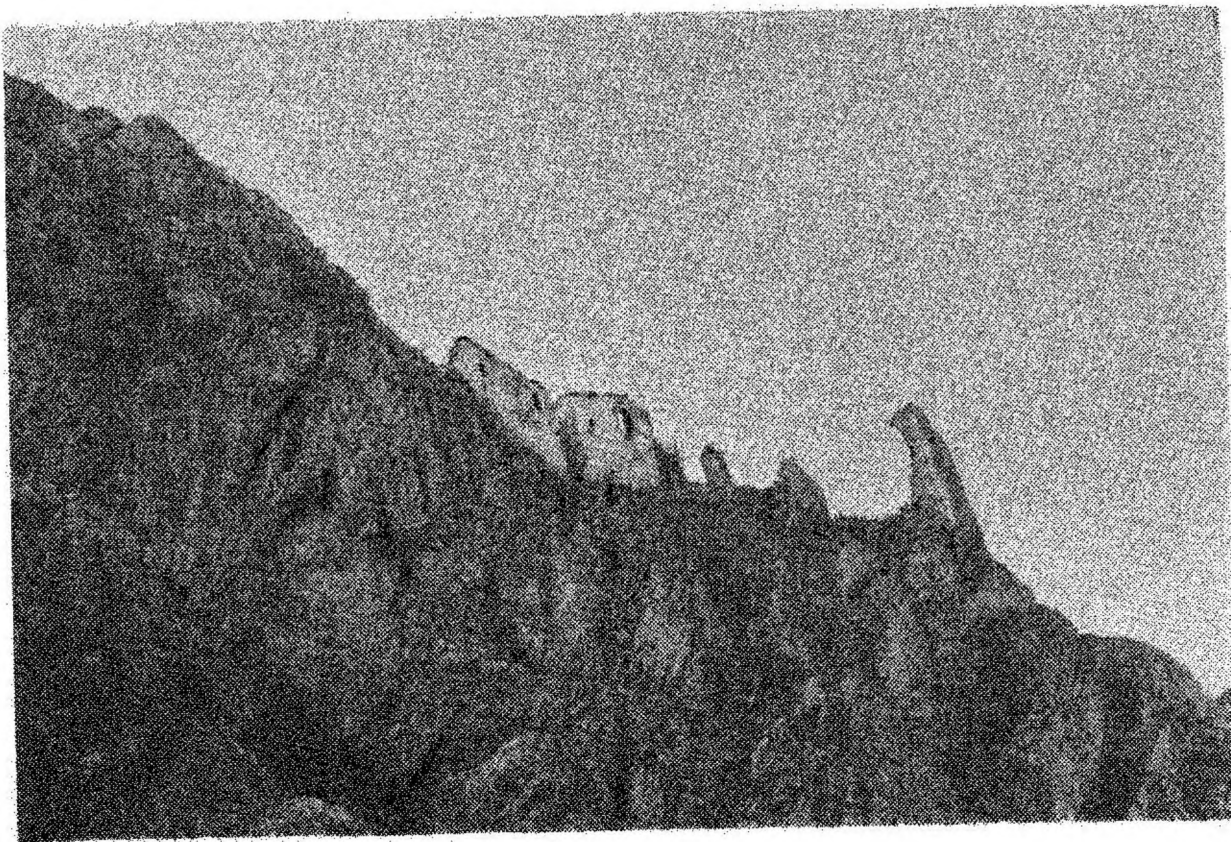

Фото 2. Крепость Зылги.

Фото 3. Укрепление Усхур. Сооружение 1.

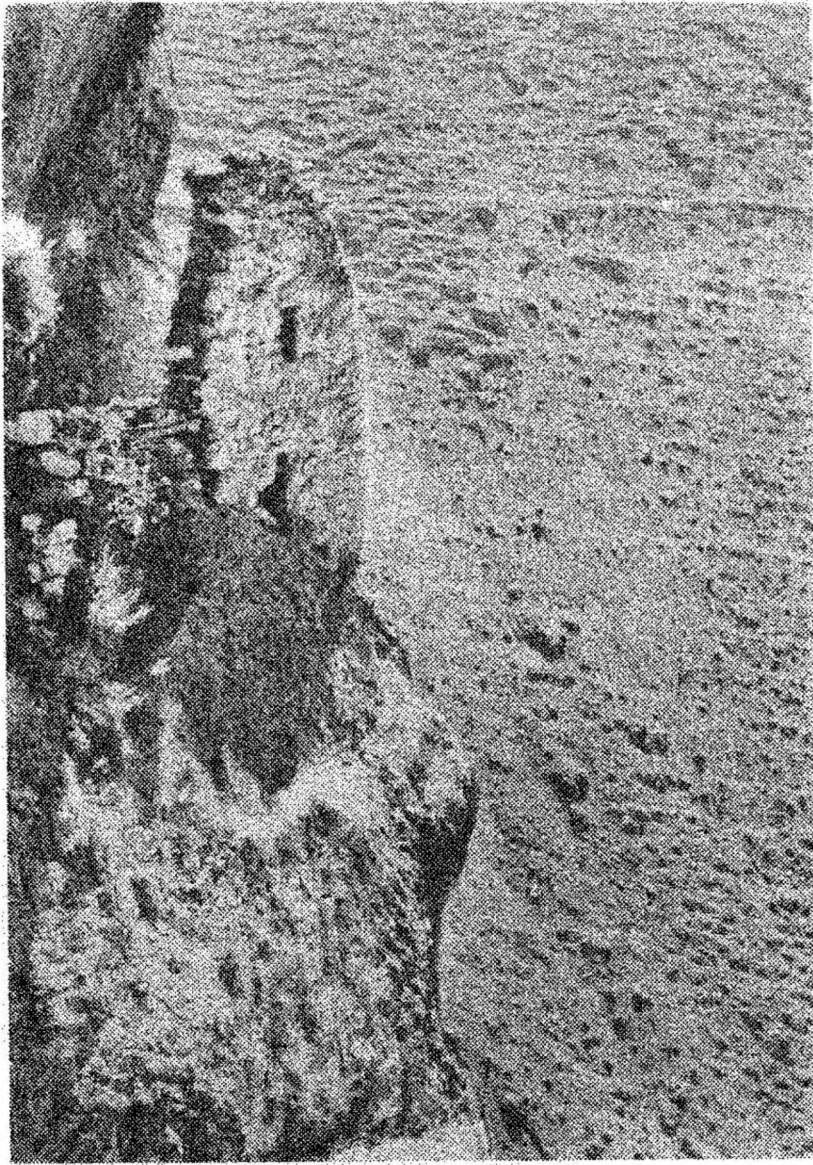

Фото 4. Цитадель. Укрепление Усхур.

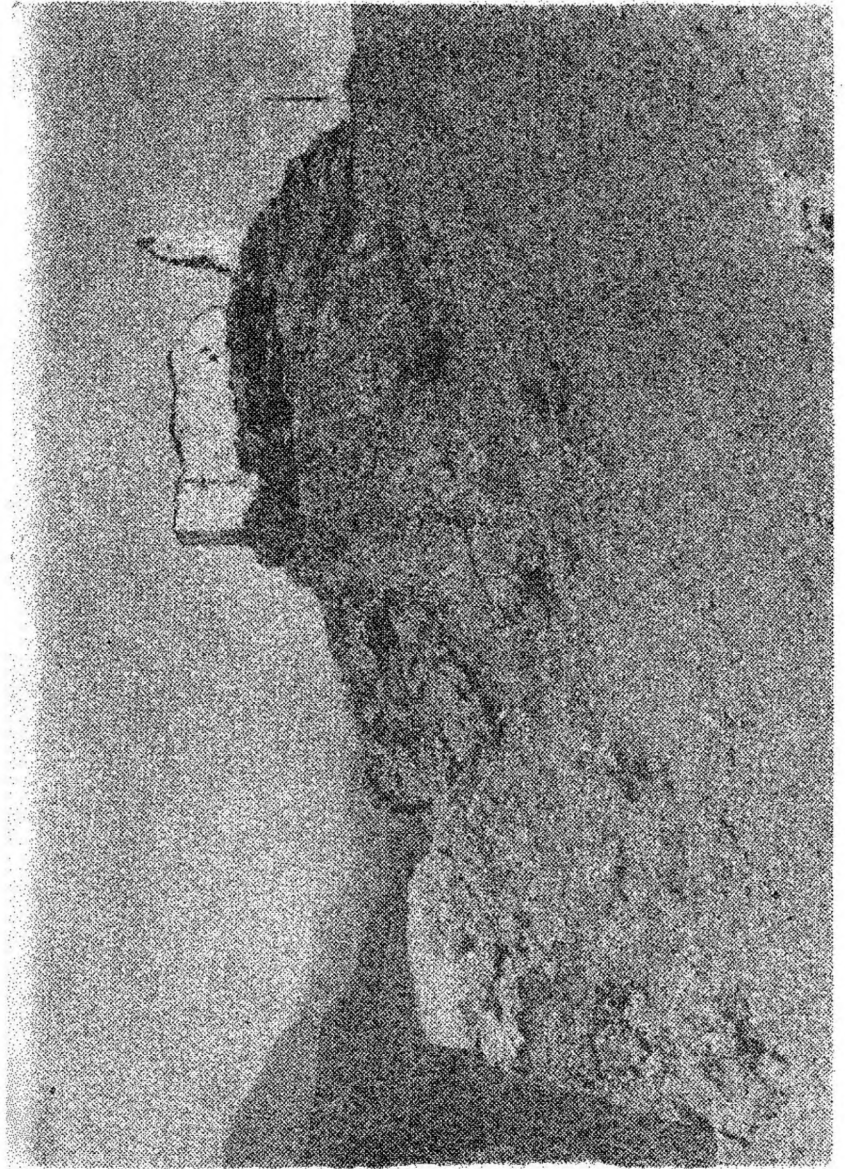

Фото 5. Замок Джабосвных.

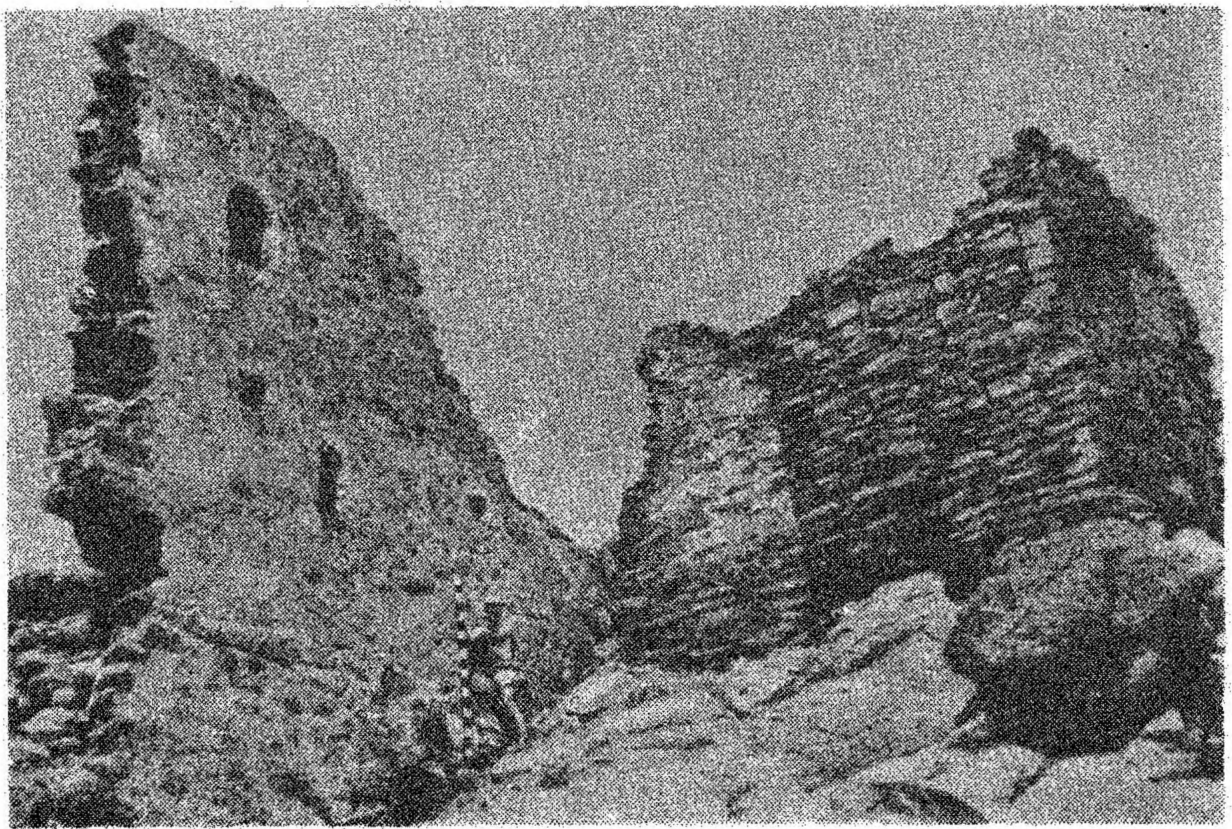

Фото 6. Замок Курнаят. Сооружение 1.

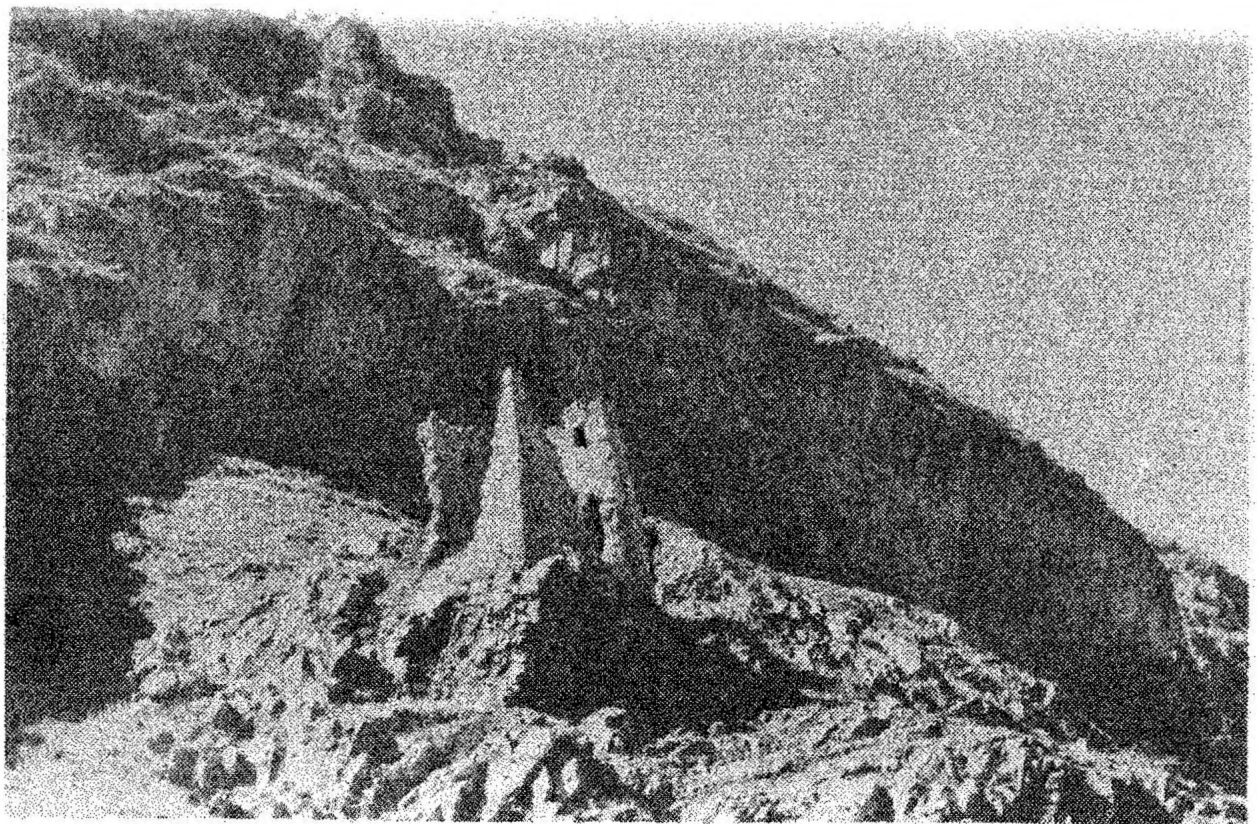

Фото 7. Остатки первой башни Абаевых над в. Кюпюм.

Фото 8. Башня Амирхана.

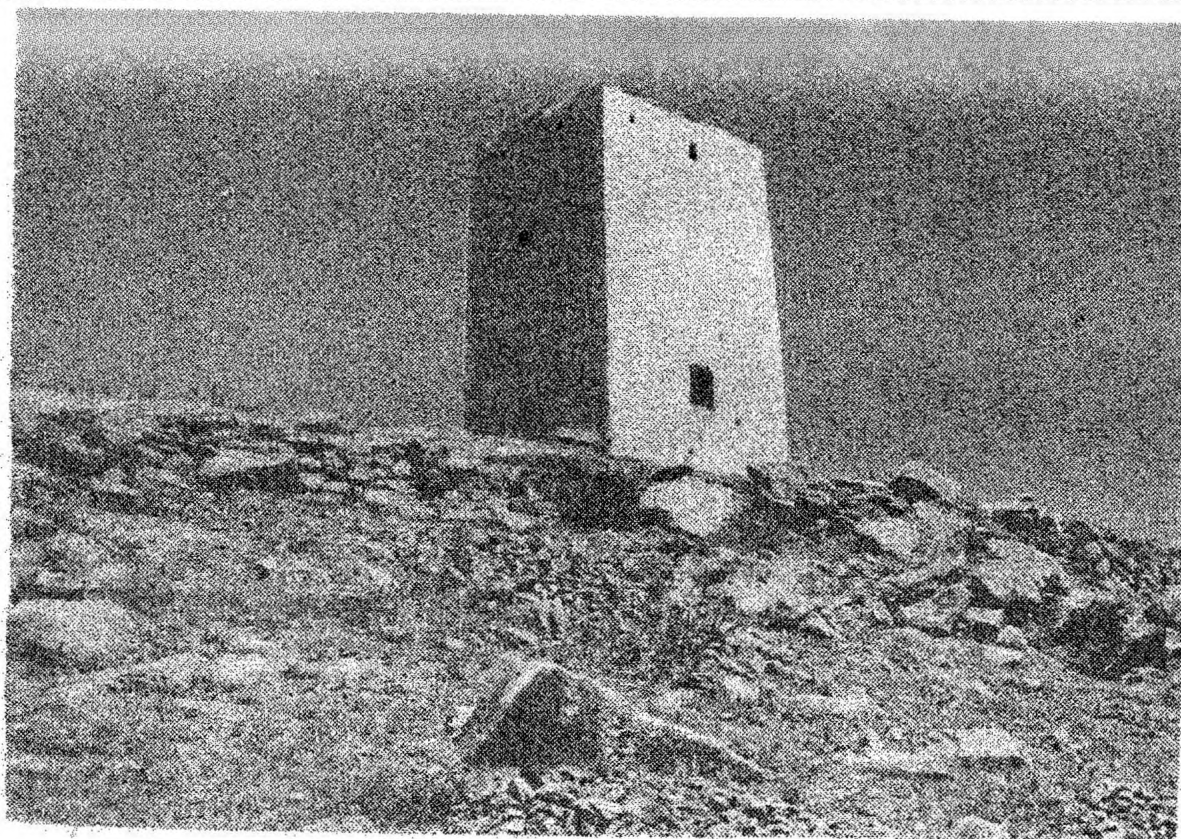

Фото 9. Башня Ак-Кала.

Фото 10. Башня Абаевых.

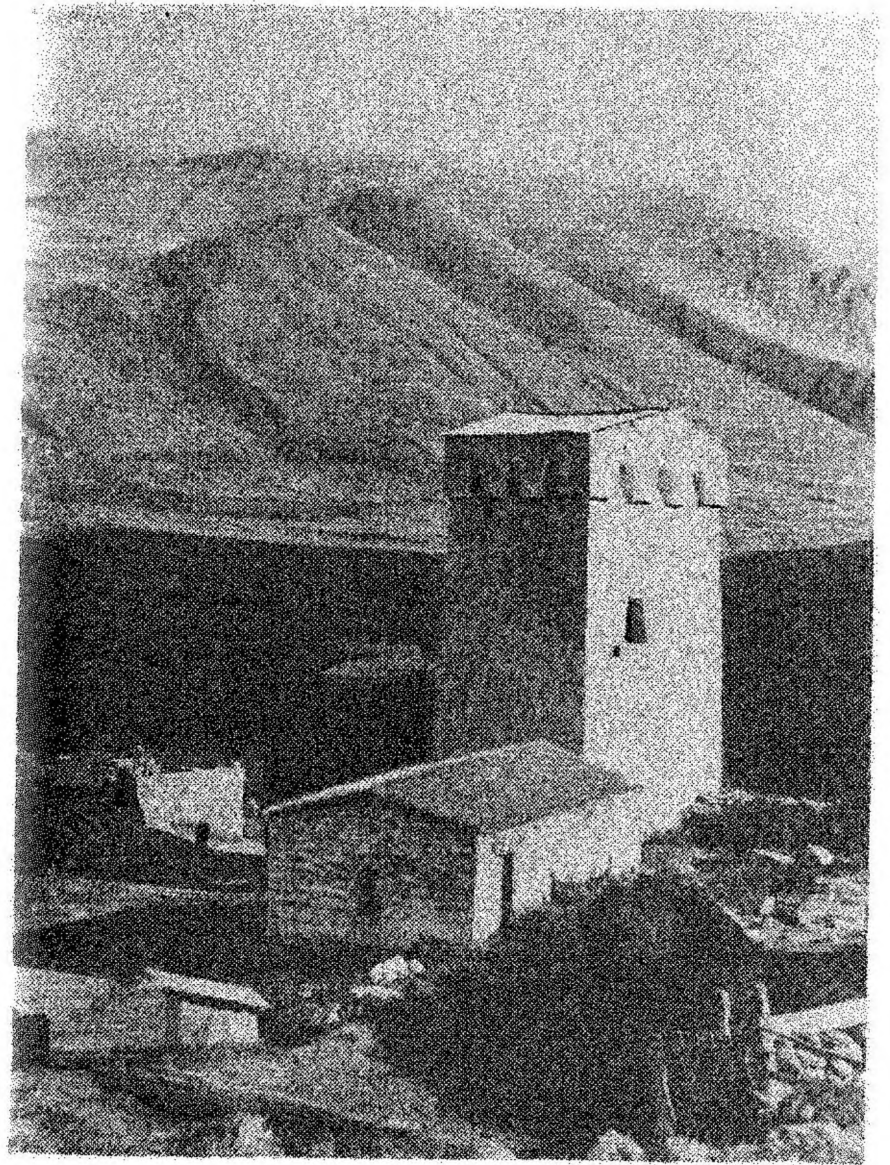

Фото 11. Башня Балкаруковых.

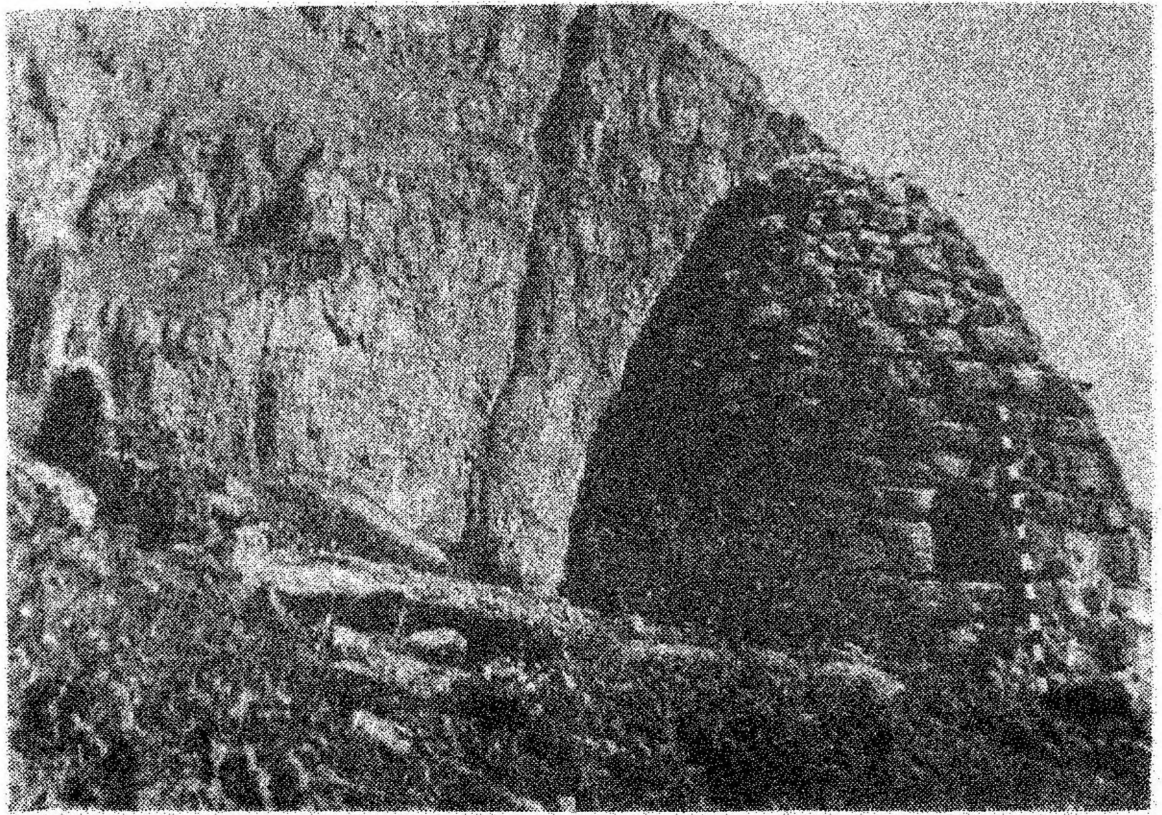

Фото 12. Ташлы-галинский склеп.

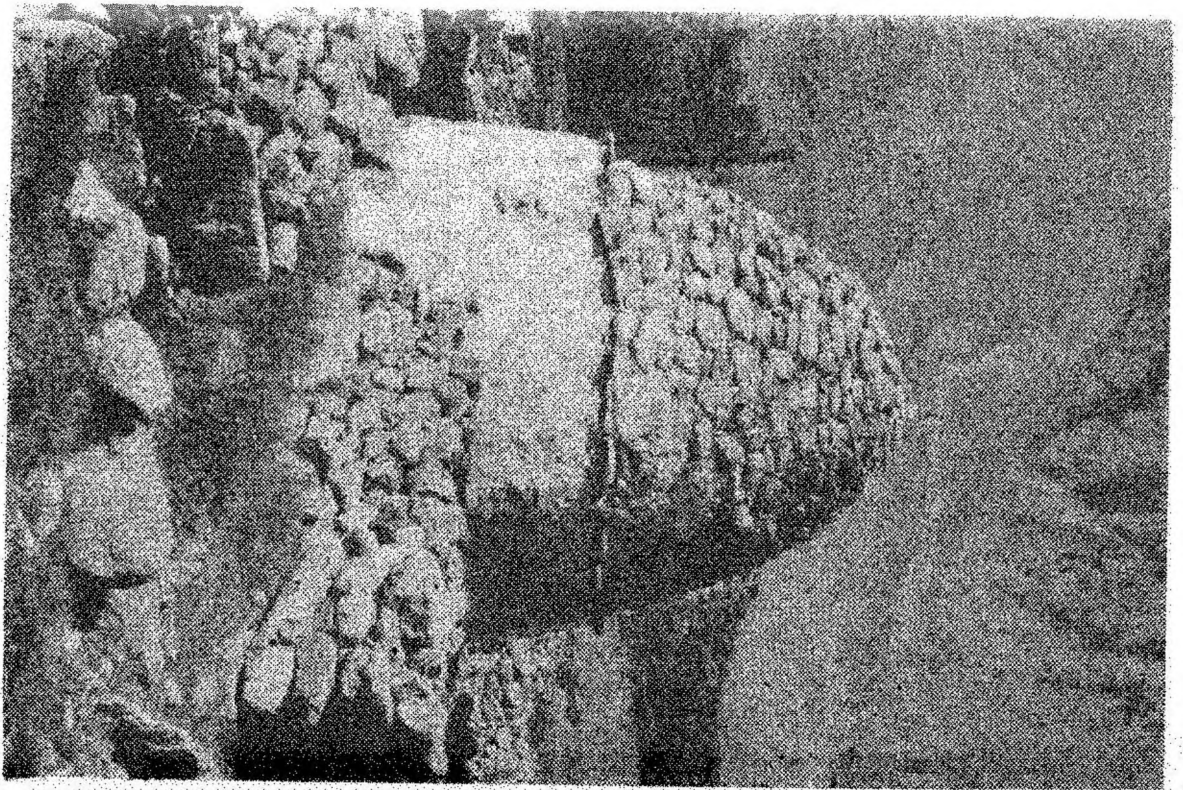

Фото 13. Склеп в с. Мухом.

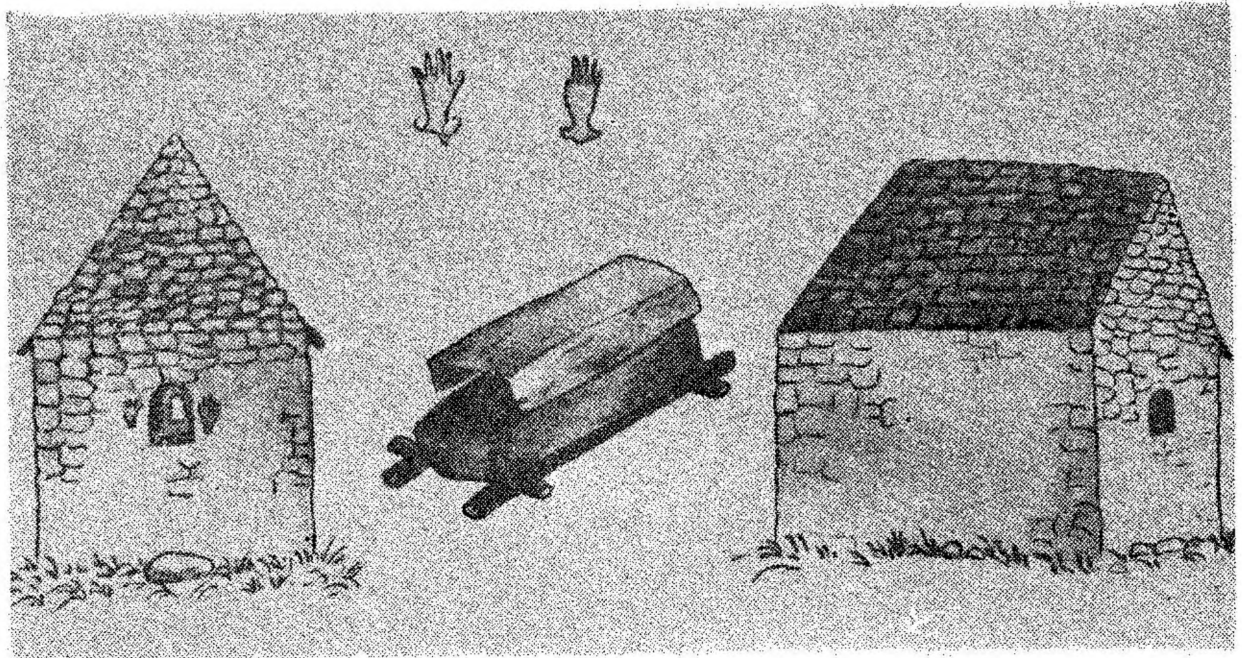

Фото 14. Мавзолей Камгута (из альбома Вырубова, опубликованного Л. И. Лавровым).

Фото 15. Прямоугольный склеп в селении Верхний Чегем.

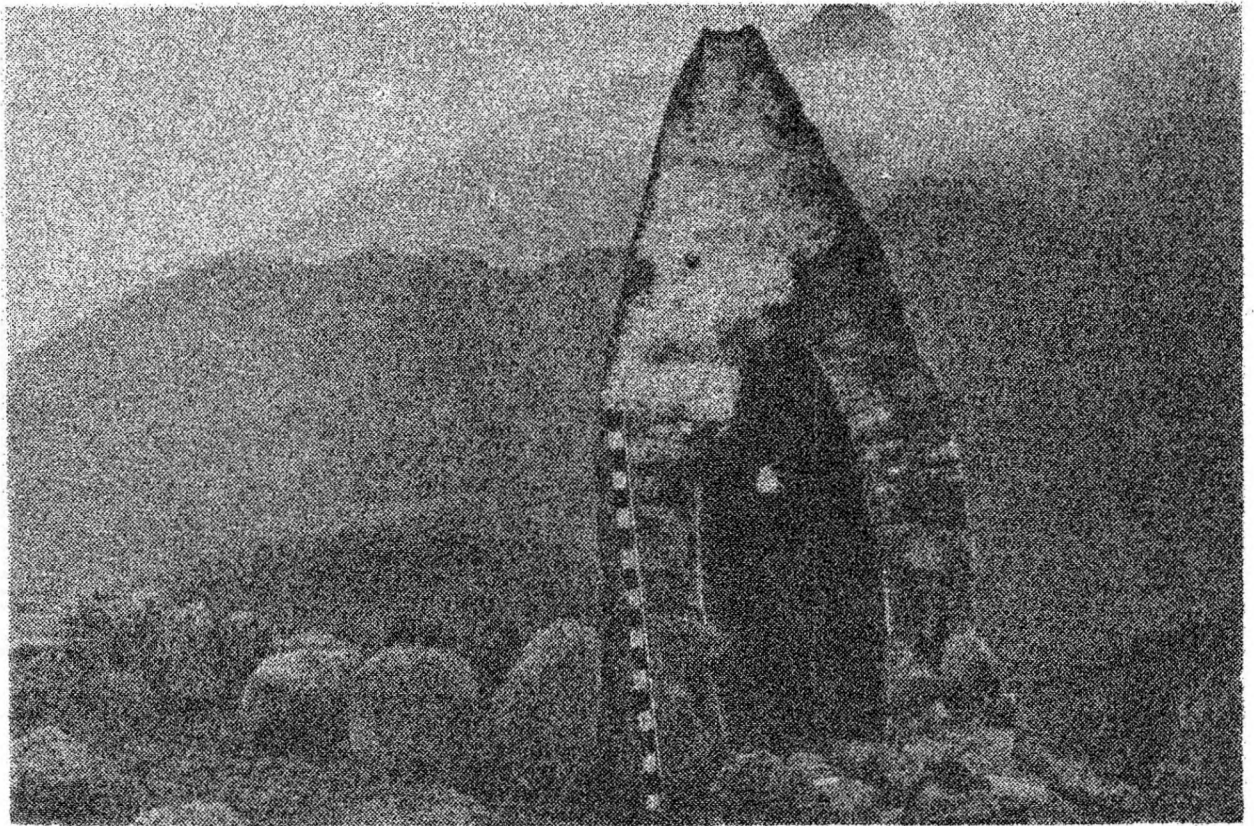

Фото 16. Наземный склеп на могильнике Курнаят.

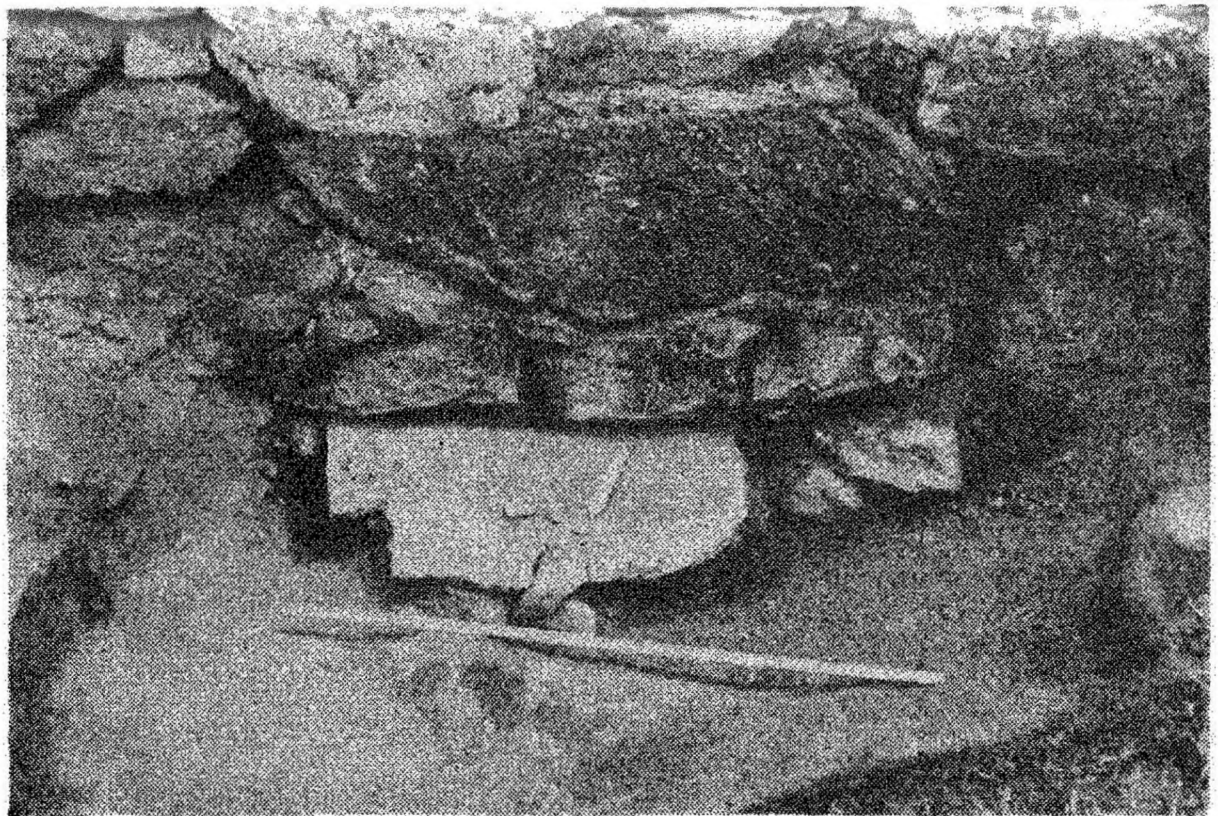

Фото 17. Часть могилы под Курнаятским склепом.

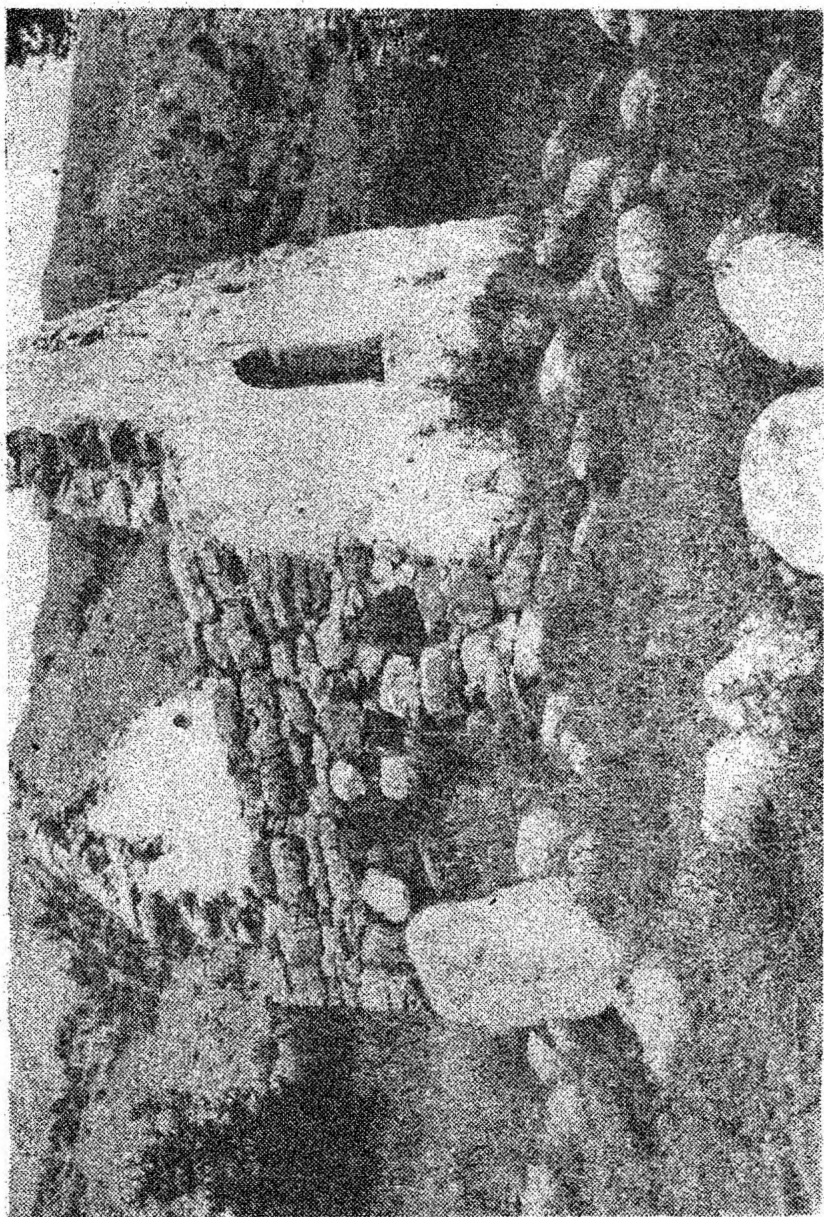

Фото 18. Склеп у селения Карт-Джурт.

Фото 19. Двухъярусный склеп у селения Карт-Джурт.

Фото 20. Второй ярус склена у селения Карт-Джурт.

Фото 21. Склеп у замка Джабоевых.

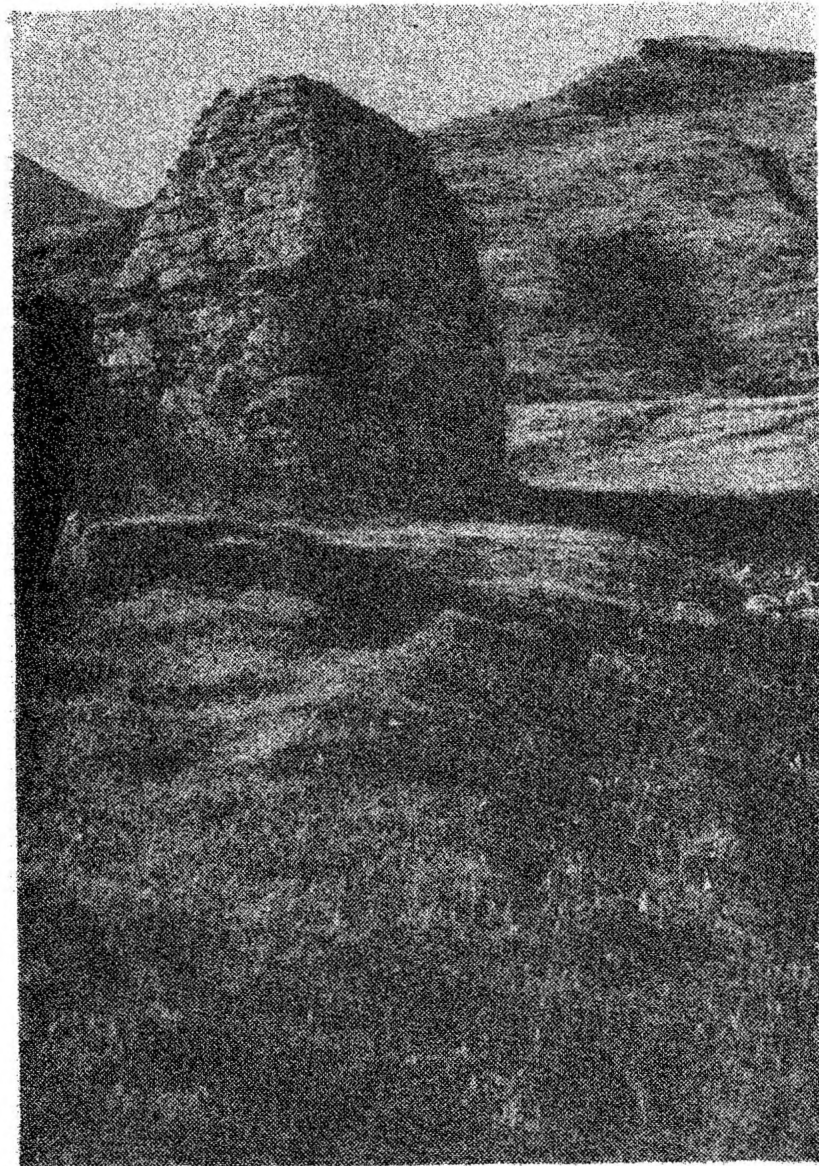

Фото 22. Склеп у селения Булунгу. Кач-кешене.

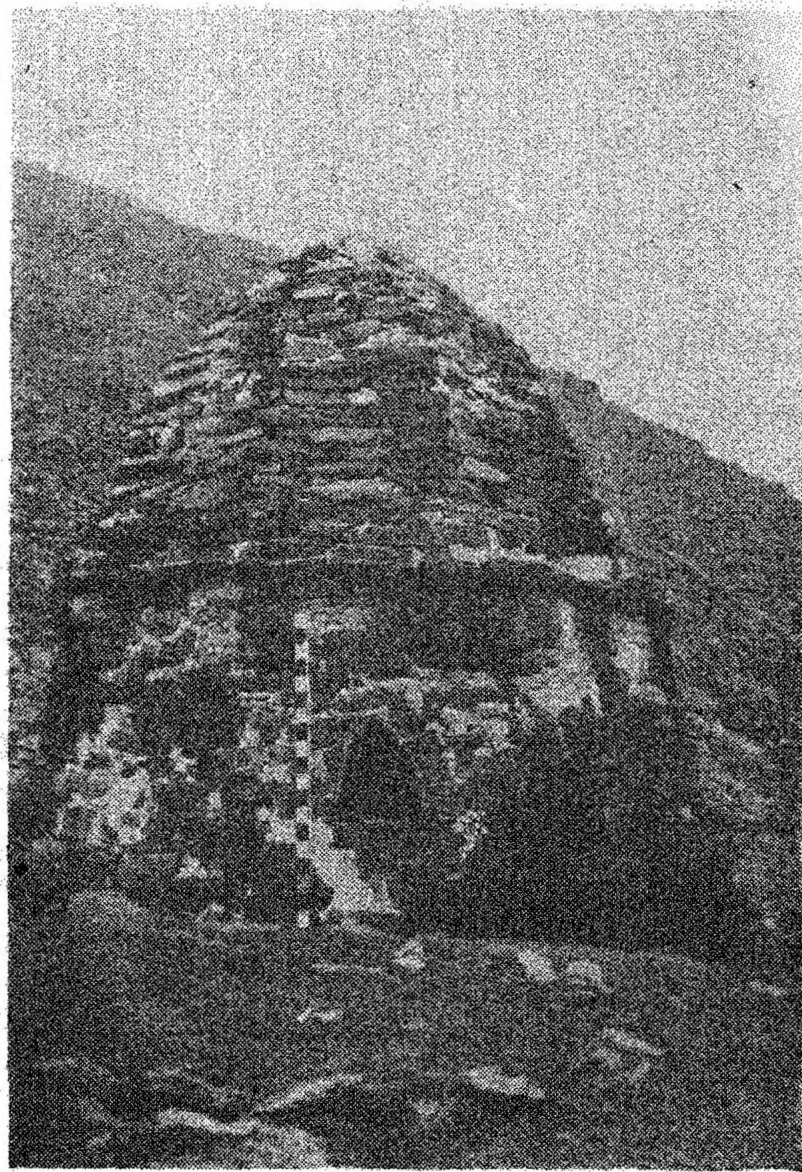

Фото 23. Склеп у а. Коспарты

Фото 24. Многогранные склепы в Верхнем Чегеме.

В XIII—XIV вв. в силу ряда исторических причин, вероятно, начинают складываться основы отдельных горских обществ Балкарии и Карачая, позднее выделивших из своей среды собственных князей-таубиев, стремившихся обособить себя и стать независимыми.

Процесс возникновения этих сооружений ускоряется как антагонистическими противоречиями внутри общества, так и междоусобными войнами, характерными для эпохи возникновения раннефеодальных отношений⁷⁷. В этот бурный период развития феодальных отношений и междоусобных войн, с целью наживы и захвата пленников, что в конечном счете вело к образованию зависимого сословия, и начинается, на наш взгляд, строительство башен и крепостей. Таковы вероятные внутренние социальные причины появления рассматриваемых памятников.

Серьезной причиной усиления строительства оборонительных сооружений были и внешние политические условия и прежде всего нашествие монголо-татар. Известно, что еще в 1-й половине XIII века (1237—1240) захватчики застали укрепленными почти все ущелья Центрального Кавказа. О том, насколько важно было для них овладеть этими ключевыми позициями к перевальным путям, ведущим в Закавказье, говорят средневековые летописи, на что уже обращено серьезное внимание⁷⁸.

Безусловно, эти внешние политические причины должны были вызвать новый бурный рост оборонного строительства. Именно ко времени XIII—XIV вв. мы можем отнести появление некоторых сооружений группы А (тип. 1 и 2)⁷⁹. В этих башнях и крепостях жили отдельные семьи выделявшейся социальной родовой верхушки общества (например, в Болат-Кале, Малкар-Кале, Карча-Кале и др.). Эти сооружения можно рассматривать как отражение распада патриархально-родовых устоев, которое сопровождалось углублением социального расслоения и зарождением раннефеодальных отношений.

Мы уже говорили, что к этим крепостям примыкали жилые постройки и что в общем такие комплексы представляли небольшие горские аулы. Конечно, все жители ближайших аулов не могли укрыться, а тем более жить в этих укреплениях. Отсюда можно вывести заключение, что они назначались именно для привилегированной родовой знати.

⁷⁷ К. Н. Мелитаури. Крепости дофеодальной и раннефеодальной Грузии. Тбилиси, 1969, стр. 12—15.

⁷⁸ Л. И. Лавров. Нашествие монгол на Северный Кавказ. «Вопросы истории», 1965, № 5, стр. 98—102.

⁷⁹ Ранее предложенная нами датировка этих типов несколько занижена. См. И. М. Мизиев. Об оборонительных сооружениях, стр. 66.

Возникнув в это время, эти укрепления могли выполнять свои функции и в последующие века (XIV—XVII вв.).

К XIV—XV веку процесс социального расслоения, а следовательно, и имущественной дифференциации заходит глубже, что также получило свое отражение в археологических памятниках, исторических сведениях и в фортификационных сооружениях.

В пользу того, что XIV—XV вв. являются временем дальнейшего углубления имущественной дифференциации и развития феодальных отношений, говорит возникновение именно в этот период наземных мавзолеев (см. гл. II), наличие качественно отличного богатого погребального инвентаря в отдельных могилах (Карт-Джурт, Верхн. Чегем, Курная, Тащлы-Тала и др.), а также дальнейшее развитие института пленения⁸⁰ и военных дружин. Последние по своей форме, составу, цели и характеру действия ведут в конечном счете к феодализации⁸¹.

Об этом же говорит и появление новых, более совершенных форм оборонительных сооружений и укрепленных объектов, где могла жить и обороняться раннефеодальная знать. Такими объектами мы можем считать оборонительные комплексы Зылги и Усхур (группа А, тип. 3), планировка и архитектурные особенности которых несут на себе явные признаки феодальных крепостей. В них уже налицо особо охраняемые цитадели — в Усхурской системе и центральный ярус Зылги. Появление этих мощных и усовершенствованных объектов было вызвано внутренней потребностью развивающегося общества — становлением феодальных отношений и чрезвычайно трудными внешними условиями, связанными с новым нашествием, на этот раз более мощной волны — походами Тимура.

В 1395 году Тимур, после победы над золотоордынским ханом Тохтамышем на р. Терек, вынужден был сам участвовать в покорении горцев у подножий Эльбруса, о чем красноречиво рассказывает Шереф-ад-дин-Иезди в «Книге побед»⁸². Он даже называет крепости Кулы и Тауса и др., «которые принадлежат к племенам обитателей Эльбруса... У тамошних жителей были крепости и укрепления на вершине горы и пройти туда было чрезвычайно трудно, вследствие высоты их, которая так велика, что у смотрящего мутился глаз и шапка валилась с головы, в особенности

⁸⁰ Л. И. Лавров. Карачай и Балкария, стр. 77—78. Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе. Характер сословных отношений в горной Ингушетии. «Кавказский этнографический сборник», II. Тбилиси, 1968, стр. 151—156.

⁸¹ Там же, стр. 157.

⁸² В. Г. Тизенгаузен. Сборник сведений, относящихся к истории «Золотой Орды», т. II, 1941, стр. 181—183.

крепость Тауса». Далее Шереф-ад-дин-Иезди рассказывает: «Взяв в плен Кулу и Тауса, которые были предводителями той крепости (здесь и далее подчеркнуто нами. — И. М.), они убили их. Оттуда Тимур двинулся на крепость Пулад, в которой укрылся Утурку — один из старших эмиров Джучиева улуса. По дороге один день они провели в местности Балкан... Тимур написал письмо Пуладу, чтобы тот выдал ему Утурку; получив отказ, он идет с войском к этой крепости, «преодолевая громадные трудности... Крепость эта находилась в чрезвычайно труднодоступном месте и тамошние жители, заняв вход в ущелье и отрекшись от жизни, отчаянно начали сражаться. После многих усилий победоносное войско одолело их и, овладев крепостью, уничтожило многих из них... Войско Тимура разграбило и сожгло дома их и взяло бесчисленную добычу».

Но взять Утурку Тимур не удалось, так как тот «бежал в ущелья горы Эльбруса», в связи с чем начался новый поход.

Уже высказывалось мнение о том, что эти события могли происходить на территории нынешней Балкарии и Карачая⁸⁴. Таким образом, в XIV веке захватчики застали этот район хорошо укрепленным. Но для нас здесь очень важно другое обстоятельство, впервые зафиксированное письменными источниками. Некоторые крепости оказались связанными с определенными именами (Кулы, Тауса, Пулад), что указывает на принадлежность их определенному владельцу, уже несомненно обособленному от остальной массы населения. С точки зрения социальных отношений внутри общества эти факты приобретают чрезвычайно важное значение и свидетельствуют о том, что к этому времени в горских обществах интересующих нас областей распад родовой организации и развитие феодальных отношений зашли довольно далеко.

Здесь же можно отметить, что название крепости Пулад с небольшими фонетическими изменениями сохранилось в современном названии крепости Болат в Черекском ущелье (см. выше — стр. 22). Нам представляется, что эти названия идентичны и относятся к одному и тому же объекту.

Другим очень важным моментом в сообщениях Шереф-ад-дина является упоминание местности Балкан по пути к крепости Пулад. Нам представляется возможным видеть за этим названием несколько искаженное — Балкар. Черекское ущелье и сейчас называется «Малкар» в отличие от всех других ущелий, в общем-

⁸³ В. Г. Тизенгаузен. Сборник сведений, относящихся к истории «Золотой Орды», т. II, 1941, стр. 181—183.

⁸⁴ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 86—87; И. М. Мизиев. О некоторых оборонительных сооружениях средневековой Балкарии, стр. 66.

то объединяемых в одно название — Балкария. Возможно, что это название происходит от р. Малки, или Балкъ, как ее называют балкарцы.⁸⁵

После этих событий, закончившихся закрытием выходов из ущелий, что способствовало продвижению адыгских племен в XIV—XV вв. с запада на восток и занятию ими всех предгорных равнин в ущельях Балкарии наступает относительная стабилизация в отношении внешних военных столкновений. Развивающиеся местные общества получают к XVI веку более благоприятные условия для дальнейшего развития феодальных отношений. К этому времени появляются крупные феодальные резиденции (группа А, тип 4). Самый факт появления замка Курнайт и замка Джабоевых — крепости феодала — мы расцениваем как результат окрепшего феодализма в балкарской среде.

Именно поэтому уже в начале XVII века балкарские феодалы — князья, мурзы и т. п. фиксируются письменными документами. Показателями развитых феодальных отношений являются башни второй группы (Б), относящиеся к XVII—XVIII вв. Они принадлежали отдельным крупным феодальным фамилиям (башня Абаевых, башня Балкаруковых, башня Амирхановых и др.). О том, что оборонительные сооружения XVI—XVIII вв. являются материальным свидетельством становления феодальных отношений у народов Центрального Кавказа, в последнее время говорят многие авторы.⁸⁶

В Ингушетии и некоторых районах Северной Осетии простые люди должны были выкупать разрешение на строительство башни у своих владельцев.⁸⁷

Эти сооружения отличаются большим строительным мастерством, правильностью архитектурных форм, тщательностью кладки и пр. Эта группа является завершающим звеном в развитии горской архитектуры балкарцев. А то обстоятельство, что все они расположены уже не в горах на недоступных уступах и вершинах, а в самих аулах в окружении рядовых горских жилищ, свидетельствует о том, что феодальные отношения прочно вошли в жизнь народа.

В связи с этим нельзя не коснуться того, как освещаются социальные отношения в Балкарии и Карачае XVI—XVII вв. Как

⁸⁵ «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные С. Броневским», ч. II, М., 1823, стр. 216; Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 86.

⁸⁶ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963, стр. 7; Г. А. Кокиев. Указ. соч., стр. 222, 229; Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 162—163.

⁸⁷ Г. А. Кокиев. Указ. соч., стр. 230; И. П. Щерблякин. Указ. соч., стр. 21; Н. Я. Яковлев. Ингуши. М.—Л., 1925, стр. 90.

правильно отметил Л. И. Лавров⁸⁸, в «Очерках истории балкарского народа» этот вопрос не получил еще последовательного объяснения. Так, на стр. 29 авторы пишут, что в XVI—XVII вв. «в общественно-экономической жизни балкарцев явно вырисовываются характерные черты феодализма»⁸⁹. На следующей странице говорится о том, что в указанный период господствующее место в обществе занимали мурзы и таубии — горские князья. Далее же, на стр. 33, сказано, что общественный строй XVI—XVII вв. характеризуется как переходный период от патриархально-родовых порядков к феодальным отношениям. Такое непоследовательное объяснение общественного развития Балкарии слишком общо.

Анализ башенных сооружений позволяет говорить, что к XVI веку феодальные отношения в Балкарии не только вырисовываются, а уже запечатлены в материальных памятниках — замках Джабоевых, Бозиевых, Курнайтском и других, а к началу XVII века — и в письменных источниках⁹⁰. Это подтверждается и на примере наземных усыпальниц — кешене.

В настоящее время представляется возможным такое объяснение причин и времени появления оборонительных сооружений Балкарии и Карачая. Привлечение же впрямь исторических и фольклорных сведений может подтвердить правильность этого вывода.

ГЛАВА II

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ СКЛЕПОВЫЕ ПАМЯТНИКИ БАЛКАРИИ И КАРАЧАЯ

1. Общие сведения и география размещения

К числу слабоизученных археологических памятников Балкарии и Карачая, как и всего Северного Кавказа, относятся различные погребальные комплексы XIII—XVIII вв., состоящие из грунтовых могил, каменных ящиков, полуподземных и наземных склепов.

⁸⁸ Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 84—85.

⁸⁹ «Очерки истории балкарского народа». Нальчик, 1960, стр. 29—33.

⁹⁰ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, М., 1957 г., стр. 120, 125, 242; Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадрианскую землю (1639—1640). «Чтения в Обществе любителей истории и древностей российских при Московском университете», кн. 2, М., 1887, стр. 302—305, 309—310, 313, 318; М. Джакашвили. Известия грузинских летописцев и историков о Северном Кавказе и России. СМОМПК, 22, Тифлис, 1897, стр. 77—78; Вахушти. География Грузии. ЗКОРГО, кн. XXIV, вып. 5, Тифлис, 1904, стр. 141—150.

вых сооружений⁹¹. Последние виды памятников также представляют большой интерес для воссоздания средневековой истории балкарского и карачаевского народов. Однако они до сих пор, как и башенные комплексы, слабо изучены. Не проделано еще сопоставительного анализа их с аналогичными памятниками соседних областей Северного Кавказа, не разработана их типологическая и хронологическая классификация, не выяснены причины их возникновения и гибели.

Определенный интерес представляют также вопросы генезиса и эволюции склеповых сооружений в указанных районах, их соотношения с подобными памятниками раннего средневековья. Наблюдается ли между ними какая-нибудь преемственная связь?

Разработка этих вопросов требует освещения их на фоне данных всего Северного Кавказа. Правильное решение их намного обогатило бы наши знания о средневековой истории как Балкарии и Карачая, так и соседних областей края.

По имеющимся сведениям, на территории Балкарии и Карачая зафиксировано около пяти десятков наземных склепов. Большинство из них бесследно исчезло и не дошло до наших дней. К такому же относится около двух десятков склепов у с. Гунделен, два склепа Абаевых в Верхней Балкарии, три склепа у пос. Бабугент и Советского, три у с. Хулам, по одному склепу у с. Булунгу, Думала (Верхний Чегем), Безенги, Былым, несколько склепов у г. Карачаевска на Кубани и многие другие. От других склепов остались лишь незначительные руины. Например, от группы склепов в Верхнем Чегеме в местности «Нардык», от трех склепов у с. Карт-Джурт в Карачае и др.

Западной границей распространения наземных склепов могла быть р. Зеленчук⁹².

В настоящее время достоверно известны и хорошо сохранились в изучаемом районе 17 различных наземных склепов. (См. карту). Отличаются они по своей планировке и конструкции — круглопланные с конусообразной крышей, прямоугольные с двускатной и многогранные с пирамидальной крышей.

⁹¹ Основные сведения о северокавказских склеповых сооружениях см.: В. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 25—28, рис. 38—39, стр. 58, рис. 68; И. П. Семенов. Указ. соч.; И. И. Щевалькин. Мусульманство, язычество в памятниках материальной культуры; Л. Ш. Семенов. Эволюция италийских святилищ. «Труды секции археологии РАИОИ», IV, 1929, стр. 154—161; Г. Конев. Склеповые сооружения Северного Кавказа. Владикавказ, 1928; Л. И. Лавров. Из поездки в Балкарию. СЗ, II, 1939, стр. 176—181; Б. П. Алексеева. Археологические работы у с. В. Чегем в 1959 г., стр. 194—195; В. И. Маркович. В стране вайнахов. М., 1968.

⁹² Л. И. Лавров. ЭПСК, ч. II, стр. 156.

Как и в других районах Северного Кавказа, рассматриваемые памятники располагаются в горной зоне. Основное сосредоточение в Балкарии и Карачае наблюдается в тех же высокогорных котловинах Северной депрессии, где есть оборонительные сооружения. Но в отличие от последних склеповые сооружения иногда выходят в предгорья (пос. Советский, Бабугент, Заюково, Гунделен) и даже на равнину (сс. Чегем II, Баксаеннок). Отметим сразу, что за пределы высокогорья выходят, за редким исключением, лишь многогранные и, как будет показано ниже, самые поздние склепы, содержащие уже мусульманские захоронения второй половины XVIII — начала XIX века⁹³ (у сс. Заюково, Гунделен, Лечинкай, Чегем II, Баксаеннок и в Малой Кабарде).

Судя по существующим литературным сведениям и сохранившимся склепам, большое скопление их некогда наблюдалось в Верхней Балкарии и Верхнем Чегеме. В других пунктах — в Безенги, на Баксане и в Карачае — их было меньше. Создается впечатление, что они, как и башенные сооружения, идут по убывающей линии от верховьев Черёка к Кубани с промежуточным скоплением в верховьях р. Чегем⁹⁴.

Что касается типового распределения склепов, можно говорить, что круглопланные известны в более восточных районах — у сс. Ташлы-Тала и Верхняя Балкария, многогранные — в Верхней Балкарии и Верхнем Чегеме, в остальных пунктах известны в основном прямоугольные. Во всех пунктах наземные склепы располагаются на древних кладбищах в тесном окружении обычных могил — грунтовых, каменных ящиков и пр.

В эпоху позднего средневековья в Балкарии и Карачае бытовали и полуподземные склепы. (См. карту.) К сожалению, в данную работу не представляется возможным включить анализ и интерпретацию этой категории склепов. Отмечу лишь, что они являются дальнейшей эволюцией раннесредневековых и на определенном этапе (XIV—XVI вв.) сосуществовали с наземными, но в отличие от последних содержали до десятка и более скелетов.

⁹³ I. A. G. *G. Goldenstadt*. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. II. СПб., 1791, стр. 10—11; P. S. *Pallas*. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthaltschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. I. Leipzig, 1799, стр. 319, рис. 7, стр. 358—359; *Нарышкины*. Указ. соч., стр. 328; В. И. Долбежва. Указ. отчет; А. А. *Иевсен*. Указ. соч., стр. 31; его же. Отчет о работе Баканской экспедиции 1934 г. (Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 220—236); Л. И. *Лавров*. Об арабских надписях Кабардино-Балкарии. УЗКБНИИ, т. XVII. Нальчик, 1960, стр. 97—110.

⁹⁴ «Ханские могильники в Чегемском обществе». «Нива», № 13, 1891, стр. 301—304.

2. Описание и типология наземных склепов Балкарин и Карачая

Завершающим звеном позднесредневекового комплекса археологических памятников Балкарин и Карачая являются наземные склепы-мавзолеи. Эти памятники были распространены по всем ущельям указанных областей — по рр. Черек, Чегем, Баксан, Кубань и др. Как и прочие памятники, они были известны многим дореволюционным исследователям, и существование их неоднократно отмечено ими в литературе и отчетах⁹⁵.

Склепы-мавзолеи привлекали внимание и советских исследователей⁹⁶. Но сколько-нибудь обобщенного исследования этих памятников до сих пор еще не проведено, хотя каждый из исследователей, касавшихся их, подчеркивал важность и значение этих памятников для средневековой истории балкарского и карачаевского народов. Исходя из этого мы позволим себе более подробно остановиться на описании, исторической интерпретации и сравнительном анализе их с аналогичными памятниками соседних районов Северного Кавказа. Все оставшиеся в сохранности склепы на территории Балкарин и Карачая были изучены экспедициями КБНИИ в 1965—1968 гг.⁹⁷

Сейчас их можно насчитать 17 экз., в том числе 1 — у с. Таш-

⁹⁵ А. Фиркович. Археологические разведки на Кавказе. (Труды Восточного отделения императ. археологич. об-ва, ч. III, 1858, СПб, стр. 104—137; Л. Токарев. Поездка на снеговой хребет северо-западной цепи Кавказа. «Современник», СПб, 1851, т. 28, отд. VI, стр. 7, 13—14; В. Ф. Миллер. Археологические экскурсии... Отчет о раскопках В. И. Долбежева в Терской области в 1888 г. (Архив ЛОИА АН СССР, фонды бывш. имп. арх. ком. д. 12/1888, лл. 53, 54); см. также: ОАК за 1882—1888 гг., СПб, 1891, стр. ССХСІХ; В. М. Сысов. Поездка на р. Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1896 года, стр. 115—136; его же. Древности по верхнему течению Кубани. МАК, IX, стр. 154—158; его же. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении, стр. 117; Многие склепы-мавзолеи Балкарин отмечены Д. А. Вырубовым (бывш. нач. Нальчикского округа Терской области). Архив ЛОИА АН СССР, д. имп. арх. ком. № 252/1897 г., лл. 25—27 и сл.).

⁹⁶ А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924—1925 гг., стр. 76; его же. Рукописный отчет о работах в Балкарин в 1924 г. (Архив ЛОИА АН СССР, ГАИМК, № 102/1924, ф. 24, № 58); Л. И. Лавров. Из поездки в Балкарин, стр. 175—181; А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарин, стр. 30—31; Е. П. Алексеева. Археологические раскопки в районе села Верхний Чегем, стр. 193—195; В. А. Кузнецов. Отчет об археологических разведках в Балкарин и районе Кисловодска. (Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 2007, стр. 17, д. 2007а, рис. 89).

⁹⁷ И. М. Мизиев. Отчет об археологических работах в Балкарин в 1965 году (Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 3127; Архив КБНИИ, д. 1746; его же. Отчет об археологических работах в Карачае в 1966 году. (Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 3747; Архив КБНИИ, д. 1745; его же. Отчет об археологических работах КБНИИ в 1968 году. (Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 3693; Архив КБНИИ, д. 1829).

лы-Тала, 4 — в районе с. Верхняя Балкарин, 1 — у замка Джабеевых в Хуламо-Безенгийском ущелье, 7 склепов — у с. Верхний Чегем и 3 — у с. Карт-Джурт⁹⁸ в Карачае. (См. карту.)

Они представляют собой погребальные сооружения в виде домиков и башенок различной величины, сложенных из обработанных камней на прочном известковом растворе. Назначались для захоронения членов знатных феодальных семей и отдельных князей.

По общему облику и характеру эти мавзолеи относятся к одному кругу археологических памятников с подобного рода склепами соседних районов горной зоны Северного Кавказа — Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и прилегающих горных районов Закавказья, где они в эпоху позднего средневековья имели такое же широкое распространение⁹⁹, как и в изучаемом нами районе. Вместе с тем рассматриваемые наземные склепы-мавзолеи во многом отличаются от склепов соседних районов.

Сохранившиеся склепы-мавзолеи Балкарин и Карачая можно разделить на три группы по форме основания и перекрытия:

- 1) круглые в основании с куполообразным перекрытием;
- 2) прямоугольные в основании с двускатной крышей и
- 3) многогранные в основании с пирамидальной крышей.

Первая группа включает в себя два склепа — один у с. Ташлы-Тала и второй у с. Мухол. Несмотря на то, что они по общей конструкции объединены нами в одну группу, между ними имеется несколько отличительных черт, которые позволяют рассматривать их как представляющие два типа одной общей группы.

1. Тип-1 гр. 1 представлен склепом у с. Ташлы-Тала¹⁰⁰. Он имеет яйцевидную форму с куполообразным перекрытием, стены от основания плавно переходят к вершине. (См. фото 12.) В плане склеп круглый, диаметр основания внутри — 2,3 м, длина окружности (снаружи) — 13,5 м. Общая высота — 5,3 м, толщина стен — 1,1 м. На высоте 0,8 м от основания в восточной стороне оставлен вход — окно арочной формы размерами — 0,6×0,65 м. На высоте 2,6 м склеп внутри перекрыт плоской цельной плитой. На этом

⁹⁸ Основные сведения о каждом из них см. по ходу описания.

⁹⁹ В. Ф. Миллер. МАК, I, стр. 25—28, рис. 38—39, стр. 58, рис. 68; Г. Кокеев. Склеповые сооружения горной Осетии. П. П. Селенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг.; И. П. Щедрыкин. Указ. соч.; П. Максимов. Кавказ без романтики. Р/Д, 1931, стр. 209 сл.; В. И. Маркович. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргун, стр. 256—270; С. И. Макалатия. Хевсуретия. Тбилиси, 1940, стр. 177—179; Р. Эристов. О Тушино-Пшаво-Хевсурском округе. (Записки Закавказского отделения русского географического общества, кн. III, Тифлис, 1885, стр. 80—81) и др.

¹⁰⁰ И. М. Мизиев. Отчет... за 1965 г., стр. 6—7.

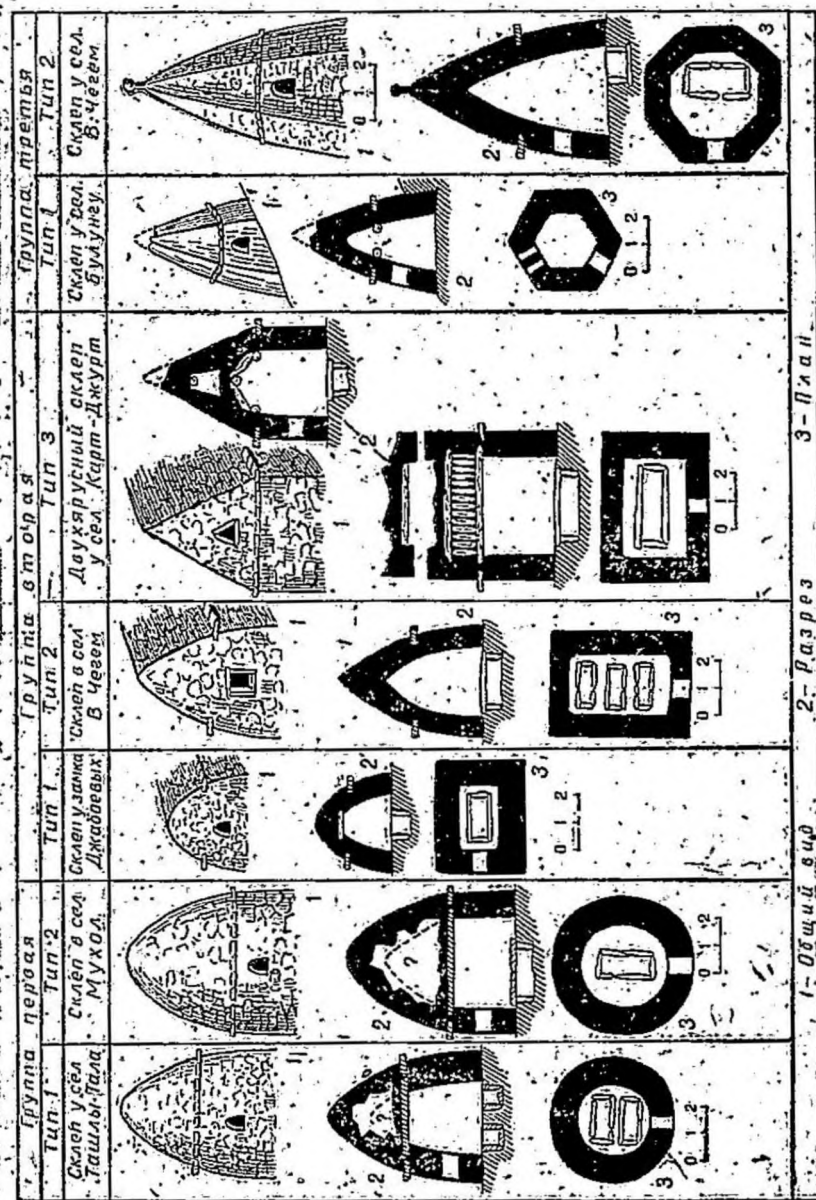

Табл. 3. Наземные склепы Балкарин и Карачай.

уровне в кладке стен по окружности выступает карниз шириной 0,18 м, длина окружности склепа по этому карнизу — 10 м, тогда как длина окружности в основании — 13,5 м. (Табл. 3).

Он сооружен из хорошо обработанных камней, кладка производилась на прочном известковом растворе. Внутренние стороны стен хорошо оштукатурены, снаружи штукатурка не прослеживается. Внутри склепа было две могилы, которые в настоящее время очень разрушены и кости погребенных в беспорядке разбросаны по всему полу. Никаких ниш или полок в склепе нет. Могилы вырыты ниже уровня пола и обставлены плоскими каменными плитами; вероятно, такие же плиты перекрывали могилы и сверху. В настоящее время трудно установить точную дату этого склепа ввиду разрушенности могил. Но косвенно о времени возникновения его могут свидетельствовать могилы, состоящие из каменных ящиков и окружающие склеп. Этот большой могильник функционировал от XIV до XVIII века включительно. Более ранняя группа датируется XIV—XVI вв. А поскольку последние плотно окружают склеп, следовательно, надо полагать, что он был сооружен раньше могил, а затем вокруг него возник большой могильник. Таким образом, мы имеем основания считать, что склеп возник где-то в XIV—XV вв. В противном случае невозможно бы соорудить его в таком тесном окружении могил.¹⁰¹

2. Тип 2 гр. 1 представлен склепом, расположенным в старом балкарском ауле Мухол¹⁰². (Черекское ущелье. См. фото-13).

Склеп этот круглый в основании, внутренний диаметр — 2,9 м, толщина стен в основании — 1 м, общая высота — 6,05 м. Сооружен из хорошо обработанных камней, на прочном известковом растворе. Стены покрыты хорошей известковой штукатуркой. На высоте 0,78 м от уровня пола, с восточной стороны, имеется окно — вход арочной формы, аналогичный ташлы-талинскому; ширина входа в основании 0,6 м, высота такая же.

В общих чертах склеп похож на предыдущий, но здесь явно ощущается эволюция конструктивных форм. Так, при круглом основании стены не плавно переходят к вершине, как в Ташлы-Талинском, а до высоты 2,15 м возвышаются почти вертикально. На этом уровне имеется перекрытие из плоских плит, а снаружи начинается неширокий выступающий карниз. Затем, в виде высокой конусообразной шапки, устроена крыша высотой 3,9 м. Такая разница высоты вертикальных частей стен и крыши придает ему несколько приземистую форму. (См. табл. 3.)

О том, что этот склеп является показателем эволюционного раз-

¹⁰¹ И. М. Мизеев, Отчет... за 1965 г., стр. 23—24.

¹⁰² С. П. Савчук, Указ. соч., стр. 41; П. Г. Акритас, Т. Б. Шаханов, О. П. Медведова, Дневник..., стр. 18.

вития 1-го типа, свидетельствует и то, что он вплотную окружен могилами XVIII в. Многие из них до сих пор приписываются старожилками определенным балкарским фамилиям. Эти могилы на несколько столетий моложе могил, окружающих Ташлы-Талинский склеп. Следовательно, резонно полагать, что и сам он намного моложе первого и является результатом дальнейшей эволюции этого типа. Окружающие его могилы огорожены массивной каменной стеной, чего не было на ранних этапах развития этой группы. Примером может быть склеп и могильник у с. Ташлы-Тала.

Вторая группа. Представлена 10 склепами — один в заброшенном балкарском ауле Шканти, другой на могильнике Курнаят (Черекское ущелье), один в нескольких километрах выше с. Тырнауза — склеп Камгута (Баксанское ущелье), один у замка Джабоевых (Хуламо-Безенгийское ущелье), три у с. Верхний Чегем (Чегемское ущелье) и три склепа у с. Карт-Джурт в Карачае (ущелье р. Кубань, см. карту).

Все они прямоугольные в основании с высокими двускатными крышами, сооружены из хорошо обработанных камней, на известковом растворе и покрыты с обеих сторон прочной штукатуркой.

Эти склепы разделяются на три типа.

Тип 1. гр. II — представлен двумя склепами — склепом в с. Шканти, приписываемым Аккуловым, и склепом Камгута.

3. Склеп в Шканти¹⁰³ представляет собой прямоугольное сооружение со сторонами 2,6×4,2 м, толщина стен — 0,6 м. В юго-западной стене, на высоте 1,3 м имеется вход стрельчатой формы высотой 0,85 м, шириной 0,45 м. В противоположной стене, на высоте 2 м имеется окно шириной 0,3 м и высотой 0,45 м. Высота вертикальных боковых стен 2,2 м, а высота крыши — 2 м. Таким образом, общая высота склепа — 4,2 м. Внутри склепа, в полу, вырыта могила, обставленная по бокам массивными каменными плитами. Длина могилы — 2,1 м, ширина — 0,6 м, глубина — 0,6 м. Она была покрыта цельной массивной плитой толщиной 7 см. Могила в настоящее время разрушена и об обряде, с ней связанном, трудно сказать что-либо определенное, за исключением могильного сооружения.

Склеп окружен тщательно сложенной каменной стеной, образующей дворик шириной 5,7 м, длиной 10 м; толщина стены 0,8 м. Дворик огражден таким образом, что склеп находится в самом его углу. (Табл. 4.)

¹⁰³ А. А. Миллер. Краткий отчет о работах СКАЭ ГАИМК в 1924—1925 гг., стр. 78—79, рис. 7; И. М. Мизигов. Отчет, за 1965 г., стр. 8—10.

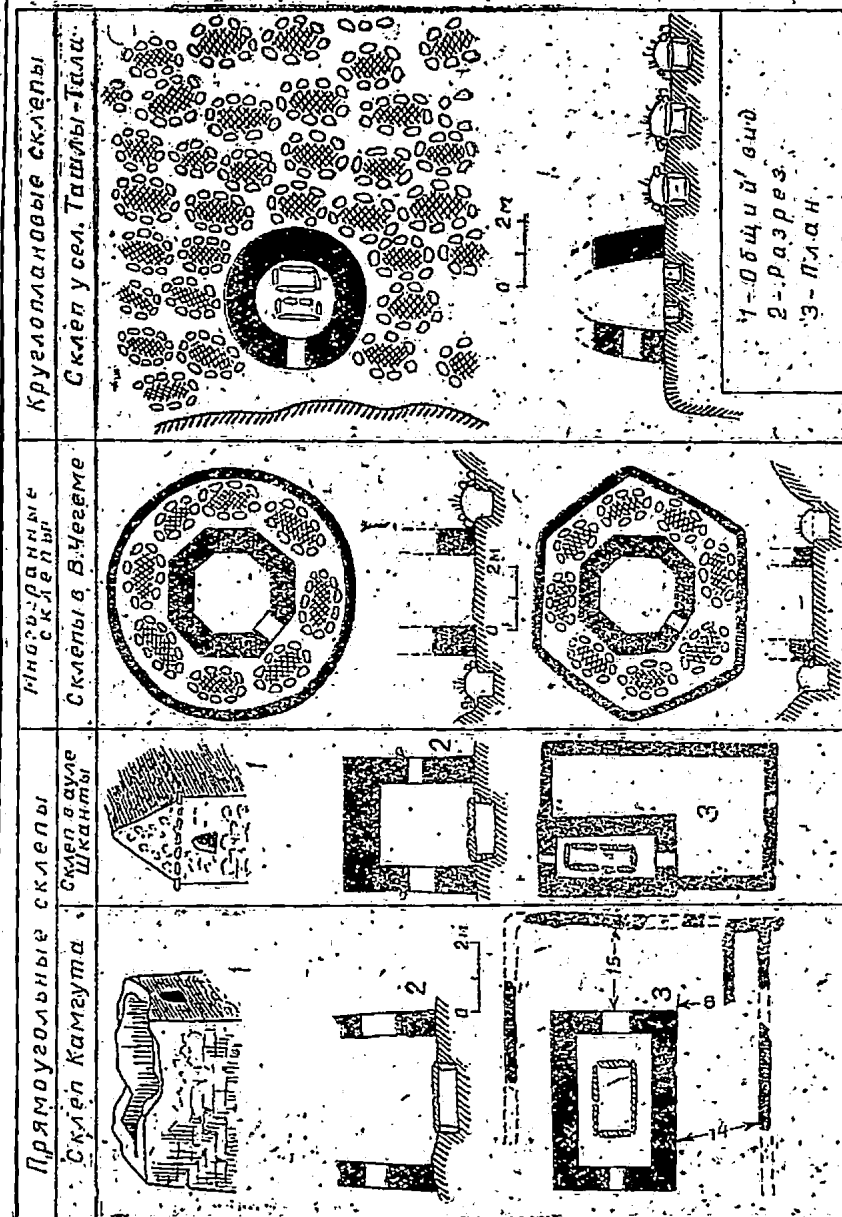

Табл. 4. Наземные склепы Балкарии, окруженные оградой и могилами.

4. Склеп Камгута. Принадлежал князю Камгуту Крымшаухалову. В настоящее время полуразрушен: полностью разрушена верхняя часть с крышей, которая первоначально была двускатной¹⁰⁴. На фотографиях 1933 г. еще видны фронтоны и общая форма склепа, аналогичная склепу Аккуловых в ауле Шканды. Во время путешествия братьев Нарышкиных в 1867 г. он был цел. (См. фото 14).

Склеп имеет в основании четырехугольную форму длиной 5,7 м, шириной 4 м. Высота сохранившихся стен доходит до 3,2 м. При ширине 4 м в основании, в верхней части он суживается до 3,7 м. Толщина стен в основании — 0,7 м, вверху они немного уже — 0,6 м. В передней стене, которая немного повернута к западу, на высоте 1,3 м от основания, имеется вход четырехугольной формы — 0,8×1,05 м. В противоположной стене, на высоте 1,5 м, имеется окно стрельчатой формы — ширина основания 0,28 м, высота 0,5 м. (См. табл. 4.) Внутри склепа зафиксирована разрушенная могила, обставленная по бокам каменными плитами. Длина могилы — 2,6 м, ширина — 1,4 м. Из этой могилы происходит деревянная колода, зарисованная Д. А. Вырубовым и позднее отмеченная Х. О. Лайпановым¹⁰⁵. По сообщению братьев Нарышкиных, уже тогда колода и могила были разрушены. На одной из стен, внутри, было изображение оленя, а снаружи у входа отпечатки рук, что является особенностью усыпальницы князя Камгута Крымшаухалова.

Склеп сооружен из хорошо обработанных камней, кладка произведена на прочном известковом растворе, стены оштукатурены. Как и предыдущий, он окружен хорошо сложенной каменной стеной, образующей большой двор. Часть ограда разрушена, она сохранилась с северо-восточной и юго-восточной стороны. От склепа до северо-восточной стороны ограды 15 м, а до юго-восточной — 14 м.

Наличие оград, образующих специальные дворы перед этими двумя склепами, является их специфической особенностью. (См. табл. 4.) При других наличие подобных дворов и оград не прослежено.

Тип 2-гр. II представлен шестью склепами — три склепа у с. Верхний Чегем, два — у с. Карт-Джурт и один на могильнике Курнаят.

¹⁰⁴ Фотоархив ЛОИА АН СССР. Материалы Баксанской экспедиции ГАИМК, 1933 г., нег. I, № 7944, 7802; Нарышкины. Указ. соч., стр. 332—333; В. Тепцов. По истокам Кубани и Терка. СМОМПК, вып. XIV, Тифлис, 1892, стр. 93—94, 141—142.

¹⁰⁵ Л. И. Лавров. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в., стр. 117 (рис. из альбома Д. А. Вырубова); Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев, стр. 19.

5—7. У с. Верхний Чегем еще в 1939 году было более десятка склепов¹⁰⁶. В наше время четыре из них разрушены. Из оставшихся 7 склепов — 3 прямоугольные с двускатными крышами. Двускатные прямоугольные склепы представляют собой форму домов с высокими крышами, превышающими высоту стен. В каждом из них в южной стене на высоте от 0,8 до 1,3 м имеется окно — вход арочной или прямоугольной формы. (См. фото 15.) Размеры входных отверстий 0,5—0,6×0,6—0,8 м. Толщина стен доходит от 0,4 до 0,8 м в зависимости от размеров склепа. Размеры оснований следующие: 6,75×5,3 м; 5×3,8 м; 3,4×2,6 м. Высота стен — 3, 2,4, 1,6 м; высота крыш — 3, 2,5, 2,3 м. На уровне стыка стен и крыши во всех склепах имеются неширокие карнизы из шиферных плит. Все они сооружены очень тщательно, на прочном связующем известковом растворе и оштукатурены с обеих сторон. В каждом из них имеется от одной до трех могил, вырытых в полу склепа и обставленных каменными плитами.

В 1959 году Е. П. Алексеева раскопала могилу в одном из этих склепов. Стены могильной ямы до глубины 25 см были обставлены плитами, а ниже они были земляными. Дно было устлано досками, а на них в беспорядке находились человеческие кости. В восточной части могилы был выявлен слой древесного угля, в западной находился череп. По мнению Е. П. Алексеевой, эта могила похожа на погребения IX—XII вв.¹⁰⁷

8. Курнаятский склеп располагается примерно в центре могильника Курнаят¹⁰⁸. (См. фото 16.) В плане он прямоугольный и ориентирован с северо-востока на юго-запад. Длина склепа в плане (по внешним замерам) — 3,35 м, ширина — 1,88 м, толщина стен — 0,55 м. Сооружен он из обработанных камней, сложенных на прочном известковом растворе и первоначально был оштукатурен. Высота с северо-западной стороны 3,75 м, а с юго-восточной — 4,2 м. Разница эта объясняется покатостью склона, на котором он сооружен. Стены до 1,77 м с северо-восточной и до 2,2 м с юго-восточной стороны идут вертикально. На этом уровне выступает по длинным сторонам небольшой карниз. (Рис. 8.)

Примерно на уровне карниза, в 1,95 м от вершины, в задней (северо-восточной) стене оставлено окно трапециевидной формы.

¹⁰⁶ Л. И. Лавров. Из поездки в Балкарию, стр. 175—181; С. П. Савчук. Указ. соч., стр. 35—37.

¹⁰⁷ Е. П. Алексеева. Археологические раскопки в районе с. Верхний Чегем в 1959 г., стр. 194.

¹⁰⁸ А. А. Миллер. Отчет о работах СКЭ ГАИМК, стр. 80, рис. 8; П. Г. Акритас, Т. Б. Шаханов, О. П. Медведева. Дневник, стр. 20; И. М. Мизиев. Отчет за 1968 год; его же. Могильник Курнаят в Кабардино-Балкарии. «Археологические открытия 1968», М., 1969, стр. 126.

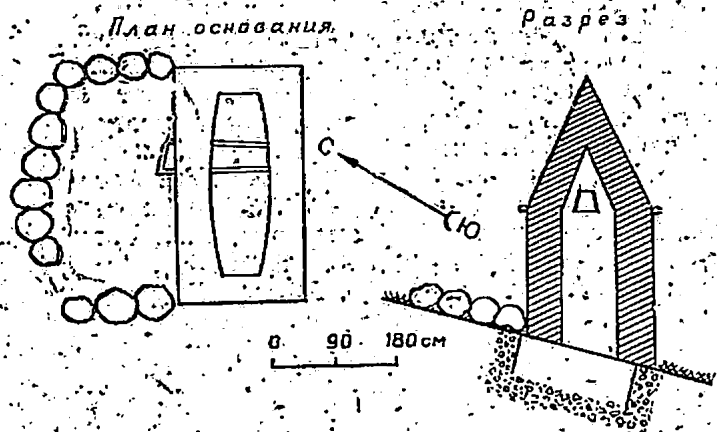

Рис. 8. Наземный склеп на могильнике Курнаят.

Высота его — 2,23 м, ширина в основании — 0,20 м и вверху — 0,15 м. Высота склепа внутри — 2,91 м, стены постепенно переходят в ложный свод. Вход, вероятно, был в юго-западной стене, которая, к сожалению, почти целиком разрушена.

С северо-западной стороны к нему примыкала ограда из массивных камней. Она замыкала площадку размерами 2,15×2,3×3,3 м.

Склеп был сооружен над каменным ящиком, который был устроен поперек его основания (см. фото 17) и ориентирован на северо-запад. Ограда была сделана потому, что ящик выступал из-под склепа на 0,35 м и служила для этой части могилы. Противоположная, юго-восточная, сторона могилы целиком захвачена кладкой стены. Каменный ящик был сооружен из плоских плит. К сожалению, внутри склепа плита, покрывающая ящик, была расколота, а сама могила хищнически ограблена. Длина ящика — 1,8 м, ширина в головах (С-СЗ) — 0,48 м, в ногах — 0,30 м, глубина — 0,45 м. Кости погребенного были в полном беспорядке, вперемешку с перегнившими кусками дерева. Возможно, была колода, либо погребенный покойлся на досках.

Обращает на себя внимание тот факт, что склеп сооружен над могилой XIV—XV вв. Плиты, образующие ящик, были скреплены таким же известковым раствором, на котором произведена кладка стен склепа. Они непосредственно сооружены на верхней плите могилы. Все это говорит в пользу их одновременности и о том, что склеп в данном случае является лишь надмогильным

сооружением — мавзолеем¹⁰⁹. Он возник не ранее, чем сама могила.

Курнаятский склеп стоит лишь над одной из могил, совершенно одинаковой с окружающими.

9—10. Карт-Джуртские склепы аналогичны Верхне-Чегемским. Они также прямоугольны в основании — размерами 3,4×3,85 м, 4,14×4,07 м. Высота стен — от 1,25 до 2 м, толщина их — от 0,5 до 0,7 м. Высота крыши — от 1,5 до 1,8 м. С восточной стороны в них имеются арочной формы входные отверстия 0,5×0,8 м; 0,6×0,9 м. В некоторых склепах входные отверстия закреплены снизу и сверху деревянными плахами. На одном из склепов была арабская надпись XVIII века¹¹⁰.

Сооружены они таким же образом, как и Верхне-Чегемские, на известковом растворе, из хорошо обработанных камней и оштукатурены. Назначались для одиночных и коллективных (до 3-х) погребений. В настоящее время могилы разрушены.

Склепы находятся (как и везде) на древней кладбище, которое используется для захоронений и в наше время. Тесно окружая их, здесь расположены могилы XVIII века, представляющие небольшие насыпи, окаймленные круглыми и овальными каменными выкладками. (См. фото 18.) Один из склепов Карт-Джурта выделяется нами в отдельный тип (№ 10).

10. Тип 3 гр. II.¹¹¹ Представлен одним склепом у сел. Карт-Джурт. В плане он имеет такую же прямоугольную форму размерами 3,89×5,1 м, высота стен — 2,46 м, высота крыши — 4,1 м. Входное отверстие арочной формы, оставлено в продольной южной стене, шириной 0,65 м, высотой 0,8 м. (См. фото 19.) Толщина стен 0,68 м. На стыке стен и крыши имеется карниз. Отличительной особенностью этого склепа является то, что он двухъярусный. В восточной стене (фронтоне), на втором этаже, имеется небольшое треугольное окно, обставленное плитами. Первый ярус отделяется от второго двускатным потолком из деревянных плах, которые покоятся на трех несущих деревянных балках. (См. табл. 3.)

Второй ярус представляет собой узкое погребальное сооружение с упомянутым небольшим окном. Ширина этого сооружения в основании — 0,85 м, длина — 3,25 м, толщина стен — 0,52 м, высота — 1 м. В перекрытии его местами также прослеживаются

¹⁰⁹ А. А. Миллер. Указ. соч., стр. 80. (Принял этот склеп за христианскую часовню).

¹¹⁰ Л. И. Лавров. ЭПСК, ч. II, стр. 88.

¹¹¹ В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении., стр. 110—111; И. М. Мизиев. Отчет... за 1966 г.

ся деревянные балки, но гораздо меньшие, чем в межэтажном перекрытии. (Фото 20, табл. 3.)

В других наземных склепах Балкарии и Карачая наличие второй камеры или яруса не отмечено.

11. Тип 4 гр. II. Этот тип представлен одним склепом у замка Джабоевых в Хуламо-Безенгийском ущелье¹¹². (См. фото 21.)

Склеп, как и предыдущие, в основании прямоугольный — 4,2 × 3,3 м, высота стен — 1,6 м (замеры внешние), толщина стен — 0,9 м. На высоте 0,77 м от основания в передней (короткой) стене имеется входное отверстие арочной формы, ширина его 0,43 м, высота — 0,75 м. Потолок покрыт четырьмя массивными плитами. Хотя крыша его и двускатная, отличительной особенностью является то, что стены крыши неровные и не так четко соединены в вершине, как верхне-чегемские, карт-джуртские и курнаятский, а плавно переходят в дугобразную, полукруглую форму. (См. табл. 3.) Высота крыши — 1,36 м. Место соединения стен и крыши отмечено нешироким карнизом. Внутренние размеры склепа следующие: длина — 2,28 м, ширина — 1,42 м, высота — 1,02 м. Внутри обнаружена разрушенная могила, в которой были в беспорядке разбросаны человеческие кости.

Склеп сооружен на известковом растворе и оштукатурен с внутренней стороны. Вокруг склепа имеются могилы, обозначенные невысокими оплывшими насыпями, обложенными каменными выкладками.

В литературе этот склеп был отмечен как часовня и даже сравнивался с нузальской часовней в Северной Осетии¹¹³. На самом же деле ничего общего с часовней он не имеет, и никаких общих черт с нузальской церковью здесь не видно.

Часовней его считать нет оснований, он является обычным средневековым склепом-мавзолеем. На мой взгляд, по форме перекрытия этот склеп занимает промежуточное положение между круглыми и прямоугольными. В нем явно сочетаются черты тех и других — куполообразные перекрытия круглых склепов и прямоугольное основание четырехгранных.

Третья группа — представлена шестью склепами: один — в ныне заброшенном балкарском ауле Коспарты (Черекское ущелье), один — у с. Булунгу (Чегемское ущелье) и четыре — у с. Верхний Чегем (того же ущелья).

Отличаются эти склепы тем, что они многогранные в плане и крыша их представляет многогранную пирамиду, завершенную большим замковым камнем — шишаком.

¹¹² И. М. Мизиев. Отчет... за 1965 г., стр. 31—32.

¹¹³ П. Г. Акритас, Т. Б. Шаханов, О. П. Медведева. Архитектурно-археологические памятники..., стр. 88—90.

По форме плана они делятся на два типа:

Тип 1 гр. III — сюда относятся склепы шестигранные в основании, крыши которых представляют шестигранные пирамиды. Таких склепов сейчас на территории Балкарии и Карачая всего два — это склеп у аула Коспарты и склеп у селения Булунгу.

12. Склеп у селения Булунгу, именуемый «Кач-Кешене»¹¹⁴, в плане представляет неправильный шестиугольник со сторонами — 1,42, 1,42, 1,70, 1,72, 1,6 и 1,8 м. Внутреннее пространство почти овальное — 2,09 × 1,3 м, со слабо заметными гранями. (См. фото 22.) В северо-западной грани (самой широкой) оставлен вход арочной формы на высоте 0,8 м от основания. Ширина входа — 0,5 м, высота — 0,6 м. В северо-восточной грани на высоте 1,2 м оставлено два окна, одно 23 × 32 см, другое 20 × 20 см. Высота стен — 1,8 м. На месте стыка стен и крыши проходит карниз шириной 15—20 см. Грани склепа кверху сужаются до 0,9, 1,25, 1,35, 1,4, 1,5 и 1,6 м. Поскольку он стоит на небольшом склоне, высота стен не везде одинакова, в некоторых местах она едва превышает 1 м. Самая вершина крыши разрушена, надо полагать, что она заканчивалась замковым камнем-шишаком, как в других, сохранившихся многогранных склепах. (См. табл. 3.)

Склеп сооружен на прочном известковом растворе, оштукатурен с обеих сторон. На внутренней стороне в штукатурке видны следы пальцев мастера-штукатурщика. С внутренней стороны потолок ложным сводом переходит в небольшой купол. Под куполом крестообразно вмонтированы в стены деревянные брусья, поддерживающие каменный свод.

Этот склеп, как и многие другие, расположен на древнем кладбище, могилы которого обозначены небольшими насыпями, овальной и круглой формы, обставленными каменными выкладками.

13. Склеп у аула Коспарты обследован в 1958 году П. Г. Акритасом, а в 1959 году В. А. Кузнецовым¹¹⁵. Он находится в окружении могил, представляющих каменные ящики XVI—XVIII вв. Склеп очень похож на предыдущий — такой же шестиугольный в плане, крыша сделана в виде шестигранной пирамиды. (См. фото 23.) С восточной стороны имеется входное отверстие арочной формы. Линия стыка стен и крыши выделяется нешироким карнизом. Сооружен он из обработанных камней на известковом

¹¹⁴ Фотоматериалы фольклорно-этнографической экспедиции КБНИИ в 1939 г. (Архив КБНИИ, д. 1051, рис. 15); И. М. Мизиев. Отчет... за 1965 г., стр. 39—40.

¹¹⁵ П. Г. Акритас, Т. Б. Шаханов, О. П. Медведева. Дневник..., стр. 18; В. А. Кузнецов. Отчет об археологических разведках в Балкарии и районе Кисловодска в 1959 году (Архив ИА АН СССР, д. 2007, стр. 17, альбом к отчету, д. 2007а, рис. 89).

растворе и оштукатурен. В общем по всем конструктивным особенностям и архитектурному облику он аналогичен склепу у сел. Булунгу, но только выполнен более аккуратно.

В эту же группу следует отнести и не сохранившийся шестигранный склеп в Быльме¹¹⁶.

14—17. Тип 2 гр. III. Представлен в настоящее время четырьмя склепами у сел. Верхний Чегем. (См. фото 24.) К этому же типу можно отнести уже разрушенные два склепа Алимурзы и Серапа Абаевых в ауле Шканти, отмеченные В. Ф. Миллером¹¹⁷.

Все сохранившиеся склепы этого типа отличаются от предыдущих тем, что в плане они восьмиугольные¹¹⁸. Они выполнены особо тщательно. Строго выдержаны архитектурные линии, размеры граней, высота стен и крыш находятся в определенных соотношениях. Отлично сохранилась в этих склепах штукатурка, видимо, известковый раствор для них был приготовлен особенно тщательно.

Вот что показывает соотношение размеров склепов:

№ склепов	Ширина граней (в метрах)	Высота стен, м	Высота крыши, м
Склеп 1	1,8; 1,8; 1,85; 1,8; 1,8; 1,85; 1,8; 1,8	2,6	4
Склеп 2	2,0; 2,0; 2,0; 2,0; 1,85; 1,95; 2,0; 2,0	2,6	4
Склеп 3	1,9; 2,0; 2,0; 2,0; 2,2; 2,0; 2,0; 2,0	2,4	4
Склеп 4	2,0; 2,0; 2,0; 2,0; 2,0; 2,0; 1,95; 1,96	2,3	4

Получается, что отдельные детали сооружены строго соразмерно. Ширина граней колеблется в пределах 1,8—2 м; высота — от 2,3 до 2,6 м, а высота крыш постоянна — 4 м.

Крыши склепов представляют собой вытянутые восьмигранные пирамиды, завершающиеся замковыми камнями-шишаками, высота которых достигает 0,4—0,5 м. В южных гранях каждого

¹¹⁶ В. Тепцов. Указ. соч., стр. 148.

¹¹⁷ В. Ф. Миллер. Археологические экскурсии..., стр. 82—83.

¹¹⁸ В. Тепцов. Указ. соч., стр. 161—163; «Ханские могильники...», стр. 301, 304; Л. И. Лавров. Карачай и Балкария..., стр. 116.

склепа устроены окна-лазы арочной формы. Ширина их — 0,5 м, 0,52 м, 0,55 м, высота примерно такая же.

Были предназначены для одиночных и групповых (до 3-х) погребений. Могилы в настоящее время разрушены, и в склепах в беспорядке разбросаны человеческие кости. Могилы представляли собой вырытые в полу-каменные ящики, сооруженные из плоских плит. Все они ориентированы с востока на запад. К этому же типу можно отнести не сохранившийся многогранный склеп у г. Карачаевска¹¹⁹.

В 1959 году Е. П. Алексеева в одном из восьмигранных мавзолеев исследовала могилу, находящуюся в северной части мавзолея, вблизи стены (длина могилы — 1,65 м; ширина — 0,5, глубина — 0,95 м)¹²⁰. Могила была ориентирована с востока на запад. Дно и стены ее были выложены каменными плитами. В западной части ее находились кости черепа, в восточной — кости ног, около ног лежали куски шелковой ткани, грубого полотна серого цвета¹²¹. Над погребением во всю длину могилы лежала доска, поставленная на ребро (видимо, могила была разрушена — И. М.). Положение и ориентировка покойника, наличие тканей и доски, по мнению Е. П. Алексеевой, свидетельствуют о том, что погребение мусульманское¹²².

Внутреннее пространство склепов имеет в плане овальное или почти круглое очертание со слабо заметными гранями или без таковых. (См. табл. 3.)

Интересно отметить, что почти все склепы этого типа окружены тщательно сооруженной стеной из обработанных камней. Кладка их производилась на таком же прочном известковом растворе, как и сами склепы. Иногда стены, окружающие склепы, имеют тоже восьмигранную форму. Высота их доходит до 1 м. Внутри оград, между склепами и окружающими их стенами, имеются могилы, расположенные по кругу и, следовательно, они не имеют определенной ориентировки. На поверхности могил обозначены прямоугольными или овальными, каменными выкладками. (См. табл. 4.) Нет никакого сомнения, что погребения вокруг склепов относительно одновременны с погребениями в самих склепах.

Хотя Е. П. Алексеева считает погребения в склепах мусульманскими, погребения, находящиеся вокруг склепов, не могут быть мусульманскими, так как никакой определенной ориентировки не придерживаются и располагаются по кругу. Поскольку

¹¹⁹ Л. И. Лавров. ЭПК, к. II, стр. 58—59.

¹²⁰ Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 194.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же.

мусульманский обряд требует определенной ориентировки как самих могил, так и погребенных, то мусульманским считать эти могилы вокруг склепов нельзя. Отсюда, либо ставится под сомнение мусульманский обряд погребения в самих склепах, либо мы должны признать (соглашаясь с Е. П. Алексеевой), что погребения в склепах мусульманские, а окружающие их могилы немусульманские. Но в таком случае непонятно, почему мусульманский обряд, наблюдаемый в склепах, не проявляется в одновременных могилах, окружающих их. Надо полагать, что мусульманство было принято только социальной верхушкой общества, представителям которого сооружались мавзолеи.¹²³ Иначе объяснить этот интересный факт сочетания строго мусульманского обряда в склепах с беспорядочными захоронениями вокруг них невозможно. Во всяком случае, этот вопрос очень интересен и требует изучения. Конкретные сведения дали бы раскопки могил вокруг склепов.

Кроме перечисленных групп, на территории Балкарии и Карачая в эпоху позднего средневековья были распространены погребальные сооружения, близкие к склепам-мавзолеям, но без перекрытий. Мы их условно называем полусклепами. Основное их сосредоточение наблюдается у с. Карг-Джурт на одном кладбище с описанными мавзолеями.

Так называемые полусклепы представляют собой четырехугольные сооружения высотой от 1,25 до 2,4 м. Стены их сооружены на хорошем известковом растворе и оштукатурены с двух сторон. Иногда они одиночные и содержат по одной могиле, а иногда, соединяясь между собой, образуют целые системы полусклепов и содержат по несколько погребений. (Табл. 5).

Одиночные сооружения бывают размерами 3,4×3,85 м, 3,5×4,6 м, 5,2×4,2 м. Сооружения, объединенные в системы, достигают 9×9,4 м, 6,25×5,15 м.

На некоторых из них по четырем углам установлены выточенные камни-шишаки.

Несмотря на то, что они не имеют перекрытия, почти все снабжены окнами и входами. Перед входами порой имеются небольшие ступени — пороги.

Интересно сооружение, занимающее центральное место в одной из систем. (См. табл. 5.) Размеры сооружения: 11×4,7 м; высота — 2,4 м; толщина стен — 0,6 м. Стены его возведены на прочном фундаменте шириной 0,85 м. Оно тщательно оштукатурено, в нем имеется вход-окно, ведущее в одно из смежных сооружений. Фасадная стена его, длиной 11 м, снабжена нависающим па-

¹²³ Л. И. Лавров. Об арабских надписях... стр. 117; его же, ЭПСК, ч. 1, стр. 22.

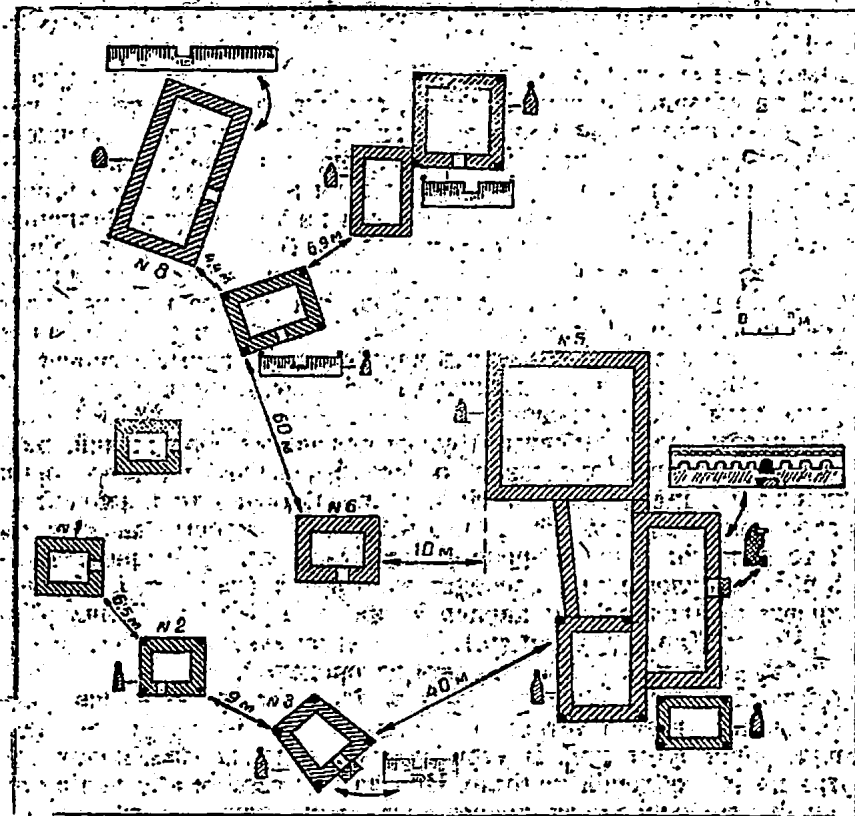

Табл. 5. Схема расположения склепов и склепообразных сооружений на могильнике в селении Карг-Джурт.

рапетом высотой 0,87 м. (См. табл. 5.) Парапет на протяжении всей стены образует девять ячеек шириной 0,39—0,5 м и высотой 0,45 м. Пространство между ячейками образует прямоугольные выступы шириной 0,56—0,7 м. Примерно в центре стены устроено окно-вход, занимающее пространство одной из ячеек, только немного превышая ее по высоте. (См. табл. 5.) Перед входом устроен ступенчатый порог.

Это сооружение привлекает внимание своей архитектурной особенностью, выраженной в наличии парапета. Надо отметить, что это единственное погребальное сооружение на территории Балкарии и Карачая, имеющее такое архитектурное оформление, а в общем это — второе архитектурное сооружение, снабженное па-

парапетом, после башни Балкаруковых в с. Верхний Чегем. (См. фото 11.)

Мы уже говорили, что башня Балкаруковых является единственной на северном склоне Кавказа, снабженной парапетом и поэтому очень близкой по типу к сванским башням, что объясняется тем, что строителями ее были наемные мастера-сваны. Наличие парапета на погребальном сооружении позволяет считать, что эта архитектурная деталь была известна на территории Балкарии и Карачая как на бытовых, так и на погребальных сооружениях. И, если архитектурный стиль башни Балкаруковых объясняется тем, что ее строили сванские мастера, на родине которых этот орнамент широко бытовал, то наличие парапета в погребальном сооружении мы вправе объяснить как результат заимствования из соседней области, в данном случае из Сванетии, или считать его сооруженным мастером-сваном.

Мы рассмотрели основные группы склеповых сооружений, распространенных в эпоху позднего средневековья на территории Балкарии и Карачая, их типологические особенности и варианты. Из этого анализа вытекает, что наземные склепы-мавзолеи на этой территории были широко распространены. Они располагались вблизи аулов или непосредственно в них (как в сел. Мухол) на древних балкарских и карачаевских кладбищах (Ташлы-Тала, В. Чегем, Карт-Джурт и др.). Предназначались они для одиночных и коллективных (не более трех) захоронений.

Каждый из этих склепов имеет входное отверстие — окно, которое почти всегда устроено полукруглой аркой и реже представляет прямоугольник. Внутри склепов никаких ниш, полок или других приспособлений не было. Иногда под сводом потолка в стены склепа монтировались деревянные брусья, чтобы предохранить от случайных обвалов.

Для того чтобы понять место и значение познесредневековых склепов Балкарии и Карачая среди погребальных сооружений Центрального Предкавказья, необходимо попытаться ответить на вопрос о времени и причинах появления этих сооружений.

3. Хронология наземных склепов

Относительно датировки склеповых сооружений Северного Кавказа высказывались многие. В. Ф. Миллер датировал их XII—XIV вв.¹²⁴, П. С. Уварова — XVI—XVII вв.¹²⁵, Л. П. Семенов относил появление их к XIV веку, а расцвет склеповой культуры в

¹²⁴ В. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 96.

¹²⁵ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII; стр. 242.

Чечено-Ингушетии — к XV—XVI вв.¹²⁶, В. И. Марковин относит их к XVI—XVII вв.¹²⁷ Склеповые сооружения Хейсуретии С. И. Макалатия датирует XVII—XVIII вв.¹²⁸, Г. Кокиев относил появление прямоугольных с двускатной крышей склепов в Осетии к XII—XIII вв.¹²⁹. Временем появления этого типа склепов Балкарии и Карачая А. А. Иессен считал XV век¹³⁰. К этому мнению присоединилась и Е. П. Алексеева, уточняя, что прямоугольные склепы с двускатной крышей могли появиться в XII—XIII вв.

Многогранные склепы Балкарии, как продукт проникновения ислама, относятся к XVII—XVIII вв.¹³¹ По своим архитектурным формам они близки мусульманским мавзолеям Азербайджана XIV—XV вв.¹³², но выполнены, конечно, намного примитивнее.

Правы были Л. П. Семенов и А. А. Иессен, датировавшие появление наземных склепов XIV—XV вв. Возникнув в это время, они использовались в XVIII и в отдельных случаях в XIX вв. почти по всей горной полосе Северного Кавказа.

Поскольку почти все склепы-мавзолеи на территории Балкарии и Карачая, равно как и в других районах, находятся в окружении старых могильников, то, естественно, для датировки мавзолеев первостепенное значение имеют как могилы внутри самих склепов, так и окружающие. Но так как все погребения в склепах разрушены, то сохранившиеся до сих пор могилы, вплотную примыкающие к склепам, становятся во главу угла при выяснении времени постройки склепов.

Так, например, могильник из каменных ящиков, отмеченных на поверхности овальными и круглыми каменными выкладками, окружающий круглоплановый склеп у с. Ташлы-Тала, помог нам ориентировочно датировать склеп не позднее XV века. Поскольку древняя часть могильника, вплотную примыкающая к склепу, относится к XIV—XVI вв., следовательно, склеп был построен раньше, чем вокруг него образовался могильник.

¹²⁶ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания... стр. 63—64.

¹²⁷ В. И. Марковин. Чеченские средневековые памятники в верховьях с. Чанты-Аргун..., стр. 269.

¹²⁸ С. И. Макалатия. Указ. соч., стр. 179.

¹²⁹ Г. Кокиев. Склеповые сооружения горной Осетии, стр. 65—66.

¹³⁰ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии, стр. 31.

¹³¹ Е. П. Алексеева. Археологические разведки у селения Верхний Чегем в 1959 г., стр. 195.

¹³² А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 31; Л. И. Лаврова. Из поездки в Балкарию..., стр. 175—181; Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 195; Нарышкины. Указ. соч., стр. 328.

¹³³ Л. С. Бретаницкий. Зодчество Азербайджана XII—XV вв. М., 1966, стр. 188, 199, 240, 242 и др.

К сожалению, не везде изучены могильники, окружающие склепы-мавзолеи.

В горах один и тот же участок служил кладбищем для десятков и сотен поколений и именно на таких, издревле отведенных для погребений участках возникали и склепы-мавзолеи.

На примере исследования могильников, окружающих круглопланные склепы, можно более определенно говорить, что они появляются не позднее XV века (мавзолей у с. Ташлы-Тала) и существуют до XVIII века (мавзолей в с. Мухол).

Гораздо сложнее обстоит дело с прямоугольными склепами. Уже отмечалось, что подобные склепы в Осетии Г. Кокиев датировал XII—XIII вв., ссылаясь на то, что они очень схожи с древнехристианскими часовнями и церквями. Такого же мнения придерживается Е. П. Алексеева относительно балкаро-карачаевских склепов. Примерно эту же точку зрения высказал А. А. Иессен, который писал, что «... наиболее древними склеповыми сооружениями (Кабардино-Балкарии. — И. М.) являются, очевидно, прямоугольные, первоначально воспроизводившие тип христианской часовни, но сооружавшиеся вплоть до начала XVIII века»¹³⁴. Но о первоначальной дате появления этих сооружений он не говорит.

Верхнюю дату бытования достаточно четко датируют эпиграфические памятники XVII—XVIII вв., а также результаты последних исследований склепового могильника у с. Даргавс СОАССР¹³⁵. Сложнее обстоит дело с ранней датой наземных склепов Северного Кавказа в целом.

Нам представляется, что в настоящее время у нас нет достаточных оснований относить появление этого рода склепов именно к XII—XIII вв. Мнение о том, что они схожи с древнехристианскими часовнями, возможно, и оправдано применительно к территории Северной Осетии, где действительно было очень много святилищ и часовен и многие из них функционируют вплоть до наших дней. А на территории Балкарии и Карачая церкви, относящиеся к XII—XIII вв., были немногочисленны¹³⁶ и не столь распространены, как в соседней Осетии.

Эти церкви не столь похожи на склепы, чтобы выводить последние от них. Мы можем говорить лишь о том, что перенята общая форма — прямоугольное основание и двускатная крыша. Но в этом случае остается совершенно неопределимым время, ког-

¹³⁴ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 31.

¹³⁵ Л. И. Лавров. ЭПСК, ч. I, стр. 152; его же. Об арабских надписях, стр. 97—118; В. Х. Тменов. Археологическое исследование «Города мертвых» у села Даргавс в 1967 году. МАДИСО, т. II. Орджоникидзе, 1969, стр. 157.

¹³⁶ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 31.

да именно эта форма древнехристианских церквей и часовен переходит в форму мавзолея. То ли одновременно с появлением церквей, то ли в эпоху заката христианства в этих областях, когда церкви уже не строились? Вопрос этот крайне сложный, и пока нет достаточных оснований считать, что прямоугольные склепы возникают именно в XII—XIII вв. И прав был А. А. Иессен, когда оставлял неопределенным нижние рамки построения этих склепов, высказав лишь предположение, что они могли появиться в XV веке, в частности склеп Камгута¹³⁷.

Примерно к этому же времени (XV—XVI вв.) относятся прямоугольные склепы у замка Джабоевых и на горе Курнаят. Возникнув в XV—XVI вв., эти склепы бытуют вплоть до XVIII века включительно.

Более поздние из прямоугольных склепов с полным основанием можно считать одновременными с шести- и восьмигранными, которые относятся к XVII—XVIII вв. (Карт-Джуртовские склепы). При изучении их на местах, в Балкарии и Карачае, бросается в глаза одинаковая техника строительства, обработка камней, наличие одинакового известкового раствора, на котором производилась кладка и которым оштукатуривались стены. Оба типа склепов — прямоугольные и граненые, располагаются на одном и том же кладбище, в буквальном смысле рядом. (В. Черем, см. фото 15.)

Во второй половине XVIII—XIX веке многогранные и редко прямоугольные (1 экз. у с. Заюково, ныне не сохранился) распространяются и на территории Кабарды, где они хорошо датируются арабскими надписями. По мнению ряда авторов, они считаются позднейшим дериватом балкарских¹³⁸, так как в более западных районах расселения адыгов они неизвестны. В Балкарии эти склепы существовали и в доисламское время (до XVII—XVIII вв.)¹³⁹.

Таким образом, обзор и анализ наземных склепов Балкарии и Карачая позволяют нам сделать следующее предварительное заключение. Наиболее древние круглопланные склепы появляются не позднее XV века — ранний тип представлен склепом у с. Ташлы-Тала. А существуют они вплоть до XVII—XVIII вв.

¹³⁷ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 31.

¹³⁸ П. С. Паллас. Указ. соч., т. I, стр. 319, 363; Б. Е. Деген-Ковалевский. Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции. (Археологические работы на новостройках в 1932—1933 гг.) ИГАИМК, вып. 110, ч. II, М.—Л., 1935, стр. 14—15.; Л. И. Лавров. Об арабских надписях Кабардино-Балкарии, стр. 117; И. М. Чеченов. Указ. соч., стр. 76—77.; Л. И. Лавров. ЭПСК, ч. II, стр. 122.

¹³⁹ Л. И. Лавров. Об арабских надписях, стр. 117; его же, ЭПСК, ч. II, стр. 122.

(склеп в с. Мухол). Наиболее ранними прямоугольными склепами являются Курнаятский XIV—XV вв. и склеп у замка Джабоевых, появившийся не позднее XVI века. Из граненых склепов ранним является склеп у с. Булуигу, он более примитивен и грубо построен, с неравными и небрежно сооруженными стенами.

Расцвет склеповой культуры представлен более поздними двускатными и гранеными, тщательно сооруженными склепами, они представляются нам законченными архитектурными формами. Эти склепы относятся к XVII—XVIII вв. В XVIII—XIX вв. возникают так называемые полусклепы, как в Карт-Джурте.

Суммарно все склепы можно разделить на две хронологические группы — первая группа объединяет склепы XV—XVI вв. (Тапшы-Тада, у замка Джабоевых, Курнаят). Вторая объединяет склепы XVI—XVIII вв. (все остальные склепы). Такое разделение представляется оправданным и важным в том смысле, что более древнюю группу склепов можно в историко-культурном отношении связать с оборонительными сооружениями, входящими в «группу А», более позднюю группу с башнями — в «группу Б». Это объединение аргументируется и соответствующей строительной техникой — примитивностью или завершенностью архитектурных форм и пр. Более древние склепы и башни в большинстве случаев не приписываются какому-нибудь отдельному лицу княжеского происхождения, тогда как более поздние определенно принадлежат отдельным князьям (ср. склепы Камгута и Абаевых, башни Абаевых, Балкаруковых, башня Амирхана, башня Баксанука и т. п.).

Дальнейшее изучение рассмотренных памятников в этой связи было бы очень желательно и дало бы много ценного для восстановления ведущих форм материальной культуры, а в целом и для воссоздания средневековой истории Балкарии и Карачая.

4. Сравнения

Для того чтобы более ясно представить себе специфику балкаро-карачаевских наземных склепов, необходимо сопоставление их с подобными сооружениями соседних областей, где они также широко бытовали в рассматриваемую эпоху. Прежде всего выявим их общие черты для чечено-ингушских, осетинских и балкаро-карачаевских.

Общие черты склепов всех трех областей сводятся к следующему.

1. Почти все наземные склепы располагаются на древних кладбищах, вблизи от аулов или же в них, либо в долинах ущелий, либо на склонах гор.

2. Наблюдается одинаковая строительная техника — обработка и кладка камней, известковый раствор и штукатурка.

3. Общее прослеживается и в конструкции. Во всех этих областях распространенными типами можно считать склепы с прямоугольным основанием. В Чечено-Ингушетии, Балкарии и Осетии встречаются и круглоплановые¹⁴⁰.

4. В Чечено-Ингушетии нет многогранных склепов, как в Балкарии, а в Осетии их три (в Санибе, Кобани и Фаснале)¹⁴¹.

Перечисленные сходные черты охватывают лишь поверхностные, самые общие элементы, связанные с месторасположением, планировкой и назначением. Во всех остальных более существенных архитектурных деталях, которые иллюстрируют специфические особенности склеповой культуры той или другой области, склепы во многом отличаются. Эти черты и должны лечь в основу при выявлении специфических особенностей чечено-ингушских, осетинских или балкаро-карачаевских склепов.

Отличие чечено-ингушских склепов от балкаро-карачаевских сводится к следующим чертам (табл. 6):

1) Для прямоугольных склепов Чечено-Ингушетии характерно пирамидально-ступенчатое, двускатно-ступенчатое перекрытие или перекрытие, заканчивающееся продольным коньком по вершине (в Чечне)¹⁴².

2) Круглоплановые склепы имеют конусообразную крышу с опускающимися с вершины гуртами. Иногда подобные гурты имеются и у прямоугольных склепов¹⁴³.

3) В Чечено-Ингушетии очень много двух-, трех- и четырехэтажных склепов, особенно наземных прямоугольных с пирамидальной крышей¹⁴⁴.

4) На штукатурке стен в склепах Чечено-Ингушетии очень часто встречаются всевозможные отпечатки рук, примитивные изображения пеших и всадников¹⁴⁵. В Балкарии изображение рук, как исключение, встречается лишь в усыпальнице князя Камгута.

5) У входов в склепы почти повсеместно имеются вмонтиро-

¹⁴⁰ И. П. Щелькин. Указ. соч., стр. 26—27; Г. Кокиев. Указ. соч., стр. 25.

¹⁴¹ Л. П. Семенов. Указ. соч., стр. 154; Г. Кокиев. Указ. соч., стр. 12, 14, 25.

¹⁴² Л. П. Семенов. Указ. соч., стр. 19, 50; И. П. Щелькин. Указ. соч., стр. 26; В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 258, 260, рис. 6 (1—5); В. Ф. Миллер. МАК, 1, стр. 28, рис. 42—43.

¹⁴³ Л. П. Семенов. Указ. соч., стр. 19; И. П. Щелькин. Указ. соч., стр. 26; В. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 27, рис. 40—41.

¹⁴⁴ И. П. Щелькин. Указ. соч., стр. 26—27; В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 265—266; В. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 25, рис. 38—39.

¹⁴⁵ Л. П. Семенов. Указ. соч., стр. 20; И. П. Щелькин. Указ. соч., стр. 27; В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 267.

ваные в стену, торчащие плоские каменные плиты с просверленными круглыми отверстиями¹⁴⁶.

6) Неотъемлемой деталью чечено-ингушских склепов является наличие ниш и полок внутри склепов. Часто эти полки проходят по образно вдоль трех стен в 1—2—3 ряда¹⁴⁷.

7) Чечено-ингушские склепы содержали, как правило, несколько десятков погребенных, тогда как в Балкарии и Карачае они всегда одиночные или содержат не более трех скелетов.

8) Имеются в Чечено-Ингушетии двухкамерные склепы, одна из этих камер являлась поминальной¹⁴⁸.

Таковы основные отличительные особенности чеченских и ингушских склепов. Ни один из указанных признаков не присущ склепам Балкарии и Карачае, за исключением наличия отпечатков рук в одном случае (склеп Камгута).

Но вместе с тем чечено-ингушские склепы имеют очень много общего с осетинскими и хевсурскими склепами. Многие считают, что в Хевсуретии строителями склепов были чеченские и ингушские мастера или они строились под их влиянием¹⁴⁹.

Сходство чечено-ингушских склепов с осетинскими наблюдается даже в деталях — устройство лазов-входов и их затворов, просверленные плиты у входов, спускающиеся с крыш гурты, отпечатки рук и изображения, пирамидально-ступенчатые и двускатно-ступенчатые крыши и т. п.¹⁵⁰.

Прежде чем приступить к сравнению балкаро-карачаевских склепов с осетинскими, отметим, что для Северной Осетии Г. Кокеев выделяет два варианта склепов: Восточный — иронский вариант, где основной тип склепов — круглые, четырехугольные и 6—8-гранные (3). Перекрытия всех этих склепов либо двускатно-ступенчатые, либо пирамидально-ступенчатые.

Западный — дигорский вариант отличается тем, что здесь не ступенчатых перекрытий — крыши гладкие¹⁵¹.

Поскольку для Осетии характерны два варианта склепов, рассмотрим каждый из них в отдельности.

Восточный (иронский) вариант североосетинских склепов отличается от балкаро-карачаевских следующими чертами (см. табл. 6):

1) Очень часты склепы двух-трехкамерные в плане и дву-

трехъярусные в высоту. Межэтажные перекрытия представляют глухие перегородки. Внутренние камеры отделены друг от друга

¹⁴⁶ Л. П. Семенов. Указ. соч., стр. 23.

¹⁴⁷ И. П. Щелькин. Указ. соч., стр. 26; В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 258, с.

¹⁴⁸ Л. П. Семенов. Указ. соч., стр. 19; В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 261—265.

¹⁴⁹ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 268.

¹⁵⁰ Л. П. Семенов. Указ. соч., стр. 23, 154; Г. Кокеев. Указ. соч., рис. 1—2, 7, 8, 10, 13, 18; В. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 58, рис. 68; стр. 59, рис. 71.

¹⁵¹ Г. Кокеев. Указ. соч., стр. 12, 25—26; В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 268.

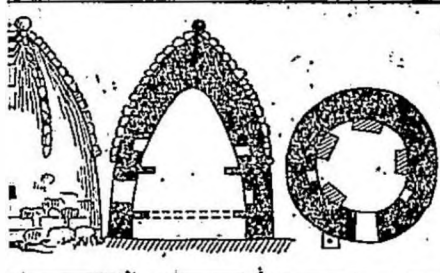
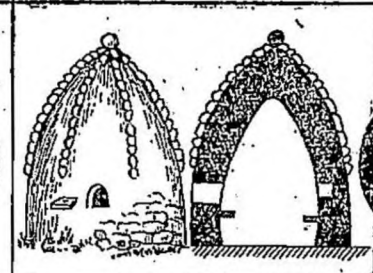
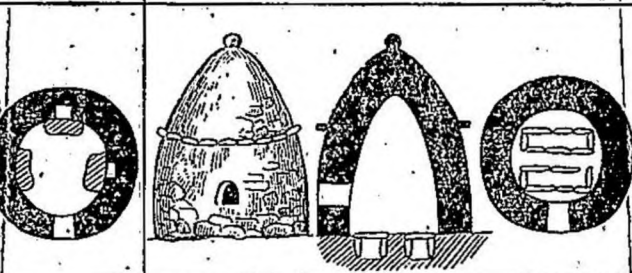
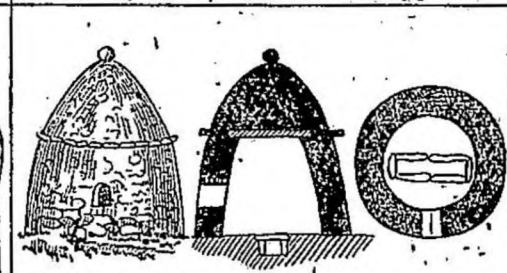
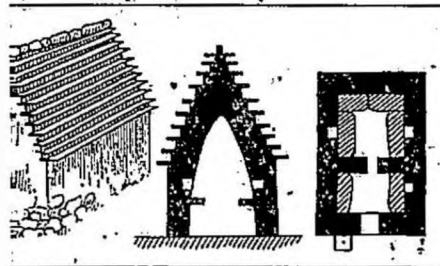
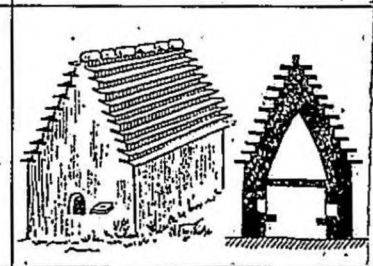
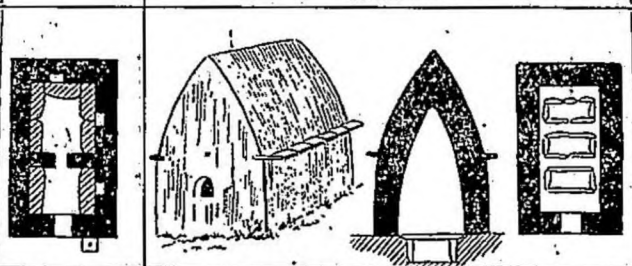
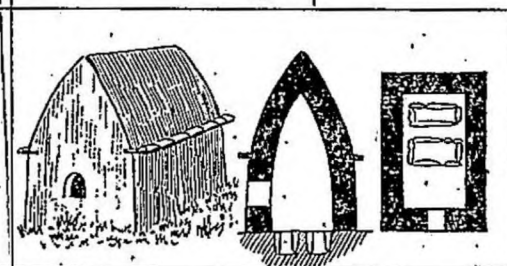
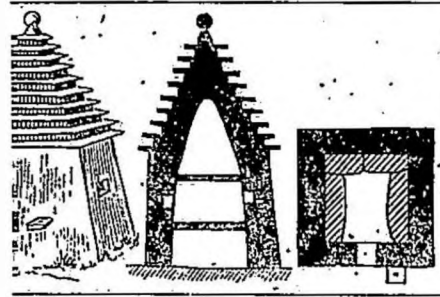
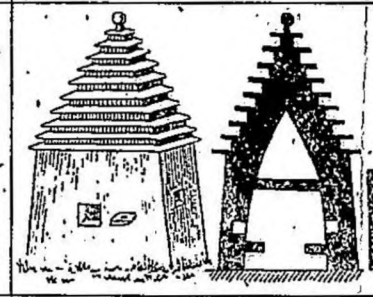
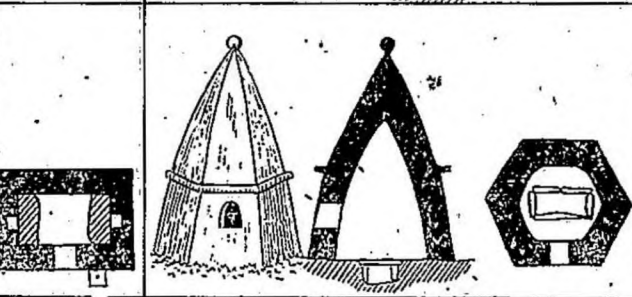
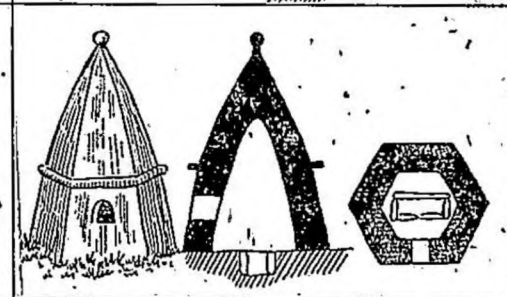
Восточный вариант		Западный вариант	
Чечено-ингушская группа	Иронская группа	Дигорская группа	Балкаро-Карачаевская группа
			
			
			

Табл. 6. Образцы наземных склепов Северного Кавказа.

важные в стену, торчащие плоские каменные плиты с просверленными круглыми отверстиями ¹⁴⁶.

6) Неотъемлемой деталью ингушских склепов является наличие

трехъярусные в высоту. Межэтажные перекрытия представляют глухие перегородки. Внутренние камеры отделяются друг от друга стенами, в которых имеются небольшие узкие двери. (Например, Даллагкаульская группа склепов ¹⁵²).

2) Чрезвычайно распространены двускатные ступенчатые крыши в четырехугольных и пирамидально-ступенчатые в трех многогранных склепах ¹⁵³.

3) Иногда внутреннее пространство склепов вместо сплошных межэтажных перегородок разделяется полками, идущими вдоль стен в несколько ярусов ¹⁵⁴.

4) Круглопланные склепы снабжены четырьмя или шестью каменными гуртами на крыше, спускающимися до верхнего края двери ¹⁵⁵.

5) Почти неотъемлемой деталью их являются торчащие из стен у входов плоские шиферные плиты с просверленными отверстиями ¹⁵⁶.

6) Как и склепы Чечено-Ингушетии, восточная группа североосетинских содержит в отличие от балкарско-карачаевских по несколько десятков костяков.

Таковы основные черты восточного варианта склепов Северной Осетии, отличающие их от склепов Балкарии и Карачая.

Из описания склепов Балкарии и Карачая видно, что ни одна из указанных деталей североосетинских склепов не прибуща склепам изучаемого нами района.

Наряду с такими отличительными чертами восточного варианта осетинских склепов, дигорская группа (западная), наоборот, очень близка к балкарско-карачаевским.

Общие черты балкарско-карачаевских склепов с дигорскими

1) В Дигории, как и в интересующем нас районе, нет пирамидально-ступенчатых или двускатно-ступенчатых крыш. Крыши склепов как четырехугольных, так и многогранных — гладкие ¹⁵⁷.

2) В дигорских склепах нет просверленных шиферных плит, которые являются неотъемлемой деталью восточных (иронских) ¹⁵⁸.

3) Почти все склепы в Дигории назначались для индивидуаль-

¹⁵² Г. Кокеев. Указ. соч., стр. 8—22.

¹⁵³ Там же, стр. 12, 14, 25, рис. 7, 8, 10, 13, 18.

¹⁵⁴ Там же, стр. 22.

¹⁵⁵ Там же, стр. 25.

¹⁵⁶ Там же, стр. 19.

¹⁵⁷ Там же, стр. 12, 25.

¹⁵⁸ Там же, стр. 12.

ных захоронений или же число покойных не превышает трех человек¹⁵⁹, как и в балкаро-карачаевских.

4) Могилы устраивались в грунте, как в Балкарии и Карачае¹⁶⁰. Отличаются дигорские склепы лишь наличием в полу подвалов, чего нет в балкарских, карачаевских и осетинских склепах восточной группы¹⁶¹.

Сравнительный анализ убеждает в том, что восточная группа североосетинских склепов имеет очень много общего с чечено-ингушскими, а западная группа (дигорская) — со склепами Балкарии и Карачая. Отсюда можно сделать вывод о том, что в общем склеповая культура Центрального Предкавказья разделяется на две большие локальные группы, внутри которых возможны различные типы и микролокальные особенности. (См. табл. 6.)

Восточная группа объединяет склепы Чечено-Ингушетии и восточный вариант североосетинских склепов.

Западная группа объединяет склепы Дигории, Балкарии и Карачая.

Восточная группа отличается пирамидальными и двускатными ступенчатыми крышами, устройством полок, разделяющих внутреннее пространство на ярусы, наличием выступающих шиферных плит с отверстиями поминальных камер и наличием ниш в стенах склепов, которые являлись коллективными усыпальницами для целого рода или фамилии и содержали десятки костяков.

Западная группа отличается гладкими крышами, устройством могил в грунте, отсутствием полок, ниш и шиферных плит с отверстиями.

Предложенная локализация наземных склепов Северного Кавказа¹⁶² пока не вызывает возражений у исследователей. Она ярко демонстрируется рядом существенных архитектурных деталей и погребального обряда. Как отмечалось выше, внутри этих двух больших групп при дальнейшем специальном изучении могут быть выделены отдельные микролокальные особенности.

В силу сравнительно одинаковых физико-географических условий и примерно в одно и то же время наземные склепы одинаково распространены по всей высокогорной полосе Северного Кавказа от Карачая до Чечни. Однако в каждой отдельно взятой области они несут на себе специфические отличительные черты, свойственные склеповой архитектуре и культуре, базирую-

¹⁵⁹ Г. Кокиев. Указ. соч., стр. 12.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же, стр. 25—26.

¹⁶² И. М. Мизилов. Средневековая материальная культура Балкарии и Карачая..., стр. 17—18.

щейся на определенной социально-экономической основе каждого народа.

Общие черты в конструкции, деталях и, что особенно важно, в погребальном обряде объясняются тесными экономическими и культурными связями соседних народов, их уровнем развития. Восточные области Северной Осетии были более тесно связаны с Чечено-Ингушетией, нежели с Балкарией и Карачаем, и потому склепы этих районов выделяются в отдельную — восточную группу.

Балкария же тесно была связана с соседней Дигорией в экономическом и культурном отношении, поэтому склепы этих районов выделяются в другую — западную группу.

Тесные контакты Балкарии с Дигорией наблюдаются не только на примере склеповых сооружений. Известно, что дигорский диалект осетинского языка отличается от иронского характерным «прицокиванием». То же самое «цоканье» свойственно балкарцам, живущим по соседству с Дигорией (Черекское ущелье), хотя причины этого окончательно еще не выяснены. Кроме того, родословные связи многих дигорских и балкарских фамилий, взаимно переплетаясь, уходят в глубь веков, а в настоящее время в обеих этих областях много одинаковых фамилий — например, Абаевы, Малкаровы, Тондуевы и мн. др. Следовательно, общность и единство склеповой культуры этих областей — факт не единичный и не случайный, а исторически вполне оправданный.

Все сказанное позволяет заключить, что склеповая культура Северного Кавказа не является какой-то аморфной, как это может показаться на первый взгляд, а напротив, сопоставительный анализ склепов показывает, что в каждой отдельной области они отличаются особыми чертами и деталями, отражающими специфику склеповой культуры и погребального обряда каждого из народов. Дальнейшее их сравнительное изучение в связи с другими памятниками даст много нового и ценного материала для осещения средневековой истории северокавказских народов в социально-экономическом и этническом отношении.

5. О причинах появления наземных склепов Балкарии и Карачая

В социально-экономическом отношении весьма интересным может оказаться вопрос о причинах появления наземных склепов. В этом вопросе особых разногласий среди ученых нет. Л. П. Семенов склонен считать, что происхождение склепов связано с религиозными представлениями людей — бытование культуры мертвых порождало желание сохранить покойников. Он приводит в поль-

зу этого народную ингушскую поговорку: «Человеку при жизни нужна башня, после смерти — нужен склеп»¹⁶³. Г. Кокиев, вслед за В. Ф. Миллером, объяснял появление склепов двумя причинами: а) малоземельем в нагорной полосе, б) культом мертвых и вытекающими отсюда представлениями народа о загробной жизни.¹⁶⁴ К мнению Л. П. Семенова по этому вопросу присоединяется и В. И. Марковин.¹⁶⁵ По мнению последнего, малоземелье не могло быть причиной появления этих сооружений. Это он подкрепляет тем, что в нагорном Дагестане, где не в меньшей степени испытывалось малоземелье, нет позднесредневековых склеповых могильников.

Как видно, одни объясняют появление склепов религиозными воззрениями (Л. П. Семенов, В. И. Марковин), другие добавляют к этому еще и малоземелье (В. Ф. Миллер, Г. Кокиев). Ни один из этих исследователей не отводит должного места внутриобщественным причинам, связанным с развитием и социально-экономическим прогрессом общества, не раскрывает глубинных причин появления этих сооружений, ограничиваясь, на мой взгляд, выявлением причин второстепенного порядка. Культ мертвых и малоземелье, безусловно, имели определенное значение, но не главное.

Прежде всего надо отметить, что указанные исследователи говорят вообще о склеповой культуре, а не отдельно о наземных склепах. А такое разграничение крайне важно в историческом и научном отношениях, так как появление различных склепов (подземных, полуподземных и наземных) может быть объяснено разными историческими причинами.

Относительно религиозных причин появления склепов и культа мертвых надо сказать, что с культом мертвых связан не только склеповый обряд погребения. Культ мертвых является одним из древнейших культов первобытного общества. Он проявляется в той или иной форме в любом погребении — будь оно совершено в грунтовой яме, каменном ящике, катакомбе, в кургане или склепе. Во всех этих могилах проявляется культ мертвых — они одинаково почитаются, вместе с умершими кладут его одежду, оружие, пищу и пр.

Сам факт погребения покойного, даже изначально, был проявлением особого почитания мертвого. Культ мертвых, в какой бы форме он ни проявлялся, обусловлен различными социально-экономическими условиями того или иного общества.

¹⁶³ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии, стр. 75—77.

¹⁶⁴ Г. Кокиев. Указ. соч., стр. 67.

¹⁶⁵ В. И. Марковин. Указ. соч., стр. 269.

Известно, что различные социально-экономические условия, различные стадии развития общественных формаций обуславливали определенное проявление мировоззрения людей, в том числе и культа умерших. В этом случае всякий культ мертвых представляется как продукт социально-экономических условий. Другое дело, что этот культ в связи с развитием общества соответственно развивался и изменялся. Потому его надо рассматривать в историческом аспекте, в плане его возникновения и развития.

Объяснение появления склепов только лишь религиозными воззрениями общества звучит не совсем убедительно, хотя бы потому, что сами эти воззрения в корне зависят от социально-экономической основы общества.

Не вызывает сомнения, что и наземные склепы и окружающие их одновременные могильники оставлены одной этнической группой. Следовательно, не может быть проявления различия культа в одно и то же время у одной этнической группы населения.

Таковы наши общие замечания по этому поводу.

Что же касается малоземелья, то надо заметить, что эта причина также не является всеобъемлющей и не всегда подтверждается действительным расположением склепов.

Так, по замечанию В. И. Марковина, Дагестан более испытывает малоземелье, чем соседние области; однако там мы не находим такого скопления наземных склепов в эпоху позднего средневековья.

В Балкарии подземные и полуподземные склепы нередко расположены на удобных для обработки участках, которые и сейчас используются для посевов и покоса («Город мертвых» в Черекском ущелье). На таких же землях, удобных для хозяйственных нужд, располагались наземные склепы-мавзолеи Абаевых у с. Шканы Черекского ущелья, склеп Камгута в Баксанском ущелье, склепы у сс. Булунгу и Верхний Чегем Чегемского ущелья, склепы у с. Карт-Джурт в Карачае. Следовательно, нельзя объяснить малоземельем появление наземных склепов Балкарии и Карачая.

Малоземелье, конечно, играло определенную роль, и прежде всего для возникновения подземных и полуподземных склепов, но не столь главную при появлении наземных, как это может казаться на первый взгляд по аналогии с чечено-ингушскими и осетинскими и как принято считать многими исследователями вслед за указанными авторами.

Подземные и полуподземные склепы Балкарии, судя по их многочисленности по сравнению с наземными и наличию в них десятков погребенных, являлись родовыми. Они-то и возникали в силу устойчивых родовых отношений и малоземелья. Подобные

коллективные склепы имели каждый род, фамилия и семья. Возможно, в появлении подземных и полуподземных склепов выражался и культ мертвых, и желание сохранить целостность рода в «потустороннем» мире.

С разложением же родовых устоев и возникновением феодальных отношений возникали наземные склепы — усыпальницы таубиев. Тот факт, что на определенном этапе, в XIV—XV вв., они сосуществуют с полуподземными склепами, грунтовыми могилами и каменными ящиками, в десятки раз уступая им по количеству (Верхняя Балкария, Верхний Чегем, Карт-Джурт), является тому хорошим примером. Подтверждается это еще и тем, что сравнительно поздние наземные склепы XVIII—начала XIX века, например в Кабарде, также являлись княжескими усыпальницами¹⁶⁶.

В дополнение к этому тезису можно сослаться на то, что именно в эпоху развитых феодальных отношений возникают усыпальницы-мавзолеи в Золотой Орде — Маджарах XIV в.¹⁶⁷, мавзолеем Борга-Каш XV в. в Чечено-Ингушетии¹⁶⁸ и многочисленные мавзолеи Азербайджана XII—XV вв.¹⁶⁹.

О том, что появление в Балкарии наземных склепов является материальным отражением социального расслоения общества, свидетельствует, во-первых, то, что каждый из этих склепов приписывается отдельным княжеским семьям (склепы Абаевых, Балкаруковых, Урусбиевых, Мисаковых, Аккуловых, Крымшаухаловых и т. п.); во-вторых, они принадлежали отдельным лицам — главе феодальной фамилии или семьи (например, склепы таубиев — Сосрана и Алимурзы Абаевых, склеп родоначальника фамилии Мисаковых — Мисаки в Черекском и склеп Камгута в Баксанском ущельях и т. д.); в-третьих, наземные склепы-мавзолеи располагаются на синхронных кладбищах XIV—XVIII вв., где основная часть могил — либо каменные ящики, либо полуподземные склепы одновременные с мавзолеями. Основная масса населения хоронила своих покойников в этих могилах, и лишь особо выделившаяся из основной массы — феодализирующаяся, а затем и феодальная верхушка (таубии — горские князья) хоронила в склепах-мавзолеях. Обычай хоронить своих покойников — членов

¹⁶⁶ Л. И. Лавров. Об арабских надписях..., стр. 117; его же. ЭПСК, ч. II.

¹⁶⁷ Э. В. Ргеладзе. Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорья. САМ, 4, 1969, стр. 262—265.

¹⁶⁸ Л. П. Семенов. Мавзолей Борга-Каш. ИИНИК, вып. I. Владикавказ, 1928, стр. 217—232; Л. И. Лавров. Надпись мавзолея Борга-Каш. ИЧИНИИ, т. V, вып. I. Грозный, 1964, стр. 162—163.

¹⁶⁹ Л. С. Бреганицкий. Зодчество Азербайджана XII—XV вв. М., 1966, стр. 96—130, 167—201, 240—242.

своей фамилии в своем мавзолее строго соблюдался. Наземных склепов в общем не так много, как полуподземных или каменных ящиков, и, естественно, в них не могли хоронить всех покойников. Не всякая семья могла построить себе такое погребальное сооружение. В-четвертых, в Балкарии и Карачае наземные склепы содержали не более трех погребений, что заставляет считать их княжескими мавзолеями.

Все эти факты дают право полагать, что склепы-мавзолеи возникли в Балкарии и Карачае вследствие социального расслоения общества и выделения из общей среды крупных феодальных фамилий. Как при жизни эти феодалы и князья строили себе башни, крепости, замки и отмежевывались от основной массы населения, которое жило в обыкновенных горских саклях, точно так же и после смерти их хоронили в склепах-мавзолеях, и этим самым обособляли семью или фамилию. Тот факт, что в Ингушетии, где феодальные отношения не столь были выражены, как в Балкарии¹⁷⁰, при выдаче дочери замуж или жёнитбе сына в старину родители осведомлялись, есть ли у них родовой склеп, и если такового не оказывалось, брак между ними, становился невозможным¹⁷¹, свидетельствует опять-таки о социальном расслоении и неравенстве родов или фамилий, даже на более ранней стадии.

Из всего сказанного вытекает одно, что в отличие от других районов Северного Кавказа, наземные склепы появились в Балкарии и Карачае не в силу религиозного культа или малоземелья, а в силу становления феодального строя в этих областях. Если появление их объяснять религиозными причинами, то мы должны признать, что склепы должны были иметь каждый род, фамилия и семья, поскольку религиозные обряды всюду общие для всей этнической группы населения, которая этот обряд соблюдает. А поскольку эти склепы имели лишь отдельные фамилии, семьи и лица, то главная причина возникновения их в Балкарии и Карачае кроется в социально-экономической структуре общества — развитии и становлении феодальных устоев.

Если же объяснять появление склепов-мавзолеев малоземельем, то отсюда вытекает, что те крупные феодальные фамилии, которые имели башни, замки, крепости и мавзолеи (например, Абаевы, Мисаковы, Балкаруковы и др.), больше всего страдали малоземельем. Как видно, вывод отсюда получается более чем парадоксальный.

¹⁷⁰ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией, стр. 80—82, 175; ее же. О некоторых особенностях генезиса феодализма у народов Северного Кавказа. «Проблемы возникновения феодализма у народов СССР», М., 1969, стр. 180, 184.

¹⁷¹ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания..., стр. 75.

Таким образом, надо полагать, что появление наземных склепов-мавзолеев в Балкарии и Карачае, по крайней мере начиная с XIV—XV вв., объясняется прежде всего социально-экономическими условиями, выделением крупных таубиев. Они являются материальным отражением расслоения общества. Это хорошо прослеживается как на примере анализа башенных и замковых сооружений, так и погребальных памятников позднего средневековья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Башенные и склеповые сооружения были распространены в высокогорной полосе Балкарии и Карачая. Количество их шло по линии уменьшения от верховьев р. Черек к Кубани, с промежуточным скоплением у сел. Верхний Чегем. На равнинной территории Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии оборонительных сооружений башенного типа не было, за исключением одной башни Адиух в Карачаево-Черкесии, построенной в XVIII веке. Сравнительно поздние и в основном многогранные наземные склепы XVIII—XIX вв. были известны на равнинной территории Кабардино-Балкарии.

К настоящему времени в Балкарии и Карачае более или менее сохранилась лишь часть оборонительных сооружений, некогда созданных балкарцами и карачаевцами. В прошлом их было намного больше.

Анализ сохранившихся башенных построек позволяет разделить их на две большие группы. Каждая из этих групп содержит в себе несколько типов сооружений. К первой группе — «А» относятся сооружения, расположенные на труднодоступных вершинах и склонах гор. Ко второй группе «Б» относятся башни, сооруженные непосредственно в самих аулах или вблизи от них, в долине. В зависимости от своего расположения эти сооружения отличаются как хронологически, так и рядом конструктивных особенностей.

Сооружения группы «А» более ранние. В свою очередь они делятся на сооружения XIII—XIV вв., которые рассматриваются нами как родовые башни. Поздние сооружения группы «А» относятся к XV—XVI вв. Они представляют собой более совершенные оборонительные комплексы, это — замки и целые системы сооружений с цитаделями. Эта категория сооружений свидетельствует о довольно развитом уровне феодальных отношений, о возникновении крепостей феодалов — замков.

Группа «Б» более поздняя и относится к XVII—XVIII вв. Эти

башни уже определенно принадлежат балкарским князьям-тауби-ям. Их расположение в самих аулах, а не на недоступных вершинах гор свидетельствует о том, что феодальные отношения прочно вошли в жизнь балкарского и карачаевского общества.

В начале XVII—XVIII в. наличие в этих обществах помещиков и князей засвидетельствовано русскими и грузинскими документами.

Проанализированные фортификационные памятники свидетельствуют о довольно высоком уровне строительного мастерства их создателей. Они являются важнейшими источниками для освещения многих существенных вопросов позднесредневековой истории балкарского и карачаевского народов.

На территории Балкарии и Карачая некогда было большое количество и различных склеповых сооружений. Большому разрушению подверглись наземные склепы. К настоящему времени их сохранилось 17 экземпляров. Как и башенные сооружения, они идут по убывающей линии от Верхней Балкарии к Карачаю с промежуточным скоплением у с. Верхний Чегем.

Наземные склепы в Кабардино-Балкарии выходят за пределы горной зоны только в XVIII—XIX вв. Полуподземные же склепы в равнинных районах неизвестны.

Позднесредневековые полуподземные склепы являются продолжением ранних и имеют с ними много общих, предметных черт. Судя по многочисленности полуподземных склепов, в сравнении с наземными, и наличию в них десятков скелетов, их можно рассматривать как родовые и фамильные склепы балкарцев и карачаевцев. Эти склепы бытуют в Балкарии и Карачае с IV—V по XVI век.

В XIV—XV веках здесь появляются наземные склепы и строятся до XVIII века включительно. Поскольку они содержат всегда одно или не более трех погребений и принадлежат отдельным княжеским лицам или их семьям, постольку правомерно их считать феодальными усыпальницами, мавзолеями балкарских и карачаевских таубиев. На определенном этапе развития балкарского и карачаевского общества — XV—XVI вв. — полуподземные и наземные склепы сосуществуют — первые доживают свое время и постепенно угасают, вторые начинают свое развитие.

Тот факт, что наземные склепы не так многочисленны, как одновременные полуподземные и другие виды могил, и всегда находятся в окружении последних, свидетельствует также о социальной причине возникновения наземных усыпальниц. Более ранние наземные склепы XV—XVI вв. соответствуют поздним типам башенных сооружений группы «А».

Анализ архитектурных особенностей позволяет разделить на

земные склепы на три группы — круглоплановые с конусообразной крышей, прямоугольные с двускатной и многогранные с пирамидальной крышей. Многогранные склепы с пирамидальными крышами являются самыми поздними и относятся к XVII—XVIII векам. Они появляются с распространением ислама.

Изучение башенных и склеповых сооружений во взаимосвязи их между собой и в сопоставлении с памятниками предшествующих эпох позволяет объяснить появление в высокогорных районах Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии большого количества башен, замков, крепостей и наземных склепов и мавзолеев, с одной стороны, внутренними социальными причинами — развитием и становлением феодальных отношений в горских обществах Балкарии и Карачая, а с другой — причинами внешнеполитического порядка — нашествием монголо-татар, Тимура и продвижением адыгских племен (XIV—XV вв.), окончательно замкнувших балкарцев и карачаевцев в ущельях Центрального Предкавказья.

Сравнительное изучение этих памятников с синхронными и аналогичными памятниками соседних областей выявляет в них как общие, так и специфические особенности, присущие каждому району. Специфика проявляется в погребальном обряде, связанном с наземными склепами, в архитектурных деталях и конструкции, в особенностях эстетического вкуса каждого народа.

Сопоставительный анализ наземных склепов северокавказских народов позволил разделить их на две большие локальные группы по архитектурным деталям и погребальному обряду. Восточная группа объединяет наземные склепы Чечено-Ингушетии и иронский вариант североосетинских склепов.

Отличительными особенностями этой группы являются: пирамидальные и двускатные ступенчатые крыши, наличие ниш, полок, разделяющих внутреннее пространство склепов на ярусы, наличие выступающих из стен шиферных плит с отверстиями и поминальные камеры. Кроме того, они назначались для захоронения нескольких десятков покойников.

Западная группа отличается гладкими крышами, устройством могил в грунте, под полом склепов, отсутствием полок, ниш и шиферных плит с отверстиями. Склепы этой группы содержали одиночные или не более трех погребений.

К западной группе относятся склепы Дигории, Балкарии и Карачая.

Безусловно, внутри этих двух больших групп наземных склепов возможны отдельные микролокальные особенности, как и в изучаемых областях.

Дальнейшее исследование архитектурно-археологических объектов Балкарии и Карачая на фоне сравнительного изучения раз-

личных памятников, в сопоставлении с данными этнографии, фольклора и других смежных наук, несомненно, будет способствовать более глубокому и всестороннему освещению средневековой истории балкарского и карачаевского народов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВЕ — Вестник Европы.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ИИРАО — Известия императорского русского археологического общества.
ИИНИИ — Известия Ингушского научно-исследовательского института.
ИАК — Известия археологической комиссии.
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР.
ИЮОНИИК — Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института краеведения.
КБАССР — Кабардино-Балкарская АССР.
КБНИИ — Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт.
КСИА — Краткие сообщения института археологии АН СССР.
ЛЮИА — Ленинградское отделение института археологии.
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МЭГ — Материалы по этнографии Грузии.
ОАК — Отчет археологической комиссии.
РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук.
РАЖ — Русский антропологический журнал.
СА — Советская археология.
СЭ — Советская этнография.
СОНИИ — Северо-Осетинский научно-исследовательский институт.
ССК — Сборник сведений о Кавказе.
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
СГАИМК — Сообщение ГАИМК.
СКАЭ — Северо-Кавказская археологическая экспедиция.
ЕРГО — Ежегодник Русского горного общества.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
ТВОИРАО — Труды Восточного отделения императорского Русского археологического общества.
УЗКБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института.
УЗСПИ — Ученые записки Ставропольского государственного педагогического института.
ЧИАССР — Чечено-Ингушская АССР.
ЭПСК — Эпиграфические памятники Северного Кавказа.
ЮОНИИ — Юго-Осетинский научно-исследовательский институт.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
Глава I. Позднесредневековые оборонительные сооружения Балкарии и Карачая	7
1. Общие сведения	11
2. О географии размещения башенных сооружений Балкарии и Карачая	14
3. Описание и типология башенных сооружений Балкарии и Карачая	16
4. Сравнения	43
5. О времени и причинах возникновения башенных сооружений Балкарии и Карачая	46
Глава II. Позднесредневековые склеповые памятники Балкарии и Карачая	
1. Общие сведения и география размещения	53
2. Описание и типология наземных склепов Балкарии и Карачая	56
3. Хронология наземных склепов	72
4. Сравнения	76
5. О причинах появления наземных склепов Балкарии и Карачая	81
Заключение	86
Список сокращений	89

Исмаил Муссаевич Мизиев

**СРЕДНЕВЕКОВЫЕ БАШНИ И СКЛЕПЫ
БАЛКАРИИ И КАРАЧАЯ**

Редактор *С. Б. Теплеев*

Художник-редактор *И. Г. Абрамов*

Технический редактор *Л. Д. Дадашева*

Корректор *В. А. Выльчикова*

Сдано в набор 7/VI 1970 г. Подписано к печати 11/IX 1970 г. Формат 60×84^{1/16}
Бумага типографская № 2. Печ. л. 5,75+2 (вкл.). Уч.-изд. л. 5,64+1,66 (вкл.)
Тираж 600 экз. ЧО1828. Цена 50 коп.

Книжное издательство «Эльбрус». Нальчик, ул. им. адмирала Головки, 6
Заказ № 5498. Типография им. Революции 1905 г. Управления по печати
при Совете Министров КБАССР. Нальчик, пр. им. Ленина, 33